

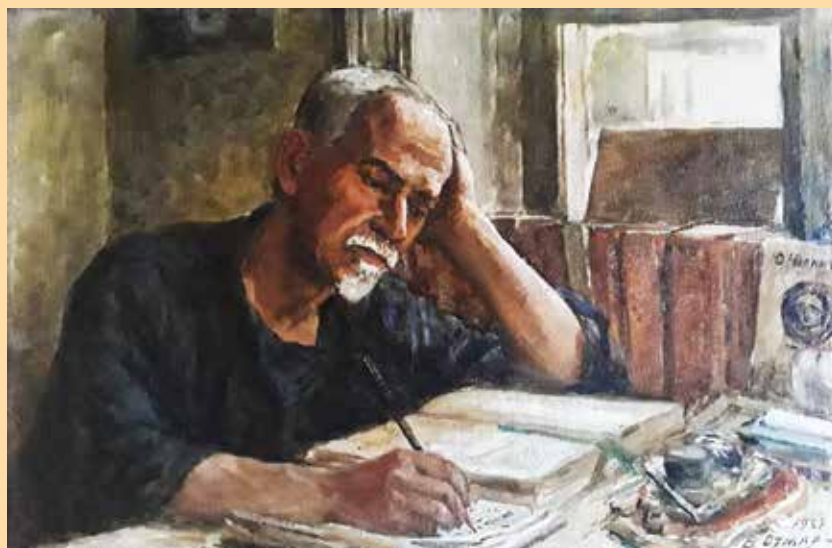
ISSN 1993-9477

XXI ВЕК

ВОЛГА

7-8 2020

Литературно-художественный журнал

Художник В. Отмар. Портрет М. Н. Чернышевского, младшего сына Н. Г. Чернышевского, основателя музея. Саратов, 1920 г.

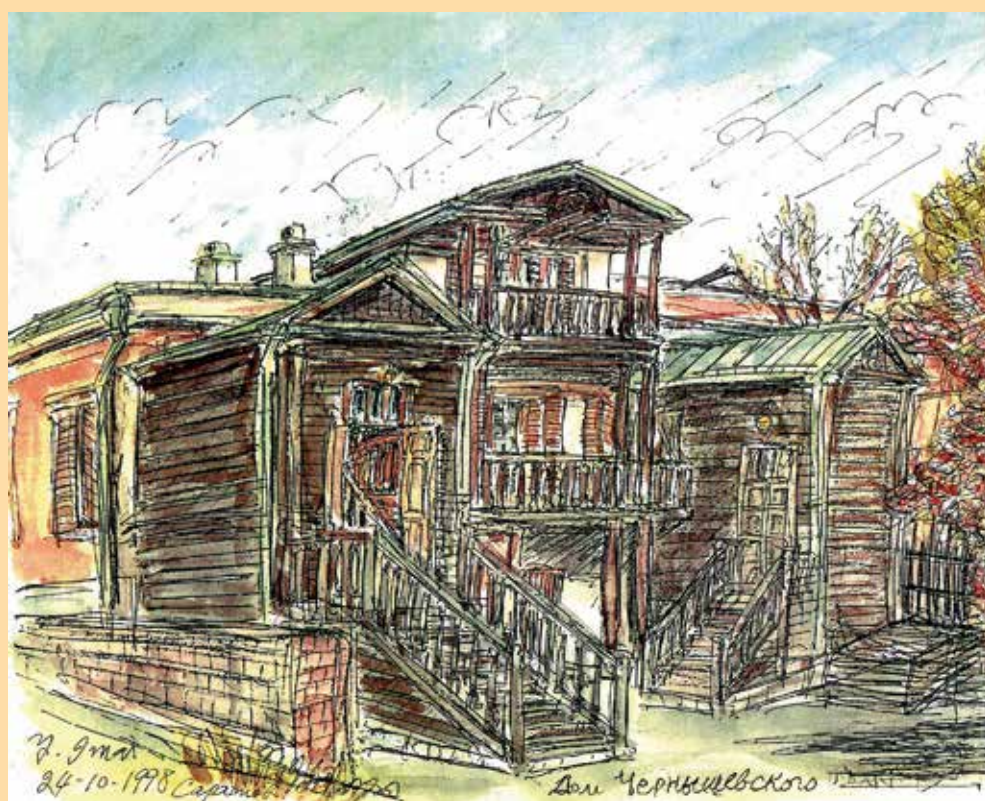

Рисунок Имаи Ёсио (Япония). «Дом Чернышевского», 1998 г.

XXI ВЕК

ВОЛГА

7-8 2020

Литературно-художественный журнал

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- А.Ю. Аврутин** – член Союза писателей Беларуси (Минск)
А.Б. Амусин – член Союза писателей России, председатель Ассоциации Саратовских Писателей
А.А. Бусс – член Союза писателей России (Саратов)
В.И. Вардугин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Е.А. Грачёв – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Д.Е. Кан – член Союза писателей России (Оренбург)
О.И. Корниенко – член Союза писателей России (Сызрань)
В.В. Ковалёв – член Союза художников (Рига)
В.А. Кремер – член Союза писателей России (Саратов)
М.А. Лубоцкий – член Союза писателей Москвы, ответственный секретарь Ассоциации Саратовских Писателей
В.Д. Лютый – член Союза писателей России (Воронеж)
М.С. Муллин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Г.П. Муренина – директор музея Н.Г. Чернышевского, член Ассоциации Саратовских Писателей

7-8 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭТОГРАД

Николай БЕСЕДИН. **Ранетки** 3

ОТРАЖЕНИЯ

Алексей ВАСИЛЕНКО. **Два друга** 9

ПОЭТОГРАД

Галина ТАЛАНОВА. **Отчий дом** 23

ДЕСЯТАЯ ПЛАНЕТА

Виктор САЗЫКИН. **Крутоверть беспробудная (Окончание)** 28

ПОЭТОГРАД

Ольга АНДРЕЕВА. **Равноденствие** 96

КАМЕРА АБСУРДА

Александр ТРАМ. **Два рассказа** 99

ПОЭТОГРАД

Александр ДИВЕЕВ. **Незримый свет** 116

К 75-ЛЕТИЮ

ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

**Дневник Главного хирурга отдела эвакогоспиталей
Саратовского облздравотдела профессора С. Р. Миротворцева** 120

В САДАХ ЛИЦЕЯ

Артём КОМАРОВ. **Летний день** 158

ПОЭТОГРАД

Кселена ЛИТВИНОВА. **Погадай на судьбу, осень...** 161

ЮБИЛЕЙ

Лидия БОГОВА. **Сцена, занавес, актёры — начинается игра!** 165

РЕЦЕНЗИИ

Дмитрий ЕРМАКОВ. **Очарованный жизнью странник** 172

К 100-ЛЕТИЮ

МУЗЕЯ-УСАДЬБЫ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Татьяна КОНКИНА. **Дом, ставший музеем** 175

Ирина СЕМЁНОВА. **История в «моментальном срезе», или
Не только книги имеют свою судьбу** 185

**Николай
БЕСЕДИН**

РАНЕТКИ

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

Великая Победа!
 Будь благословенна!
 Солнцем и травой, ветром и рекой.
 Возродись надеждой,
 верою нетленной,
 Всем уставшим душам
 возврати покой.
 Великая Победа!
 Милосердной девой
 Воссияй над нами
 и благослови,
 Чтобы стать превыше
 горести и гнева,
 Не взрастить отмщенья на твоей крови.
 Великая Победа!
 Ты прости нас, грешных,
 Потерявших память, не судивших зло.
 Стынут обелиски на просторах вешних,
 Братские могилы прахом занесло.
 Великая Победа!
 Сохрани Россию,
 А над нами, мать, ты не плачь, не плачь.
 Не туман над полем, не снега по сини –
 Это конь твой белый
 улетает вскачь.

-
- Николай Васильевич Беседин родился в 1934 году в городе Тисуль Кемеровской области. Окончил Ломоносовское мореходное училище, Литературный институт имени А. М. Горького. С 1970 года в течение трёх лет работал в Монголии, затем – в Институте ядерной физики им. Курчатова, в Госплане СССР. Автор книг стихов: «Цветы на скале», «Знаки Зодиака», «Я написал «Прощай», «Язычники», «Слово о флоте», «Языческая любовь», «Земные знамения», «Вестник», «Третья чаша», «Русский Псалтырь» – вольные переложения Псалмов Давида, 3-томника стихов «Избранное». Лауреат Всероссийских и Международных литературных премий: им. Н. Заболоцкого (2002), И. Бунина (2008), А. Чехова (2008), «Золотое перо» (2009), «Пушкинской премии» (2012), «Шукшинской премии» (2016), Н. Лескова (2017), «Большой Литературной премии России» (2018). Живёт в Москве.

1941 ГОД

Он последним вскочил на подножку
Уходящего эшелона.
И смотрел ещё долго в окошко
На тайгу и пологие склоны.
Нет, не ждал он последнего чуда,
Что увидит жену и сынишку.
Да и как им добраться оттуда
За немереных сотни две с лишком.
Эшелон торопился на запад,
В ненасытное чрево Священной.
Не устала страна ещё плакать,
Не пресытилась долей военной.
Не вскормила поля свои кровью,
Чтобы ненависть всё заглушила...
Он дышал ещё прежней любовью,
Безоружный пред гибельной силой.
Первый бой. Он упал омертвело
На некошеном поле пшеницы.
И любовь удивлённо смотрела,
Не успевшая в месть обратиться.

...Впервые на земле, отец, дороги наши
Сплелись одна с другой, как будто пальцы рук.
Ты здесь прошёл в войну к передовой на марше.
Сюда я наконец пришёл из тьмы разлук.
Что помню о тебе?
Несовершенна память.
И лишь душа одна забытое хранит.
В Карелии весна. Летит черёмух замаять
И раненым крылом сметает глянец плит.
У Свири на юру гранит источен болью.
Царит столетний бор над маревом болот.
Отец, я прожил жизнь твоей в два раза доле,
Но так и не достиг любви твоей высот.
Я женщин забывал и предавал немало.
Теперь на склоне лет нет рядом ни одной.
Ты женщину любил, что матерью мне стала,
Не предав ни на миг любви своей большой.
Я, Отчину любя, не избежал сравнений
И чуждый идеал порой превозносил.
Ты Родину любил, не ведая сомнений,
Что лучшей на земле Господь не сотворил.
Казалось мне не раз, что жизнь ко мне жестока,
И обращал я к ней о милости мольбу.
Ты жизнь боготворил, не высказав упрёка
Ни разу за свою нелёгкую судьбу.
На счастье я считал порой свои затраты
И меньшие всегда из меньших выбирал.

Отец, когда судьба потребовала плату,
За торжество любви ты жизнь свою отдал.
...Подлесок вдоль шоссе, и мостик у оврага.
Доверчиво глядит на небеса листва.
Здесь был последний бой, последняя атака,
Последние твои заветные слова.
О чём они?
Теперь никто мне не расскажет.
Нигде не прочитав – на камне и траве..
Но верности твоей в любви и вере жаждет
Сиротская душа, скитаясь по земле.
И только, может быть, в молчанье белой птицы,
Что медленно кружит всё время надо мной,
Послышится порой и снова растворится
В высоких облаках знакомый голос твой.

РАНЕТКИ

В войну, в глуши, под Абаканом,
Где вызревал фруктовый сад,
Нас попросили, мальчуганов,
Собрать ранетки для солдат.
Мы ничего тогда не знали
О южных сладостных дарах
И только изредка мечтали
О райском мёде на губах.
И позабыли всё на свете,
Увидев яблоньки, под стать,
По росту нам, десятилетним,
И по характеру, видать.
Они, наверно, понимали,
Что время – смерти и беды,
И силу жизни излучали
Их нежно-красные плоды.
В них зори тёплые светились,
Лесной шаманствовал родник,
Казалось нам: в них сердце билось
И разговаривал язык.
Нам разрешили есть ранетки,
Пока работаем в саду.
– Но не ломайте только ветки,
Они так медленно растут.
Как странно вдруг соединились
Война, и сад, и горечь бед,
Ранетки в пули обратились,
Их сладость – в радости побед.
Мы по одной лишь съели молча,
На миг не пожалев потом.
Мы бы отдали, это точно,
Всё для победы над врагом.

...Мне есть случалось все на свете
Плоды из наших мест и тех...
Но вкус той маленькой ранетки
Так и остался слаще всех.

Ещё последней пуле суждено
В солдатском сердце кровью захлебнуться,
И молодые песни оборвутся,
Как жизнь, дожить которой не дано.
Ещё над кем-то, голову склонив,
Слова прощанья скупой скажут люди.
И тишине ещё не верить будут,
И взрываю почек пробуждённых ив.
На карте ляжет боевой маршрут.
Ещё тревогам сны будить ночами,
И женщины с запавшими очами
Во вдовьем горе небо проклянут.
Но близок день, когда мы снимем с плеч
Винтовки и солдатские шинели,
И, что беречь недавно не умели,
Научимся особенно беречь.
Но близок срок, когда свинец и сталь
Нас унесут не к гибели, а к звёздам.
И только то, что он пришёл так поздно,
До слёз, до кома в горле будет жаль.

Максу – внуку моему

Мы в войну не играли.
Мы жили войной,
фронтовыми вестями,
солдатскими письмами,
материнскими плачами,
горькой нуждой
и ещё ожиданьем побед
над фашистами.
Жили взрослой заботой
и скудным пайком,
отводили от взрослых
глаза горевые,
похоронкам не веря,
писали тайком
письма нашим отцам
в адреса полевые.
Мы на фронт убегали,
таясь в поездах,
нас ловили и снова

домой возвращали.
Полыхала война
в наших детских сердцах,
и во сне мы по танкам
немецким стреляли.
Утром всё возвращалось
на горестный круг.
А потом – День Победы,
и слёзы, и встречи...
...Бой прервав на компьютере,
спросит мой внук:
«Как в войну вы играли?»
И я не отвечу.

Обветренными пальцами обняв
Едва живые веточки сирени,
Стояла женщина на каменной ступени,
Седую голову печально наклоня.
У постамента положив цветы,
Она стояла в отрешенье грустном.
И мне казался в этот миг кощунством
Хмельной разгул весенней красоты.
«Живым – живое» – мудрые слова,
Но жизнью всей нам эта боль завещана,
Пока стоят у обелисков женщины,
Пока о павших память в нас жива.

ДУБОВСКОЕ

Да, мы в долгу у памяти времён.
Село близь Спасска, русский край Приморья.
Стоял здесь приграничный гарнизон
В самой глуши таёжного раздолья.
Здесь жизнь текла счастливая вполне.
Играли в волейбол, «Катюшу» пели
И думали сначала о стране
И лишь затем о том, что пили, ели.
Какая вера их вела тогда
Сквозь бури беспощадных лихолетий,
Живя в бараках, строить города
И думать о проблемах на планете?
Дорога в Спасск по сопкам колесит.
Ручьи, болотца – всё как и когда-то.
Но спит село, и славный город спит
Сном беспокойным старого солдата.
И всё ж, у прежней памяти в плену,
Не сразу замечаешь перемены.
Тайга дальневосточная – ау! –

Привет, заводов мертвенные стены.
И только вера всё ещё жива:
Раздастся голос нового мессии
И позовёт на славные дела
Во имя благоденствия России.
Полуживые избы освятит
Высоким смыслом правды и свободы.
И лишь молчанье наше не простит
Державы разорителям в угоду.
Молитвы осыпаются дождём,
Снегами всходят на заросшем поле.
Стоит село. И так тоскливо в нём,
Как будто в заколдованной неволе.

Памяти Алексея Фатьянова

Поэты военной поры –
Высокой судьбы песнопевцы!
Вращаются ваши миры
Как спутники русского сердца.
Не гаснут ни днём, ни во мгле
И тихо звучат позывные,
Чтоб нам на озябшей земле
Не выстудить имя «Россия».
Чтоб мы не забыли свои
Великодержавные были,
Чтоб русских солдат соловьи
От снов коловских пробудили.
Как много дорог на Руси
В дождях и распутицах тают.
Молитвой «Господь вас спаси!»,
Как прежде, солдат провожают.
Не гаснет в печурке огонь,
И память не старится наша,
Фатьяновская гармонь
Играет походные марши.

**Алексей
ВАСИЛЕНКО**

ДВА ДРУГА

1

У такого костерка согреться в осеннюю ночь, когда уже в сумерках задувает холодный, промозглый ветер из-за Волги, с севера, из вологодских краёв, просто нельзя. А тут ещё и дождичек заморосил из неожиданно набежавшей тучки... Конечно, это не майский ливень, не июльские грозы, что смывают потоком всё со своего пути. Дождик был серый, тихий, почти неощутимый, но одежонка отсырела вся, и парок поднимался от боков, повернутых к огню. Зато с другого боку зябнешь под ветром, и костёр-то хилый не помогает... Сейчас бы набросать в огонь веток побольше, да только где их взять! За несколько месяцев безрезультатного здесь сидения тысячи людей (в старые времена говорили «тьмы») извели вокруг все деревья и кусты, всю сухую траву пожгли, уже людей кучками снаряжали по берегу Волги, через всю Кострому на восток, до дебрей густых, чтоб набрать валежника... Про еду уж и говорить нечего. Скоро зима. Тогда и вовсе придётся уходить восвояси. Да и не уходить – разбредаться с позором, а то и скрываться, потому как осаждённым на помощь могут подойти новые силы. И тогда...

– А ты, Коська, про «тогда» и не думай. Должны мы их погнать отсюда! – Говоривший глянул исподлобья на теснившихся у огня ополченцев. – А того лучше – извести их под корень, чтоб духу ихого смердящего на Руси не осталось!

– Извести! Она как просто! Давно б извели, кабы могли. Не-эт, не сможем легко одолеть. Оружия у них, в Ипатии, чай, немало, пушки есть, порох есть, одна башня прямо к воде спускается, водяная, так что при пожаре да для житья воды в Волге хватит... А что насчёт еды, так её в монастырях всегда запасть умеют!

-
- Алексей Юрьевич Василенко родился в 1938 году в г. Тбилиси. Окончил филологический факультет Ереванского университета в 1960 году, сценарный факультет ВГИКа. Работал литсотрудником пограничной газеты «На боевом посту». С 1967 года – редактор, затем старший редактор на радио. В 1972 году назначен главным редактором Всесоюзного радиовещания. С 1991 года живёт в Костроме. Работал заместителем председателя Костромского телерадиокомитета. С 2009 по 2012 годы – главный редактор литературно-художественного журнала «Кострома литературная». Автор цикла видеofilьмов «Земля костромская», «Земляки», телеальманаха «Мгновения культуры», цикла видеонвелл «Один день войны» и «XX век. Россия. Кострома». Прозаик, автор многих книг. Член Союза журналистов РФ, Союза писателей РФ.

Заспорили оба, остальные посмеивались над их горячностью, над уже привычной словесной схваткой двух друзей. То, что они неразлучные, уже все видели в пёстром, собравшемся из разных мест ополчении. Всюду – вместе. Светловолосый Мезенцев был ростом чуть повыше друга, зато черноволосый Костыгин был пошире в плечах и силы был необыкновенной. Костромичи же их давно знали, ещё по Брагиной улице, где прогуливались они возле домов тамошних красавиц. А что? Чего бы парням видным, да работающим, да и не скудным не прогуляться под взглядами из-под завесочек? Потом немного разошлись они: каждый из них достиг своего – семейными мужиками стали, дома свои уже на разных улицах обихаживали... Но позже опять вместе попали в царскую службу и оба же стали умелыми пушкарями. Когда настали смутные времена, когда убиенный царевич Дмитрий в первый раз из мертвых восстал и пошёл на Москву, что-то в русском войске не заладилось и многие служивые вернулись к домам своим. Но долгого покою друзьям-костромичам не досталось, правда. Когда ворогов бить начали, отсиживаться не стали – не к лицу им, людям опытным, труса праздновать, сразу в ополчение подались. Пушек тогда у народа не было, а то можно было бы ладно приспособить неразлучных к их военному ремеслу. Но они и здесь незамеченными не остались: больно ловко у них получалось стать спина к спине и отбиваться от нападавших. Покончив дело в одном месте, двигались дальше, туда, где помощь была в этот момент нужней всего...

Сам-то смысл спора давно уж был известен: постоянно возникал этот разговор среди ополченцев. Да что толку-то? Здесь, под стенами знаменитого Ипатьевского монастыря, все знали, что стараниями могучего рода недавнего царя Бориса Годунова скромная когда-то обитель постепенно превратилась в неприступную крепость, долго и надёжно защищавшую Кострому от всяческих пришельцев. Укреплённый монастырь не сумел взять никто, хоть и пытались не раз, и могилы годуновских родичей возле стен собора оставались нетронутыми. Так что споры-разговоры о крепости были, если по правде, досужим занятием. А всё равно то и дело об этом ополченцы говорили, не могли не говорить, потому что монастырь Ипатьевский всё-таки предстояло взять именно им.

2

В те проклятые годы, когда всё вокруг смешалось и круг жизни неожиданно-негаданно обернулся колесом и покатился незнамо куда, для каждого – понимал он это или нет – незримо самым главным в судьбе стало искание. Нужно было найти в душе опору на что-то кроме Бога, нужно было дойти до правды. А где эта самая правда? Ну, чужеземцы – те просто свою выгоду ищут, а она немалая: стать хозяевами огромной и небедной земли. А вот почему на их сторону становятся бояре, торговый люд из тех, кто побогаче? Они ведь далеко не дураки, что-то понимают в жизни, многие в тех самых польских и литовских землях побывали с красным русским товаром, сами внакладе не остались, так живите дальше спокойно! Не-эт! Блеск ли иноземцев слепит им глаза, обещания ли их лживые? А если не так, то тогда почему же, когда впервые собралось ополчение и пошло на Ярославль, где собралась большая часть вражьей силы, почему ударили они в спину своим же людям русским? Вот и разберись!

Нет, нужно понять, почему всё идёт так, как идёт: непонятно, заморочно. Люди крепкие духом определились сразу: там враги, а здесь наша земля. Русская. Но многие всё ещё не могли понять, в какую сторону качнуться,

с кем идти... И вот именно это было хуже всего, хуже даже множества бед, на людей навалившихся.

А уж предыдущий и минувший годы выдались страшные. Тогда от Рождества пошли лютые морозы, после – два месяца подряд снегом заваливало весь край. А когда откатилась зима и солнце уже четверть своего круга сделало, поднялось высоко, пригрело, паводок стал смывать в реки целые деревни, и ноги нельзя было вытащить из бесконечного глиняного месива, образовавшегося вместо пашен и лугов. А потом – жара ударила, засохло всё, что скудно взошло на земле. Бабы плакали, как только поняли, что предстоит ещё один голодный год, мужики скребли ногтями затылки в размышлениях о том, что надо бы засеять снова, да где его, это жито посевное возьмёшь? В народе говорят: «Сей в грязь, будешь князь». А какой уж там князь! Это ведь – какая грязь, это ещё посмотреть надо. В такую вселенскую жижуху посеешь – всё стноишь. Даже у своего родного Пахомыча, который выручал обычно в таких случаях за хорошую плату – десятину урожая брал, ирод, – так вот даже у него был недород, если хуже не сказать. Был бы другой случай – позлорадствовали бы, а теперь душа болит и за Пахомыча, потому как не спасёт он на этот раз. И придётся посему идти под батоги боярские – это в самом лучшем случае, когда не сможешь привести осенью положенный воз с зерном к усадьбе.

Да и это бы ничего. Дело обычное. Каждый уже не раз в своей жизни оказывался в таком положении. Но к этому вдобавок полыхнули пожары. При такой жаре, бывало, и грозовые молнии пожары учиняли, а бывало – и малец-дурень какой-нибудь вздует уголёк из печи, чтоб посмотреть, как огонь по старой соломе быстро взбегает... И тогда, ежели ещё и ветер на дворе, Красный Дьявол несётся от избы к избе, вой стоит над деревней, люди мечутся бессильные, пытаюсь хоть чем-то остановить беду...

Но и это – ничего. Мало-помалу, как обычно, как исстари повелось, нарыли землянок, как-нибудь перебедевали, начали строиться заново. Глядишь, годочков через три-четыре деревенька начнёт подниматься, заживёт до очередной беды.

Это всё – дело русское, привычное: из огня да в полымя, из беды – в погибель, всё одно – выживали, перемогали нелады свои. Лишь бы войны не было...

Но ведь в эти годы ещё и война была. Уж несколько лет рвала она Расеюшку, насилием и смертью носилась по её градам и весям, лесам да полям. Долгая, непонятная, с врагом неизвестным, с противником, который вроде бы только что твоим соседом был, но обернулся вдруг разбойником. Война, в которой все против всех, где не знаешь, откуда грянет очередной ворог, а когда он всё же появится, то ты можешь увидеть во вражьем войске, для примера, Ваську-приятеля, с которым рос на одной улице. Или от своего же барина убежать придётся, потому как перекинулся он, вражина, в войско к гетману Сапеге и вместе с людишками чужеземными стал разорять свою же землю русскую. И с кровавыми пшеками входили эти иуды в деревню, забирали всё без остатка, всю живность угоняли ратникам своим на прокорм, все закрома, у кого они были, все ямы, у кого что было припрятано, вычищали, девок и жёнок сильничали, а мужиков, тех, кто за вилы взялся или хотя бы голыми руками пытался отбить, рубили на месте... А потом с краю деревни по ветру вздували огонёк, в тот же час превращавшийся в страшного зверя. И гулял он по крышам, по срубам, по обугленным брёвнам, по последним головёшкам и угасал на пепелище...

Смутное, страшное время шло по Руси. В дальней дали костромской знали не только свои беды, но где-то в глубине души всё ещё теплилась надежда на то, что не вечно же кровушку-то пить, перемелется – мука будет, образуется всё. Должны же разбойники когда-то набить свои мощны да утробы, должны же когда-то злобу свою утешать, успокоить и отправиться куда подальше, по своим домам польским и прочим... Одного не знали люди в своих медвежьих углах, в своей костромской глухомани, что за них уже давно всё решили, что предательство всё шире расправляет крылья и земля вокруг уже и не русская вроде, потому как вслед за другими городами угличские, ярославские да и свои собственные, костромские изменники тоже решили принести присягу появившемуся вдруг из Польши с войском ещё одному – второму будто бы выжившему царевичу Дмитрию. С покаянной челобитной и с дарами (дьяк дотошно записывал: «...хлеб да два осетра длинных, лисица чёрная да два косяка меха костромского...») отправили посольство на поклон ложному царевичу в предвкушении взятия им Москвы.

Впереди всех шли архимандрит из Ипатьевского монастыря Феодосий, игумен Богоявленского монастыря Арсений и с дюжину служек. А дальше пылили дорогу многие именитые бояре с детьми да челядью и... всё! Народного покаяния не получилось, не потянулся люд городской и сельский за изменниками. Несколько совсем безродных или просто любопытствующих, которые к ходу примкнули, можно и не считать вовсе. По дороге услышали не раз, как проклинали их бабы и мужики, как кривлялись да рожки корчили ребятишки с криком: «Бесы! Бесы!»... У какой-то деревеньки прилюдно выскочил поперечь оборванец-погорелец, остановил посольство высоко поднятым самодельным крестом – прикрученными друг к другу деревяшками. Феодосий хотел было не заметить такого кощунства, но мужичок громко, чтобы все вокруг слышали, прокричал хрипло:

– А мы ведь верили тебе! Думали, отведёшь ты, Феодосий, войну от наших дверей, от нашего порога, от наших дымов!

Архимандрит приосанился и тоже громко ответил:

– Так для того и идём, чтобы чужеземцы одумались. Будем молить их, чтобы оставили нас в покое.

Бездомный страдалец, будто ударили его, отшатнулся, плюнул в сторону Феодосия:

– Во-о-она как заговорил! Молить поляков он будет! Да ничего они не сделают, только пуще мстить начнут! Ты лучше Бога моли за предательский грех твой, за землю нашу. Бога! Он ведь на нашей стороне всё равно! Правое дело – дело Божье! Опомнись, Феодосий! – И швырнул ему под ноги свой «крест».

Архимандрит поморщился, сказал в сторону: «Уберите дурака!»

Несколько ходоков во главе с Арсением кинулись послушно, чтоб скрутить. Опоздали. Достал мужичок из-за пазухи сверкнувший нож и ударил себя в сердце... Кое-кто из числа шедших за Феодосием после случая этого постарался ночью исчезнуть...

3

А ведь на деле вышло всё по тому, как себя порешивший сказал. Челобитная осталась непросмотренная даже, но вот налоги самозванец приказал увеличить. И пошли по городам и весям железные, огнестрельные отряды и брали налогов отныне вчетверо. Сколько из них попадало в казну Дмитрия, будто бы царевича, – Бог ведает, но к собранным налогам уже

сами разбойники добавляли всё, что попадало в жадные воровские руки. Костромской воевода Горбатый-Мосальский пытался было как-то раз ограничить «собиральщиков», но уже через час группа поляков пришла к нему с разговором, после которого воевода разом спик, а на вопросы из круга своего отвечал еле слышно: «Ой, да пусть делают, что хотят...»

А они хотели многое. Хотели на Руси царствовать веками. Хотели из этих, как они говорили, «русских нелюдей» сделать послушную рабочую скотину, хотели в свою веру обернуть, хотели, чтобы забыл тут каждый, что бывала Русь и сильна, что подолгу на равных стояла супротив прочих стран, что бывала уже не раз всех, кто на чужой каравай рот пытался разинуть... Сами-то супостаты к таким разговорам про российские дела давних лет относились с усмешкой, польская гордыня не позволяла думать по-иному: ну что там эти... могут без нашего присмотра и нашей власти!

Ох, и ошибались они! Смертельно ошибались, думая, что край терпения ещё далеко, что можно и дальше давить и давить, выжимая все соки. Простой безоружный и безденежный народ уже с самого начала войны весь бродил желанием мести, понимая, что хуже не будет. От дома к дому шла молва о новых убийствах и грабежах, всё чаще кто-нибудь да первым говорил, что поляков гнать надо взашей. Ему тут же справедливо возражали:

– Чем гнать-то? Может, сабля у тебя есть? Или шлем со щитом? Уж не говорим про ружжо, про припас огненный...

Люди побогаче не решались вслух слово молвить: боялись потерять всё, что имели. Но потом затронули и их. Поляки стали раздавать вотчины и имения этих самых... молчаливых. Получать эти земли стали сами поляки, и только иногда – самые рьяные холоуи, как костромской воевода Вельяминов, как боярин Зубатый с сыном, как открыто с самого начала перешедший на сторону тушинцев Скрипицын, который и получил поместий больше всех, как тот же Горбатый-Мосальский, решивший в конце концов поддержать нашествие... Вот тогда-то всё и произошло.

Известно, что на костромской земле самые вояки – в Галиче. С кем они только не воевали! Было дело – даже на Москву ходили и её брали, потом, правда, выжег великий князь всю окрестность под корень, но семья-то упрямо, горячее выжило. Опять дух галичский да и сам Галич-город возродились. А потому, когда какой-то предатель выпустил из острога пленных поляков, вернув им оружие, и те тут же начали грабежи, навёрстывая упущенное, по округе пронёсся клич, как всегда, в час смертельной опасности: «Вставай, народ!»

И народ восстал.

Почему пошли именно за галичанами? Да потому, что слава боевая за ними шла во всей округе, не считая Костромы, только там крепость была настоящая, там огневой наряд из полутора десятков пушек состоял, и припасу к ним было довольно. Но была ещё причина тайная, хранимая в душах у галичан. О ней никто бы не сказал под самыми лютыми пытками. Это чувство вины. Ведь во время предыдущего похода на Россию, на Москву первым ложным царевичем Дмитрием явился не кто иной, как Гришка Отрепьев, галичанин, которого хорошо помнили и в монастырях галичских, и в городе.

И вот это-то стремление искупить невольную свою вину за разорение и страдания того воровского похода, за предательство всего святого Гришкой-каинным вело галичан против хорошо вооружённых и обученных поляков, прочих иноземцев, против предателей-казаков и примкнувших к этой орде татей-разбойников. Ополченцы-галичане выходили на бой с вилами, косами, серпами, сколоченными из дубовых досок тяжеленными щитами,

просто с дубинами и цепями... Разослали гонцов на восток, на север, куда не добралась ещё чума литовская да польская. И понеслись они, нахлёстывая коней, в Соль Галицкую, в Тотьму, в Судай, в другие поселения и несли с собой яростный крик галичан: «Братцы! Наших бьют!»

Помощь пришла. Немалая помощь. Но подоспела она уже тогда, когда все иноземцы в Галиче были скручены или убиты, а оставшиеся в живых бежали без оглядки к Костроме. Там в это время помстилось для них спасение: слух дошёл, что город крепко держат примкнувшие к чужеземцам изменники – сыновья боярские с челядью, все, кто за добро своё цеплялся как за остатную надежду. Но и эти чаяния рассыпались как сухой приволжский песок: Кострома тоже поднялась. Порубили яростно сопротивлявшийся польский продовольственный отряд, остальных – в острог. В горячке ненависти сами жестокость допустили: поймали предателя Мосальского и казнили лютой казнью: отрубили ему ноги и бросили в Волгу – выплывай, мол, если сможешь. А он и вовсе плавать не умел...

4

Уже через несколько дней на Костроме собралось ополчение немалое. Галичане со своей крепости половину наряда пушечного с собой приволокли – а это уже сила! Подвалил народ из разных краёв, с оружием – кто во что горазд. В кузнечной слободе всё запасённое для работы железо пошло на пики да копья, лучшие мастера сабли да мечи делали поспешно – перезвон наковален, как от колоколов на Пасху, нёсся к небу. У поляков, литовцев – убитых и пленных – собрали всё оружие и всё, что могло защитить в сражении: шлемы, латы, щиты, даже рукавицы из толстой кожи. И всё равно этого было мало, очень мало...

Созвали из всех мест вожakov тамошних ополчений – нужно было решать, что делать дальше. Толковище вышло шумное. Одни предлагали разойтись, но быть наготове при случае нападения. Другие надеялись склонить народ к ещё одной челобитной, но уже не Сапеге, а его ярославскому верному псу – полковнику Лисовскому. Третьи тоже звали в поход на Ярославль, но уже с другой целью: разбить польского вояку с его большим гарнизоном, а дальше – как Бог укажет, может быть, и на Москву податься, собирая вокруг себя всех, кто способен держать оружие. Это уж галичане на решительную битву народ подбивали. От костромичей говорили оба друга: Костюша Мезенцев и Николай Костыгин.

– Мало у нас пока сил, чтоб поляков в Ярославле одолеть. Нужно ещё собирать народ и оружие.

Чернобородый галичанин резко подался вперёд:

– А пушки наши? Это разве не сила?

Костыгин усмехнулся, полез рукой в густую копну тоже тёмных, как у галичанина, волос, будто и соглашась:

– А ведь ты, Ваньша, вроде и прав! Сила! Немалая сила. Ты как думаешь, Коська?

Они всегда с полуслова понимали друг друга. Мезенцев сразу уловил в речах Николы какую-то подковырку, недоговорённость. Решил подыграть, пробасил специально сильнее, чем обычно, нажимая на «о», чтобы выказать костромскую свою особинку:

– Точно! Однако... Одной силы маловато, пожалуй, я так полагаю...

Николай радостно уловил поддержку:

– Вот здесь ты, Костюша, тышу раз прав! Умение надобно! А нас, пушкарей, сколько я знаю, на Костроме сейчас всего двое: Коська да я, я да Коська. А пушек – восемь. Кого ещё попросим? Может, из вас, галицких, кто могёт? Из крепости вашей есть люди? Ну, вот... Вы пушкарей оставили дома, чтобы свой город сохранять. А говорите – сила. Нам хотя б пару седмиц, ну, в крайнем случае, дней десять, научили бы. А так, с наскоку...

Решили всё-таки идти на приступ всем ополчением. Пушки тоже решили с собой взять. Все. Один из боярских сыновей особенно яро говорил, убедил:

– Время терять нельзя. Они там после нашей победы растерялись, нужно идти. А пушки... Две будут палить, к остальным или ещё где-нибудь пушкарей найдём, или неуков поставим, чтоб хотя бы видимость была. Уж это-то любой сможет! А пороха запасы есть, на всё хватит.

Прикинули, что, может быть, этот мордастый прав. Поверили.

На следующее утро всё ополчение двинулось к Ярославлю. Несколько тысяч человек, вооружённых чем попало, восемь пушек. Шестьдесят с лишком вёрст... По пути, когда уж приблизились к Ярославлю, случилось то, что можно было предвидеть, если повнимательней смотреть по сторонам, улавливать настроения, перехватывать многозначительные взгляды и словечки. Всеми этими богатейскими искусстваами и хитростями ополченцы не владели. На своих соратников они смотрели просто: если ты идёшь с нами рядом на битву, если для тебя враг – тот же, что и для всех нас, то тут и думать особо не о чем, ты свой, ты такой же, как мы все... И неведомо было тем простым крестьянским, рыбацким, мастеровым душам, что эти их «соратники» вполне способны в самом жарком бою перекинуться на другую сторону, и главный враг у русских сейчас – это не ляхи с литовцами, а те, кому заплатят, те, кто хочет, чтоб ему заплатили...

Так и случилось. Когда за версту до Ярославля ополчение стало разворачиваться для решительного штурма, из города выступили сверкающие защитными доспехами отряды Лисовского. Ударили орудия, выскочила откуда-то сбоку наёмная конница казацкая. Тут бы по ней – хотя бы из двух пушек, но... сынки боярские по тайному сигналу бросились к галицкому орудийному наряду. Ох, напрасно мордастому поверили! Никола и Костюша с двумя учениками едва смогли отбиться и уйти живыми... А пушки все до одной потом были отданы младым боярским поколением Лисовскому как дар, как символ преданности и покорности, как малый залог неприкосновенности подносителей...

А дальше было то, о чём позже ополченцы вспоминали со стыдом и горечью. Таких предательских, созданных заранее групп в ополчении оказалось несколько. В суматохе, в неразберихе почти невозможно определить: где свои, где враги. А тут ещё в нескольких местах (не умышленно ли?) вразнобой стали голосить: «Спасайся, братцы! Поляки близко!»

Начались паника и повальное бегство, где нет времени оглянуться по сторонам, нет возможности принять какое-то решение. Узнали, что достался врагам весь огняной наряд галицкий. Но и без этих пушек литовцы с поляками насели плотно. Долго на всём пространстве до Костромы противники гонялись за рассеянным ополчением, встречая самое малое сопротивление. Особо усердствовали казаки. Верховые быстро настигали убежавших, никого из них не оставляя в живых. В конце третьего дня отряды Лисовского буквально на плечах немногих спасшихся в этой боине ополченцев ворвались в Кострому.

5

Тот погром не был похож на предыдущие нашествия. Поляки не столько уничтожали сопротивлявшихся, сколько грабили всё подряд и жгли город, жгли, стремясь уничтожить саму память о тех, кто осмелился защищать свою землю. Этот ужас, эта жестокость много позже могла бы стать основой для огромных книг, которые всё равно не вместили бы все события тех дней. А тогда, среди не убранных ещё трупов, меж горящими срубами, в одной из осквернённых и разграбленных церковей инок, сумевший в этом аду сохранить разум, занёс в летопись, придерживая трясущуюся руку другой, короткую одну строку: «Воры взяли Кострому декабря в 28-й день».

Остатки ополчения отошли к Галичу, но и оттуда вскоре пришлось отступить: войско Лисовского неумолимо двигалось на север, буквально выжигая всё на своём пути. Галич тоже был взят.

И вновь поднялась вся округа. Снова понеслись гонцы в Вологду, Великий Устюг, Кологрив, Чухлому... Вновь стекалось войско.

Не сумели злодеи долго удержаться ни в Галиче, ни в Костроме. Они и опомниться не успели, как их уже вышибли из Галича. А вот вести, доходившие из Костромы, были страшными настолько, что люди не верили, пытались такие разговоры не слушать... Но это была жуткая правда. О сожжённом посаде и кремле, о героической обороне Богоявленского монастыря его служителями и укрывшимися за монастырскими стенами городскими жителями, о возглавивших сражение священноиноке Трофиме и диаконе Анфиногене и героически с ними погибших Варлааме, Дионисии, Гурии, Макарии, Иосафе... Десятки растерзанных трупов нашли потом в монастыре. Женщин и детей, которые чудом уцелели в этой резне, поляки куда-то утнали. А всего жителей города сколько погибло – Бог весть...

Когда ополченцы ворвались в Кострому, захватчики и их прихвостни переправились через реку, давшую название городу, к Ипатьевскому монастырю, настоятель которого Феодосий уже давно снюхался с врагами и окружил себя такими же сочувствующими служителями. Поляки и иже с ними заранее знали, что монастырь, эта мощная крепость, откроет перед ними тяжеленные, не пробиваемые никакими пушками ворота. Так оно и случилось... Десятитысячное ополчение буквально уткнулось в крепостные стены и башни и... начало вынужденную осаду. Причём людям опытным в военном деле, а среди ополченцев были и такие, было понятно, что осада ничего в ближайшее время не даст.

На сходе галичане и чухломичи, коих в ополчении было большинство, крикнули в начальники Ивана Кологривца, который шёл с ними во всех сражениях и отличался спокойствием, хладным умом в любой ситуации. Но и он не находил способа одолеть твердыню. Вновь и вновь собирал он людей опытных на совет. И не смогли они придумать способов добраться до иноземцев и их пособников. Оставалось одно: долгая осада. Всем войском стали копать глубокий ров, что прошёл вдоль стен монастырских, не считая тех мест, где выходили они к реке. Там неусыпно стояли дозоры, и любая попытка прорваться по воде была обречена на неудачу.

Но толку от спешно вырытого рва, а потом и от второго тоже не оказалось никакого. Расчёт на голод или заразные болезни не оправдался. Одна седмица сменяла другую, месяц проходил за месяцем, а видимых результатов не было...

6

...В первый же день, едва загнали ополченцы врага, как им казалось, в ловушку, а азарт преследования помалу остыл, костромичи отправились к своим домам и семьям. Оказалось, большинство из них ждало огромное горе. Не к домам они пришли, не к жёнам и матерям, не к ребятишкам... А пришли они к тем местам, где стояли их дома совсем ещё недавно, и к тем немногим людям, которые чудом уцелели и хоть что-то могли рассказать, подсказать. Костыгин и Мезенцев жили в разных городских концах, потому и разошлись их пути. Николаю на пожарище никто так и не смог толком ничего сказать. Настасья с ребятишками, говорили Костыгину, побежала в Богоявленский монастырь, куда поспешили многие. С тех пор так никто ни её, ни детей не видел. Не заметили их и в толпе женщин, которых после разгрома монастыря гнали куда-то за город поляки. Может, и были они там, да где там углядеть, когда самим спастись надо было... А от дома ничего не осталось. Хоть бы поварёшка какая на память...

Мезенцеву рассказали, что его Федосья погибла, когда попыталась спасти детей. Подождённый сразу с нескольких сторон, дом полыхнул стеной огня, горели и дома соседей, и некому было помочь, некому было тушить... Да и литовцы стояли вокруг, дело рук своих наблюдая. Вот они и убили Федосью, которая кинулась к избе, чадам своим на помощь. Схоронили её потом прямо рядом с пепелищем, рядом с бывшим домом, где сгорели две светлые девчоночки... Показали Костюше и место. Соседи положили их в могилу с мамой.

Тот день с чёрными вестями два друга старались вслух не вспоминать, не заводить разговоры на эту тему. Для всех вокруг Костюха с Николой стали ещё ближе, теперь уже они всегда были вместе, в любой миг. И не нашлось бы ни одного человека в многотысячном осадном войске, который сказал бы при них, что это не совсем так, что пролегла меж ними, зазмеилась трещина. Такой человек был бы немедленно бывшими пушкарями избит нещадно за такие речи, чтоб не врал, чтоб напраслину не возводил.

А ведь это правда была. И они сами-то об этом не догадывались, сами были ни при чём, это уж жизнь такая – зло распорядилась с ними: одному подарила хоть капельку надежды, а другому не оставила и этой малости. И ночью, лёжа у костра в бессонье своём, слушал Костюша храп, как он считал, более удачливого друга и думал о том, что тот, когда крепость возьмут, отправится по округе искать своих любимых или хоть какие-нибудь известия о них... Потому что с первого мгновения не верил друг его Никола, не хотел даже представить себе, что жена и дети погибли в монастыре и захоронены вместе со всеми его защитниками. А если Бог сохранил им жизнь, он, Костыгин, обязательно своего добьётся, отыщет любимую Настеньку и ребятишек или хотя бы кого-нибудь из них. И обнимет их, и будет целовать, ко груди прижимая... При таких мыслях радостно за друга, но и горько становилось Мезенцеву, завидно... И никому не видные во тьме слёзы текли, и сон всё так и не шёл... Осень вокруг, зима на пороге, а в душе осень уж давно. Холодная она стала, душа-то.

7

В середине сентября, вскоре после наступления нового года, неожиданно выпал первый снег. После лёгких ночных заморозков остыла земля, не успевала согреться в неярком солнце бабьего лета, вот и редкий в эти тихие дни

серый дождик обернулся радостью для глаз – белым, чистым снежком, воистину как на праздник Покрова Святой Богородицы, до которого был ещё почти целый месяц. Лёг он на землю тонко-тонко, едва присыпал остатки стойкой травы, прибрежные камушки... Почему иногда такое в этих местах происходит, никто объяснить не может. Да и надо ли? Люди просыпались, с трудом сгибая руки-ноги после жёсткого ночного лежания на земле или немудрой подстилке, и видели вокруг белое царство первозданной чистоты. И на душе становилось хорошо и почему-то тревожно, беспокойно: что там нас ждёт сегодня да и вообще – впереди? То, что с поднявшимся повыше солнцем этот снежок быстро растает, каждый ополченец знал, но всё равно радовался... нет, не скорой зиме, времени самому трудному, а именно этой новизне и ощущению неизвестности.

Ещё одна седмица просвистела впустую, как мимолётная пуля. Позвали на разговор. Костыгин с Мезенцевым – люди не привыкшие, чтобы их кто-то ждал, – сразу же отправились к шатру, где расположился Иван Кологривец со своими помощниками. Иван был, несмотря на такое утро, напряжён и суров. Когда на совет ополчения все собрались, огорошил простыми и такими страшными словами: «Мы эту осаду проиграли».

Люди зашевелились, послышался несогласный ропот. Кологривец выждал немного, потом повторил, чтобы никто не подумал, что ослышался:

– Да, проиграли. Подмога к нам ниоткуда не идёт, зима – вот она, рядом. И сейчас-то живём впроголодь, рыбаки наши уже устали нам рыбу доставлять на такую ораву, а хочется хлебушка, а край разорён, взять неоткуда, а зимой-то уж и тем более... Ещё две седмицы – и нужно уходить. А есть, сами знаете, которые и сейчас уходят. Я их не виню, у многих семьи – без хозяина до весны не доживут. Так что, товарищи мои, хоть и горько говорить мне вам это, но правда – вот такая... Тут и с пушками-то Ипатий не возьмёшь, а уж без пушек... С прошлого раза, когда мы все собирались, подумал я, что стены и башни монастырские хоть и строились незнамо когда, по сто лет несколько раз, наверно, прошло, но перестраивались не так давно. А откуда Годунову Борису каменщиков брать? Понятно – в округе, в соседних сёлах да деревнях. Значит, нужно найти если не самих мастеров, так хотя бы детей их, которым они могли рассказать что-нибудь про то, как они здесь работали. И вот Фёдор Завражный со товарищи долго рыскали по ближнему кругу Костромы и нашли! Человека, который сам почти год работал здесь. Не мастером, нет, мастеров Годунов прислал откуда-то из других мест. Каменотёсом он был. Но человек он приметливый, запомнил многое. Про вторые ворота рассказал, которые закрываются, если первые удастся разбить, про хитрые входы – захабы называются, – которые оказываются ловушкой для нападающих. Про устройство башен. Но самое огорчительное рассказал он про стены. Какой они высоты – вы сами все видели. Пока ты лестницу такой высоты к стене приставишь, тебя уже сотню раз убьют. А вот толщина их, знаете, какая? Возле главных ворот и в нескольких местах, где нападать удобнее, толщину делали в две сажени¹! А теперь прикиньте, какие силы могут такую мощь одолеть. Даже те оставшиеся в Галиче пушки, за которыми уже давно людей послали, вряд ли что-то смогут сделать. В остальных местах стены потоньше, но и этого вполне хватает, чтобы выдержать осаду. Недаром Ипатию удавалось всегда при нападениях оставаться целым

¹ Сажень – 2, 1336 метра

и невредимым. Вот после всего этого и решайте. Путь у нас всего три. Первый – просто разойтись...

...Собравшиеся дружно зашумели, протестуя.

– Хорошо, не уходим. Путь второй: несмотря ни на что, всё-таки попытаться взять твердыню. Но при этом, даже в случае удачи, даже по прибытии остатного галичского наряда, погибнет почти половина нашего войска...

В шатре повисло долгое, тяжёлое молчание. Никто не хотел выглядеть трусом, но и дать согласие на гибель сотен, даже тысяч людей...

– М-м-м... Я так и думал. А теперь путь третий. Мы оставляем здесь часть нашего ополчения – сторожевую часть, чтобы никто не ушёл из осаждённых, а все остальные, главные силы, пойдут... я пока не знаю – куда, но искать поддержки. Разговоры доходят, что где-то уже бунтуют люди, а где – пока на грани бунта. Так что, скорей всего, помощь мы найдём, земля наша большая. Вот и давайте решать, каким нам путём воспользоваться.

Хоть Кологривец и слыл человеком дальновидным, умеющим предвидеть многие повороты жизни, но и он удивился, когда встали друзья-костромичи. Заговорили оба сразу, торопясь, чтоб не прервали, выслушали.

– Есть четвёртый путь! Только...

– Сначала нам потолковать бы с тобой!

– Если мы дурасть какую присоветуем – нам позору меньше...

Иван помялся, потом кивнул, решившись:

– Ну, ладно... Вы все подите ненадолго, а мы тут чуток потолкуем. Потом позову, продолжим разговор.

8

Когда остались втроём, Кологривец хмуро спросил:

– Чего это вы тайны всякие разводите? От своих прячетесь?

Мезенцев предвидел такой упрёк, заговорил сразу и горячо:

– Только ты, Вань, не сердчай попусту. У нас народ пёстрый, из разных краёв, за то время, что мы здесь, всех как следует не узнаешь. А вдруг соглядатай от ляхов где-то затесался? Глупыми они были бы, если б не заслали кого-нибудь. А то, что мы хотим предложить, никто знать не должен – ни у нас, ни у них. Не то просто не получится...

Кологривец поморщился:

– Да что ты всё опять... Дело-то в чём?

– А в том, что нужна сапа.

Костыгин с Мезенцевым, торопясь, перебивая друг друга, рассказали Ивану свой замысел.

А предлагали они скрытно ото всех прокопать от давно уже вырытого рва сапу – узкий и незаметный подземный ход к стене монастыря. Теперь, когда узнали о неравной её толщине, они уже прикинули, где именно это сделать: там, где меньше всего можно ждать нападения. И когда сапа будет готова, притащить под стену бочки с порохом, много, чуть ли не половину того запаса, который предназначался для украденных боярами пушек, и взорвать эту стену не в таком мощном месте. А чтобы не заметили из монастыря такую подготовку, ополчение должно будет выказать намерение брать крепость в одночасье, нужно отвлекать поляков. И вот, когда уже всё полностью будет готово, тайком подвести на эту сторону почти все силы, продолжая, однако, осаждённых будоражить с другой стороны. Если взрыв будет удачным и стена рухнет, можно будет идти в пролом. Тут уже пусть и не оружием, не умением, но числом-то одолеть супостата вполне будет

по силам. А если не удастся взрыв и стена устоит, то и ополчение ничего не теряет.

Кологривец уже с самого начала понял замысел друзей. Подумав, сказал: – Хорошо. Только не забывайте, что люди меня выбрали головой ополчения. И вот в этой голове есть такие вот замечания. Первое: кротами пролезть под землёй незаметно не удастся хотя бы потому, что отвлекать осаждённых несколько дней мы просто не сможем, они сразу поймут, что что-то тут неладно. Второе: вы у нас люди, с пороховыми делами обращаться умеющие, поэтому нам вас беречь нужно. Вам не землю копать, а зарядом заниматься. Третье: чем скорей мы всё это сделаем, тем лучше для всех нас. Про соглядатаев, кстати, не я вспомнил. Будем осторожней и стремительней. А потому сделаем так. Уже завтра с темнотой весь нужный для заряда порох будет доставлен на место. Туда же придут человек десять землекопов. И тут уже нет разницы – есть среди них предатель или нет, никто ничего полякам сообщить не успеет, потому что они канавку эту выроют за час-полтора, и мои люди уведут их и продержат под охраной где-нибудь подальше. И вот после всего этого вы берётесь за свои бочонки, притаскиваете, складываете, делаете всё что нужно. Взрыв назначаю перед рассветом двадцать пятого сентября.

Кологривец очень хорошо понял, что всё это нужно сохранить в строжайшей тайне. Поэтому, когда снова позвал в шатёр весь совет, сказал насмешливо:

– Мудрят что-то наши друзья костромские. Не так, чтобы глупость изрекли, но и умного наговорили так мало, что и обсуждать не стоит. Так что вернёмся к третьему пути?

Члены совета посмеялись снисходительно. Костыгин и Мезенцев сидели понуро, всем своим видом показывая, что их никому не известную затею Кологривец не принял и что, конечно же, это их очень огорчило.

Позже, когда все разошлись, Иван призвал самых своих верных людей. Велел сменить в таком-то месте вырытого рва стоявших там ополченцев. Взять под присмотр всю ту стену от угла до угла и наказать, чтоб люди, которых они возьмут с собой, были надёжными и молчали крепко-накрепко обо всём, что бы там ни происходило.

9

...Прошёл весь день. Пустой, как все дни в последнее время. Хотя так сказать – не очень правильно будет, потому что до этого дней-то Никола и Костюша почти и не замечали. Жили молча, погружившись в свои мысли. Боль не утихала, воспоминания не уходили...

Как только густо потемнело, пришли на назначенное место. Почти сразу же с другой стороны монастыря раздались шум, крики, выстрелы. Пришли копатели, люди тоже из ополчения, но под охраной. Им быстро объяснили, что нужно делать, они облегчённо завздохали. Для людей, привыкших обращаться с землёй, а таких в войске было большинство, задание показалось пустяковым. Тем более что земля пока не промёрзла, вполне можно было работать, даже если попадалась крупная галька, нанесённая когда-то на эту стрелку между двумя реками... Её складывали в рогожные кули, вытаскивали подальше, туда, где были бочаги, не пересыхавшие после половодий никогда. Охрана, выставленная Кологривцем, никого с той стороны к монастырю не подпускала, да и сами мужики, памятуя наказ, интереса не выказывали.

За полночь закончили. Костыгин с Мезенцевым проверили работу. Особо внимательно смотрели, чтоб не споткнуться о какой-нибудь торчащий камень.

Сапа упёрлась в подножие стены. Оно было сложено из огромных камней, один вид которых говорил о том, что одолеть их нет никакой возможности. В конце этой неглубокой канавы по указанию друзей была вырыта куда более глубокая яма. Стало видно, что стена уходит далеко под землю. Когда они остались одни, Костюха вначале даже размечтался:

– Может, попробовать, а, Никол? Пойдём вниз, а там, глядишь, под стеной удастся подкопаться!

Николай, конечно, такое предложение всерьёз не принял, он сразу почувствовал, что друг его на какое-то время оттаял и просто словесно отвлекается, поэтому подхватил:

– Ага, а потом ты высунешь башку-то на ту сторону – тут тебе по ней, родимой, и треснут дубиной, чтоб не лазил куда не надо! Хотя... Может, увидят они морду твою чумазую, перепугаются и побегут сдаваться? А, Коська?

Нет, такая мысль всерьёз прийти им в головы не могла, потому что для захвата крепости нужен будет не лаз, а как бы широкая дорога. И если даже удастся затея с подземным ходом, да так, что останется незамеченной, то и времени уйдёт несметно... А крепость нужно брать одним броском, одним рывком.

Таскали бочонки пороховые, складывали, специально рассыпая порох вокруг. Время в запасе ещё было, работа знакомая. Где-то поблизости началось некое шевеление, какие-то неясные звуки. За голосами и стрельбой с другой стороны крепости угадать было трудно, что происходит. Но Мезенцев с Костыгиным, зная, что должен рядом расположиться передовой отряд ополченцев, за которым пойдут остальные, не очень-то беспокоились. Зато на небо стали поглядывать часто. Ещё недавно звёздное, оно потемнело, чернота уже поглотила почти весь Млечный Путь, стала подбираться к небесным Медведицам. В кромешной тьме Николай наткнулся на друга, сказал:

– Вот только дождя нам сейчас не хватало.

Костюша хмыкнул согласно, ничего не ответив. А что говорить? Всё ясно как Божий день. По дну сапы стали сыпать пороховую дорожку до самого рва, где можно было укрыться при взрыве. Подошёл Кологривец, доложили, что всё готово.

И именно в этот момент не капли первоначальные, не слабенький моросящий дождь, а разверзлись будто хляби небесные, и на землю обрушился дождь. Нет, это не весенняя гроза, в мгновение ока заливающая всё вокруг, это был сильный осенний холодный дождь, который не так уж и страшен людям, но вот пороху...

Кологривец чуть не заплакал с досады:

– Надо же – так не повезло! Всё насмарку! Всё к чертям собачьим! Как заряд поджечь, если порох в дорожке мокрый?

Костюша и Николай переглянулись:

– Мы что-нибудь попробуем сделать, Вань... Не переживай!

Кологривец аж застонал:

– Да что вы можете сделать! Эй! Вы куда? Назад!

Две фигуры растворились во тьме, в дожде...

...Они не разговаривали. Всё, что они могли бы сказать друг другу, они уже сказали одним взглядом. Ведь недаром столько лет дружили. Смешно было бы обсуждать последствия осады, если взрыва не будет. Поэтому взрыв должен быть во что бы то ни стало...

10

Приблизившись к стене, Никола, а за ним Коська спустились в яму. Ощупали всё вокруг, убедились, что порох, которым яма с бочонками была усыпана для верности, весь намок. В бочонки вода проникнуть не могла. Потом достали из-за пазухи то, с чем ни один пушкарь никогда не расстанется: по куску кремня, кресала и кожаные, промасленные, непромокаемые мешочки с сухим трутом. Согнувшись, прикрыв трут телами от дождя, постучали кресалами об кремни, заронили искры в трут, не торопясь, осторожно, чтобы не спугнуть удачу, раздули фитили. При еле теплящемся огоньке лицом к лицу увидели глаза напротив... Перекрестились...

...И одновременно сунули фитили в отверстия двух бочонков...

Взрыв озарил вначале низкие тучи, небо стало на несколько мгновений нестерпимо красным, потом поднялась чёрная пелена порохового дыма, что-то увидеть уже было почти совсем невозможно. Но взрыв разметал часть стены, образовав широкий пролом, в который и рванулся передовой отряд, за ним – другой, все остальные. Поляки, литовцы и бояре от неожиданности утратили способность к сопротивлению, они панически бросались к выходам, но и там их встречали. А утро уже начало всё-таки пробиваться через непогоду, уже не только факелы, с которыми ополченцы ворвались на двор монастыря, освещали сражавшихся, уже стало можно различить, что противников становится всё меньше. Через главный ход, открыв тяжеленные ворота, часть осаждённых вырвалась наружу и с боем стала прорываться дальше. Их преследовали уже при поднимавшемся рассвете, гнали в заранее намеченном направлении – к Святому озеру, где уже давным-давно однажды были биты любители чужих земель. Остановились только тогда, когда последнего врага увлекли на дно доспехи...

На монастырском дворе среди убитых врагов и ополченцев в свете догоравших коптящих факелов, валявшихся повсюду на земле, стоял растерянный темноволосый мальчишка. На вопросы подошедшего ополченца о родных, где их искать, ответил, старательно сдерживая слёзы:

– Мамку, сестрёнку и братика искать не надо. Их поляки убили. А батя мой где-то у вас должен быть. Костыгины мы...

11

...Было это 25 сентября 1609 года, задолго до конца Смутного времени. В Костроме ополчение власть так и не удержало, в Москве тоже нашлись изменники и впустили в Кремль польско-литовское войско. Но осенью 1612 года народное ополчение во главе с Мининым и Пожарским освободило Москву. В числе самых активных, ударной силой ополчения были отряды костромичей, галичан, чухломичей.

Каждый год 25 сентября звонили на Костроме колокола. Это продолжалось непрерывно в течение более трёхсот лет.

**Галина
ТАЛАНОВА**

ОТЧИЙ ДОМ

Я всё ещё советуюсь с тобой,
Хотя молчишь,
Не зная, что ответить...
И море слов моих,
Как тот прибой,
Шуршащий галькой серой на рассвете,
Накатит,
Разобьётся о причал –
И отбежит, вновь собирая силы,
Чтоб выше вышел новый пенный вал...
Меня не слышишь из глухой могилы.
Не отвечаешь...
Где твоя душа,
Что бросила меня не перепутье?
Не острие ль ведёт карандаша?
К тетрадке гнусь,
Как ивовые прутья
К зеркальному видению в воде,
Что блики солнца зацепило рябью...
Твоё лицо –
Как вышиваю гладью.

-
- Галина Борисовна Бочкова (Галина Таланова) родилась в г. Горьком. Окончила с отличием биологический факультет Горьковского государственного университета по специальности «Биофизика». Работала в Горьковском филиале Института биофизики МЗ СССР, в Горьковском НИИ эпидемиологии и микробиологии. С 1995 года работает в ООО НПО «Диагностические системы». Кандидат технических наук. Автор более 50 научных работ, в том числе научных докладов на международных конгрессах и симпозиумах в Париже, Глазго, Копенгагене, Вашингтоне, Сан-Антонио, Вене, Милане, Франкфурте-на-Майне, Барселоне, Берлине, Венеции. Поэт и прозаик. Член Союза писателей России с 2009 года. Автор восьми книг стихов и четырёх – прозы, имеет более 130 литературных публикаций. Лауреат премий «Болдинская осень» (2012), журнала «Север» (2012), золотой лауреат Международного конкурса «Её Величество Книга!» (Германия, 2016), золотой дипломант VII Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2016), дипломант международных конкурсов им. Ольги Бешенковской (Германия, 2015), им. де Ришелье (2016, 2017), им. Мацуо Басё (2016), премии-ордена им. Кирилла и Мефодия (2016), «Русский Stil» (Германия, 2017), конкурсов «Лучшие поэты и писатели России» (2013, 2016, 2017), «Современная российская литература (2017), им. М. Цветаевой (2017), вошла в лонг-лист премии им. И. Бунина (2011, 2012, 2015, 2017), в шорт-лист Международной премии им. Ф. Достоевского (2017).

Но ничего опять не говоришь...
И силы только в строчках собираю.
И рябь воды –
Как шифер мокрых крыш,
Что скользким блеском отвели от края.

Весна не спешит,
Хоть сухой тротуар...
И птицы вернулись
В остывшие гнёзда.
Тревога в душе,
В снах – кромешный кошмар...
Проснёшься – и снова погашены звёзды...
Лишь старый фонарь с забинтованным лбом
Льёт свет, пропитавшийся горечью желчной.
И в горле стоит слёз непролитых ком.
А верилось: жизнь будто Путь будет Млечный.
Так быстро проходит...
Уж брезжит конец...
А я ещё столько не видела в спячке...
Жизнь тает, как сладкий во рту леденец,
Что долго в кармане держали в записке.

Сколько лет осталось возвращаться
Мне сюда, где выросла среди трав?
Без меня продолжит шар вращаться.
Зарастёт кувшинками рукав
Речки, где так плавать я любила
Мимо лилий, что растут в воде.
Черпаю в реке я этой силы,
Не забыв о той большой беде,
Как одна осталась в этом рае.
Бултыхаюсь в солнечных лучах,
Но всё время думаю о крае
И несу всю тяжесть на плечах,
Словно вёдра,
Что на коромысле:
Маятник качнётся вверх и вниз.
Эйфория и о смерти мысли.
И погоды без конца каприз.
...Выглянуло солнышко под вечер,
Облекло печаль в медовый цвет.
Этот мир, конечно, будет вечен,
Только скольких милых в нём уж нет.
Растворюсь и я за тем туманом,
Что сгустился в холоде ночи.
...Жизнь, была ты мороком, обманом,
Тающим, как тело у свечи.

Такой июль холодный и дождливый.
И память время повернула вспять,
Где верила, что буду я счастливой...
Но не сбылось,
И в снеге первом прядь.
Хожу одна по старенькому дому,
Мету труху, побелку с потолка
И не могу избавиться от кома:
Стоит в груди, как в небе облака.
Грущу опять и вспоминаю близких.
И не могу развеять морок слов.
И капает в подставленные миски.
Живу в дождях, купаясь в море снов.
Там живы все.
И я, как жизнь, любима...
И под подушкой прячутся стихи.
Там заросли подвязанной малины
И по забору разбрелись вьюнки.
И вишня пенсильванская,
Что позже
Сломает крышу над большим крыльцом.
Так хлещет дождь,
Как гонят время вожжи.
И прошлое плывёт как пред концом.

Я отчий дом,
Как старый плащ,
Латаю:
Заплата тут
И штопка скотчем там.
Переживёт меня? –
Уже не знаю.
Но яблоки летят ещё к ногам
Зелёные,
Налившиеся соком,
Что сводит скулы, обжигая рот.
Я думаю о вечном, о высоком
И копошусь в земле как старый крот.
Когда уйду нелёгкими шагами
В заоблачный, в тумане скрытый сад,
Что больше не возделывать руками,
Не выдержит дом дождики и град...
И упадёт с последним снегопадом,
Не удержав с горы ручьёв поток.
И никого не тронет та утрата,
Хотя придут соседи на порог
И, головами светлыми качая,
Поэтов вспомнят,

Что хранили дом,
И если пели – только о печали.
Но память вспыхнет пёстрым лоскутком,
Заплаткой яркой... –
От сего ли мира? –
Что не истлела в шелесте дождей,
И черпали в саду для пенья силы,
Как тот насквозь промокший соловей.

Не спрашивай,
Что снилось...
Я сон свой заспала...
Зачем, скажи на милость,
В сухой траве игла?
Блеснула – и пропала...
Зачем блеск глаз искать
И в ночь Иван Купалы
Через костёр скакать?
Да-да...
Был сон об этом...
Но не нашла цветок.
Плоды лишь бересклета
Да клевер рос у ног...
И сорвала я шапку невзрачного цветка,
Сосала сок я сладкий,
Ведь жизнь так коротка.

Вот и солнце выглянуло косо
И скользнуло по лицу лучом.
Ты не понял моего вопроса.
Я пожала горестно плечом.
Крутимся на разных мы орбитах,
Пересекшись, разойдёмся вновь.
Сердце хоть болит, но не разбито
И лелеет старую любовь.
Будто плёнку нефтяную, вижу
Радуги забавную игру.
Так хотела, чтоб ты был поближе:
Целовать ресницы поутру,
Щекотать зажмуренные очи
И тонуть в колодцах сонных глаз.
С каждым годом мне всё одиноче.
Вижу годы трезво, без прикрас.
Так зачем в бензиновых разводах
Жизнь рисуешь, дорогой, свою?
Воздух не поступит в эту воду,
Где как рыбка вокруг блесны сную.

Я устаю теперь от тишины,
Где только ветер шелестит листвою,
Где голоса внутри меня слышны
Людей,
Что были некогда со мною.
Я с ними постоянно говорю.
Они приходят
Не спросясь, внезапно.
Им радуюсь, как будто янтарю,
Но знаю: море заберёт обратно...
Чуть-чуть в ладонях камень подержать,
Лучи впитавший дней, дотла сгоревших.
И волны грустным взглядом провожать... –
Так жизнь бежит размеренно, неспешно...
И уж не за горою поворот,
Где встретимся, должно быть, с мамой снова.
И в тишине, воды набравши в рот,
Сажу с сачком нехитрого улова:
Там лики близких,
Голос их живой,
Записанный на старенькой пластинке.
И холод в сердце острый, ножевой
От юности на жёлтом фотоснимке.

**Виктор
САЗЫКИН**

Окончание. Начало в № 3–4, 5–6 2020.

КРУТОВЕРТЬ БЕСПРОБУДНАЯ

Главы из романа

Глава 24

ПИЛИГРИМ И ДОНЖУАН. ЭРОТИЧЕСКИЕ ПОДОПЛЁКИ

Хотя я и избегал встреч с бывшими коллегами по перу, но иногда сталкивался и из их рассказов (да и сам я иногда просматривал попадавшиеся под руку газетёнки) знал, что вся без исключения провинциальная пресса теряет авторитет на глазах. Серьёзные аналитические материалы исчезли напрочь, публицистика перевелась за отсутствием не столько талантов, сколько из-за пренебрежения к ним. Пошла мода на короткие, якобы бесстрастные сообщения. Но чтобы компенсировать бесстрастность и удержать читателя, выискиваются (а то и придумываются) информации со страстями: смакуется уголовная хроника, со сладострастием сообщается о жутких происшествиях и несчастных случаях, нелепых, но щекочущих нервы читателю-потребителю.

«Новая молодёжная» тоже уже не знала, как и чем завлечь читателя. Одних тенёт магии, чудес и эротизма, преимущественно «клубничного» содержания (мужеложство, лесбиянство, инцест, женская фригидность, мужская импотенция, аборт и т.д., и т.п.), – всего этого явно было недостаточно. Читатель уже стал привыкать и ко всеобщему хаю, и к скандалёзам – не возбуждается.

Разумеется, мне было обидно за недавних коллег, и возвращаться в этот духовный бедлам не было никакого желания. Однако что же делать? И волей-неволей после беседы с Липкиным мне пришлось вернуться в газету. На редакционном собрании досрочно вернувшаяся из отпуска Римма Хайрулова от имени совета объявила: да, да, в связи с изменившейся в стране и области обстановкой газета отныне будет занимать твёрдо центристскую позицию. Кто не согласен (и при этом взглянула на меня, только что принятого вновь на работу, но ещё не утверждённого приказом, – я отвёл взгляд), тот может сразу увольняться. Это первое. Второе: кто останется, должен немедленно включиться в подписную кампанию, ездить по районам и разъяснять позицию газеты разного рода руководителям – главам, председателям, мэрам (уже появились и мэры).

И редакторша опять косо поглядела на меня – я не сдержался и кисло ухмыльнулся, тем самым, видимо, и подписал себе не обещанную Липкиным половину ставки, а всего лишь четверть, чтобы знал, кто тут хозяин. Что ж, и на том, как говорится, спасибо. Таким образом, подписав контракт на полгода (новая форма, введённая Хайруловой) на позорные четверть ставки, гонорары и проценты от подписки, я стал ездить в агитационные командировки, причём в самые непопулярные районы. И, к удивлению всей редакции, скоро набрал больше всех подписчиков. Расписывая прелести бывшей «демократки» от молодёжи, я даже вошёл в какой-то артистический раж. И подписка кипела. Распалённые воображением местные главы удовлетворённо потирали руки: «Слава Богу, порядок, никак, налаживается. Правильно?» «Правильно», – поддакивал я. Но выйдешь из какого-нибудь очередного бывшего райкома или райисполкома (родимые пятна социализма), утрёшь лицо платком, плюнешь с досадой и скажешь сам себе: «Да ты, братец, хлюст, однако!» Но делать нечего, взялся за гуж, не говори, что не дюж. Да и в роль, во вкус, повторяю, вошёл. Невольно даже себе внушил, что «Новая молодёжная» и в самом деле перестраивается на созидание, хватит, действительно, охаивать всё и разрушать.

Однажды я прибыл в районный центр Черёмухово. Здесь жили мои родственники. Но в гости ни к кому не хотелось идти. И после встречи с главой районной администрации я решил переночевать в гостинице, любезно заказанной мне заместителем главы звонком по телефону. Пока глава и журналист вели разговор о текущей жизни Черёмуховского района, о трудностях и различного характера проблемах, пока поговорили о газете, что надо бы помочь с подпиской... «Поможем, – уверенно сказал глава, – кое-какие рычаги ещё у нас есть». Я, похоже, ему понравился, поскольку взгляды на перестройку совпадали: от командной системы надо уходить, принцип социальной справедливости сохранять и народное достояние на откуп рыжим бесам и губошлёпам не отдавать, ну и церкви, по возможности, надо помогать, ибо все когда-нибудь предстанем перед Богом, хотя есть Он или нет Его – это ещё вопрос. «В школе нас учили, что нет, сейчас талдычат обратное – поди разберись!» – говорил глава.

Вернулся отлучавшийся куда-то на полчаса заместитель. Да ясно куда: в руках держал авоську, в авоське завёрнутые в газету закуска и бутылка водки.

– Ну что, пообедаем? – без обиняков предложил глава.

– Можно, – привычно ответил я.

Расстелили газетку на главном районном столе. Распочали бутылку. Выпили. Разговорились за жизнь. И скоро зам сгонял ещё за одной. Взялись и за эту, и за новые разговоры. Я в таких случаях имел талант слушателя, это и подкупало собеседников: главы, мэры, председатели – они ведь тоже люди, уставшие, издёрганные, нередко несправедливо обижаемые вышестоящими, и им тоже хочется выговориться, облегчить душу.

– Порой так всё это надоедает, – в сердцах говорил глава, – что бросил бы всё и сбежал куда глаза глядят! Но люди меня выбрали, доверились мне – как же теперь взад пятками?

– А хорошо, братцы, сидим! – к концу второй бутылки воскликнул традиционно русское заместителем и переглянулся с главой, мол, как насчёт третьей?

– Это точно! – ответил захорошевший глава, но согласия бежать за третьей бутылкой пока ещё не давал, да и в рюмках оставалось на целый тост. – Я вот в Европе был. Ды-ы-ра! – Руководитель Черёмуховского района

провинциальнейшей российской глубинки даже чуть привстал в своём кресле, энергично опершись на подлокотники. – Посидеть не с кем, ребята! Всё у них есть: жратва, вино, развлечения... а по-человечески поговорить не с кем, какая-то пустота кругом, безлюдье какое-то! Нет, думаю, мне эту Европу ни за какие деньги не надо! Я так истосковался, так соскучился по нашей охламонистой жизни! Вернулся потом, проехался по нашим сёлам – да, бардак кругом, разор, расташиловка. Но ведь люди-то, простые люди, они у нас добрее, проще и даже... даже умнее всех этих голландцев, немцев. Не знаю в чём, но умнее. Иному трактористу нашему, если он трезв и спокоен, глянешь в глаза – и такое впечатление, что он тебя насквозь видит, и на какой-нибудь каверзный его вопрос и хочешь соврать или уюлить, а не получается. Я выборы выиграл только потому, что не врал, говорил так, как есть. Мне кажется, так и надо: или врать безбожно, глядя глаза в глаза, или честно, но тоже глаза в глаза. А в Европе не так: там даже ложь какая-то культурная, холодная, недушевная ложь, отчего ещё противнее. У нас лучше, нам бы немного порядок навести, обжиться. Давайте за это и выпьем. У них своя жизнь, а у нас своя. Как говорится, чужая баба слаще, но своя родней. Правильно?

За это и выпили.

– Может, я ещё за одной сбегаю, Леонид Сергеевич? – спросил согласия заместитель.

И я вдруг почувствовал, что пьют и душевно ругают Европу отчасти ради моего внимания. И сообразил, что надо остановиться, не напиваться, не надо портить о себе впечатление. А посидеть с ними хотелось. Но я нашёл в себе силы удержаться от соблазна и в ответ на прозвучавшее предложение сглотнуть за третьей бутылкой опередил начальство тем, что встал, поблагодарил за угощение и сказал, что, к сожалению, сегодня мне надо ещё обдумать статью про их район, так что извините. Собеседники моментально протрезвели и одобрили моё намерение.

Ночевать устроили в гостинице, хотя и заместитель, и глава предлагали мне поехать к любому из них домой, но я чувал, что не надо. Но лучше бы поехал: тогда бы не случилась вся эта история...

Уходя в гостиницу, которая была недалеко от администрации, я договорился с главой, что завтра, пожалуй, составлю ему компанию при объезде некоторых хозяйств района, чтобы иметь возможность самолично побеседовать на местах с простыми людьми (я это умел и любил), а вечерним автобусом уеду в Сурград.

В гостиницу шёл в прекрасном настроении. Лёгкий морозец чуть сковывал лужи. Маслянисто сизовели тротуары. Уже вечер пришторил серо-апрельские очи дня. И гостиница оказалась чистой, уютной, «...где койка у окна всего лишь по рублю...» – запелось в душе. Сдержанно услужливая чеченка с антрацитовым блеском в длинных, надменно прищуренных глазах, уже прознавшая, что клиент – корреспондент областной газеты, да не простой, а из той, что с властями под ручку ходит, живо предложила мне кофе и полную вазу пряников и конфет. К пряникам я не прикоснулся, а вот кофе – с превеликим удовольствием: хотелось совсем протрезветь после водки, хотя чувствовал себя и так достаточно трезвым.

Выпив кофе, засел за набросок статьи. Мне хотелось рассказать о руководителе района и его заместителе как о новом поколении, время которых наконец-то наступило: они вполне понимают, что нельзя напрочь отвергать прошлое, разрушать до основания традиционно сложившиеся формы хозяйствования, особенно на селе (колхозно-общинный уклад), но и торчать

в устаревших рамках жизни тоже не годится: и фермеров, и крестьянские хозяйства, и личные подсобные поддерживать надо... Я набрасывал вопросы, какие завтра задам мужикам-механизаторам и бабам-дояркам: стоит ли брать землю в аренду? на каких условиях? нужен ли закон о купле-продаже её? выгодно ли разъединяться крупным колхозам-совхозам на более мелкие? и так далее, и тому подобное. Я вырос в селе и, видя, какой варварский идёт разор его, болел душой. Мне казалось, что все всё понимают и знают, как надо делать, чтобы жизнь привести в нужное русло, но делать почему-то никто не хочет.

Уже синяя апрельская ночь стояла за окнами гостиницы. Мне вдруг захотелось пройтись по ночному городку. И хотя городок Черёмухово был мне достаточно знаком, тем не менее, выйдя на улицу, я ощутил чувство новизны пространства. О, я вообще любил нехоженые, малолюдные места, будь то город, посёлок, улица или невзрачное село. В этой жадной влюблённости есть что-то эротическое. Пилигрим ведь бродит по свету от избытка любовной энергии, – шёл и думал я. – Поиск новых и новых, невиданных ранее мест идентичен поиску новой и новой женщины. Это тоже какое-то донжуанство. Хождение за тридевять земель – всё равно что хождение по лезвию любовной бритвы. Но суть – глубже.

Любовник-донжуан и романтик-бродяга – они и не подозревают, что в мужской их душе слишком много... женской эротической энергии. Первый ищет вечно новое лоно любви, как и второй – непознанное лоно мира, и оба не знают, что этот поиск – неосознанное стремление к единственной Прекрасной Даме или... или невольное, губительное, рождённое протуберанцами неорганизованной души влечение к мертвенно-голубому призраку Командора. Явь и наваждение, жизнь и смерть борются в глубинах сердец пилигрима и донжуана. Кто одолеет? Иные так и пропадают в безднах гедонистических путей: Дон Гуан – от рукопожатия ревнивого мертвеца; несчастные спутники Одиссея – пожираемы одноглазым циклопом в закупоренной каменной пещере. И тут и там предсмертное воображение их пугает фаллический символ, как зов природы, увиденный и услышанный ненасытной женской ипостасью. Но иные выходят победителями. Набродившийся по белому свету и побывавший даже на том Улисе возвращается к единственной своей Пенелопе. Избывая в собственном доме домогавшихся её любви женихов, он тем самым отсекает от себя прежнее лживое множество оборотней-инкубов и обретает наконец к годам пятидесяти сурово-мудрую мужскую суть, доминирующую над присмирившей вздорной женской. «У настоящего мужчины, – иронично резюмировал я свои размышления, – должны быть одна женщина и, может, один или два настоящих друга. Это артефакт пилигримо-донжуанского опыта, это априори христианской веры. Остальное всё от лукавого».

Собственно, не лукавый ли и зацепил меня в ту ночь, прилепившись к сердцу тонко-сладостным желанием любви? Я внезапно заскучал по Рае. Вообразил, как она входит в нашу спальню из-за кухонной перегородки. Чуть стесняясь и кокетничая, спрашивает: «Ты меня ждёшь?» «Конечно... – пылко говорю я и иронично добавляю: – Нет». «Вот как?» – она садится на краешек дивана и демонстративно захлопывает в руках моих книги. Я смеюсь и, приобнимая её, спрашиваю шёпотом: «Шпийн спит?» «Посты расставлены», – тоже заговорщицки отвечает она... Ужасно, ужасно захотелось к жене! Какого чёрта я торчу и брожу здесь? – пронеслось у меня в голове. Ах да, завтра же Леонид Сергеевич лично организует мне экскурс по хозяйствам района... А зачем, собственно? Разве я не знаю, что происходит на селе и что ответят колхозники? Всё я вижу и всё я знаю: издеваются

над крестьянином, как хотят. Я, Илья Кауров, и сам из простого народа, и моя душа вполне чувствует, что думает сельский мужик и чего он хочет: одного – чтобы не измывались над ним и хоть малость уважали в нём человека. Так и напишу в своей статье про Черёмуховский район, хотя и знаю, если не Римма, то заместитель её Стасик Липкин всё это вычеркнет: и про остовы-скелеты заброшенных, разграбленных ферм, и про списанную, латаную-перелатаную технику, и про ругань мужиков в адрес реформаторов.

Взглянул на часы: девять. Прикинул: пару часов до Сурграда на попутке, полчаса на такси по городу... Хватит ли денег? Вспомнил, сколько у меня в кармане – ничего, наскребём. Зато к часу ночи уж точно буду дома. «Здравствуй, моя радость!» – «Ты откуда?» – удивится Рая. – «К тебе спешил, моя ягодка».

Разгораясь в воображении, я окончательно решил: ехать! К утру, но доберусь.

И добрался бы. Но вышло всё не так. Человек полагает, а какие-то силы располагают по-своему. Поэтому и вышло всё по-другому. Скверно вышло.

Глава 25

ВОЗДЫХАНИЯ О НЕБЕСАХ. «ПАРТИЗАНЫ». ЗА БУТЫЛОЧКОЙ У КОСТЕРКА

Бежали долго, и я не то чтобы устал, но летел вслед за Ангелом в каком-то отрешённом состоянии. Вдруг он остановился (я с разбегу наткнулся на него), погасил свет и тихо сказал:

– Кажется, вышли. Видишь, чуть брезжит вдали? Это выход в нейтральную зону. Но нас там могут поджидать. Яган и Харут хитры, наверняка они просчитали наш вариант и сообщили своим пограничникам, чтобы нас поджидали именно здесь. Но мы им не дадимся так просто.

Он опять «включил» (но тускло-тускло, чтобы не привлечь внимание) светящуюся руку, в другой у него оказался планшет, наподобие офицерского. Присев на одно колено, вытащил карту, развернул и стал всматриваться. Я тоже.

Карта была какая-то странная: три концентрических круга.

– Мы находимся здесь, – указал Ангел на пересечение вертикали и первой, внутренней окружности. – Далее начинается нейтральная зона. А за ней вот эта, разноцветная, – это ноль-пространство. Спирали же – вихревые силы, выводящие из инфернальной тьмы...

– Куда? – не удержался я, испытывая в себе радостное предощущение.

Ангел как-то грустно улыбнулся:

– В явь, брат, в явь. А хотелось бы на родину – в рай, – вздохнул он. – Это первое небо, Кауров. Оно сразу же за небесной околицей России. Один только шаг – и Русь тоже в раю! – с щемящим восторгом вымолвил Ангел. – Стык миров: там два объединились в одном – земное с небесным! – Но сосредоточился и деловито продолжал: – Если бы нам выйти в нейтральную зону (но я уверен, именно здесь нас скорее всего и ждут нечистые), выйти и добраться до основания нижней вихревой спирали – мы почти спасены. У меня здесь свой «летучий аппарат», который радары демонов не способны засечь, а на вершине – отработанный канал выхода. Но, думаю, Харут рассекретил меня. Теперь я догадываюсь, брат, что ты был всего лишь подставой, чтобы нейтрализовать именно меня, как

резидента небесных воинств. Харут и Яган, очевидно, долго наблюдали за тобой через своих агентов, просчитали, что Пречистая обязательно заступится за тебя, несмотря на все твои безобразия. Доброта Её, известно, безмерна, особенно к вам, горемыкам-поэтам. Госпожа очень любит поэзию и всячески покровительствует и покрывает вас, бедолаг, только вы, неблагодарные, не знаете об этом и не цените. А демоны, между прочим, преоотлично осведомлены. Поэтому и разыграли спектакль с похищением твоей души, на что они первостатейные мастера. А если сказать прямо – это пошлейший мистический бандитизм! – Ангел явно сердился. Но взял себя в руки. – Не будем, Кауров, рисковать без нужды. Инфернальным метро – у них же своя «цивилизация», – съязвил мой проводник, – постараемся добраться до левого вихревого потока, захватим у демонов «летучую тарелку»... А там как судьба подскажет. Итак, внимание. Сосредоточься умственно и зрительно вот на этом участке. Повторяю, мы находимся именно здесь.

И Ангел необыкновенно светящимся кончиком пальца стал водить в указанной точке на карте. При этом свечение из кончика перста его исходило такое бритвенно-синее, будто пёрышко газосварки, что мне казалось, карта вот-вот вспыхнет. Но ничего подобного не случилось, зато – о, новое чудо! – схема карты вдруг прямо на глазах стала масштабно увеличиваться, увеличиваться, и почудилось, что мы с Ангелом как бы втягиваемся в это карто-схематическое пространство... И действительно, через некоторое время, оглядевшись, я поразился: мы теперь находились не в узком тёмном тоннеле, а в небольшом, округлом, купольно-замкнутом зальчике, приглушённо освещённом невидимыми светильниками. В сплошной стене, плавно переходящей в купольный свод, было пунктирно, как бы условно намечено множество сводчатых дверей. Ангел глазами поискал нужную, сверился по карте.

– Эта, – указал на одну и, подойдя, провёл рукой по линии пунктира, и дверь тотчас реально рубцевато обозначилась.

Ангел что-то прошептал, послуянил палец и коснулся петель и замочной скважины – дверь через секунду бесшумно открылась. Подуло сизым ветром из проёма, волосы у Ангела заколыхались и покрылись инеем.

– Держись за меня, – сказал он, сам крепко обхватил меня за пояс, и оба мы прыгнули за порог.

Как на крепчайшем морозе, у меня перехватило дыхание и, точно на качелях в детстве, ухнуло сердце. Стремительно мы полетели куда-то в кромешной тьме в холодный, бездонный низ.

– Нам надо заgrimироваться, – сказал Ангел. – Уподобимся нежитям, у которых нет своего облика, потому они ходят даже здесь в харях-личинах. Ну что ж, среди волков жить – по-волчьи выть, – добавил он и обеими ладонями, не касаясь, огладил себя от чела до кончиков ног.

Я отшатнулся: передо мной стоял рыжеватый наглый демон.

– Не бойся, – сказал демон изменённым, утробным голосом, – так надо.

И то же самое сделал со мной. Я не мог видеть себя со стороны, но неприязненно почувствовал перемену своей внешности.

– Приготовься, мы на выходе. Веди себя естественно, не дёргайся, нас не должны заподозрить. Я тебя «заgrimировал» под беса-подростка.

На выходе из «метро» стояла и ржала, похоже, под жареные анекдоты свора демонов, одетых хотя и по-военному (не без старомодности: френчи, галифе, хромовые сапоги), но нарочито вызывающе: сапоги на высоких каблуках («Наверное, под форму ноги», – иронично подумалось мне),

голенища сбиты гармошкой до самых щиколоток; френчи петушисто изукрашены просто чёрт знает как: невысказанные какие-то шевроны и нашивки, воротнички подшиты алым бархатом, подкладка – из чёрного. Словом, щёголи невообразимые!

Неподалёку другая кучка бесов, такая же разнаряженная, тоже под хохот разухабисто играла в «жучка»: после каждого зазорного удара сзади по боку прикрывающегося демона все остальные с гиком орали: «Кто, кто – угадай?!» Ангел нахмурился и, кивнув на играющих, сказал:

– Зри, Кауров: до сих пор насмеваются, страхолюдины.

Я не понял, о чём он, но спросил:

– А это кто?

– Да «дембеля», – усмехнулся Ангел.

– У них, что, и армия есть? – удивился я.

– Как и у вас, у людей. Тоже прогресс. Они во всём вам подражают. Вернее, невольно пародируют. Но это им даёт большую возможность, во-первых, понимать вашу психологию, во-вторых, через пародию они как бы вживаются, вырастают в ваше духовное тело – это приём всех пародистов – и разрушают изнутри.

– Эй, вы! – завидев нас, живо кинулся к нам один из демонов, видно, старший. – Ваши документы?

– Спецотдел, – небрежно отшвырнул его плечом Ангел, и в одно мгновение у него в руке оказалась красная корочка, которую он сунул под нос караульному и тотчас убрал, так что тот, очевидно, и не успел рассмотреть, но сразу как-то изменился, присмирел. – Какой здесь пароль? – спросил строго Ангел.

– А-а-а-атас, братва, – заикаясь, ответил демон.

– Это пароль?

– Так точно, ва-а-а-ше бесочество!

– Когда изменили? Почему не предупредили? Где приказ? – напустился Ангел, не давая демону ответить. – Молчать! Что за форма? Что за выправка? Бес по-прежнему стоял навтыжку.

– Вольно, вольно, говорю, – проворчал Ангел. – Так, где ближайший секрет?

– В нейтралке, ваше бесочество. Вёрст пять отсюда.

– А транспортные средства у них есть?

– Одна старенькая «тарелка».

– Благодарю за службу, боец, – похлопал демона по плечу Ангел.

Впереди, в метрах трёхстах виднелась какая-то серебристо-золотая полоска.

– Что это? – указал я.

Ангел пояснил: за полоской начинается та самая «нейтралка», где заканчивается континуум здешнего ада, но, чтобы выбраться окончательно – уж не до рая, а хотя бы до земной юдоли, – ещё нуль-пространство надо преодолеть.

Мы пошли напрямиком на костерок, блиставший каким-то предательским светом.

– Демоны здесь, эти супостаты Божьей воли, – говорил Ангел, – самодовольны и беспечны как паутины и тупы как валенки. Это на том, на вашем свете они хитры и изворотливы, бестии. Но и здесь надо быть с ними настроже. А главное оружие против них и тут, и там – трезвление ума и молитва (здесь мысленная). Таким образом, разумею, брат, – поучал Ангел, – выберемся на белый свет, берись за ум: шибко не пей, мечтами и похотью ум

не расхолаживай. И молись почаще, голова горемычная. И береги её, голову, она у тебя не без таланта и одна, у бедолаги, другой тебе никто не присобачит, – грубовато шутил Ангел, похлопывая меня по плечу.

– Скажи, Ангеле, – осмелился я, невольно переходя на «ты» (я чувствовал себя рядом с сильным и добрым духом младшим послушным братом), – скажи, это всё правда, что было со мной?

– То есть что?

– Ну, эти все мои прежние перевоплощения?

– Перевоплощения? – удивился Ангел. – Ну-ка, постой.. – И, приостановив меня, какое-то время молча и пристально вглядывался в мою душу.

Я догадался: Ангел считывает мои мысли, чувства, мою умозрительную память.

– Ах, пройдохи-комедианты! – наконец добродушно воскликнул Ангел, закончив «проверку». – Ну развели тебя! Да разве ты не понял, что всё это сплошная лажа, братишка? Богомерзкая басня! Так знай же: всё, что тебе было наговорено так называемым доктором Филлом, всё это – дурман, глюки, суггестия, гипноз. Понял? Ухо твоё не слышало, глаз не видел – и шабаш!

– Но я ведь переживал, словно на самом деле, – возразил я почти с обидой.

– Да в том-то и весь фокус! Впрочем, я объясню тебе потом. Сейчас нам самим предстоит дурить их, играть роль демонов-бродяг, хлыстов, по-здешнему. Приготовься.. Атас, братва! – весело крикнул пароль Ангел веселившимся у костерка караульным, которые и не заметили, как мы подошли к ним. – Здорово, говорю, бандиты!

Черти, одетые кто во что горазд – в гражданское, военное, полувоенное, были навеселе. Бутыль зелья гуляла по кругу. Тут же валялись полуразбитая гитара и маленькая нарядная гармошка. Недалеко от костра, возле кустов, стояла патрульная «летающая тарелка», на которую молча кивком указал мне Ангел, дескать, имей в виду, это то, что нам надо.

– Деточка, тут у нас не проходной и не постоянный двор, а секрет, ты понял? – враз набычился и стал угрожающе подниматься, копыта под собой землю кирзовым ботинком, один из чертей, хотя другие охотно потеснились, такой здоровенный косорылый чертяка, то ли лысый от природы, то ли бритый по моде под нуль и наверняка правая рука старшего.

– Я же сказал: атас, братва, – миролюбиво повторил Ангел.

– А нам плевать, что ты знаешь пароль! – гололобый явно нарывался на драку.

– Ша! – воскликнул старшой. – Пароль есть пароль. Но поскольку у нас в самом деле караул, а не ночлежка и не перевалочная, сказано: проваливай-те отсюда. Ясно?

– Да вы чё, братва!.. – хотя и с понтом, но стал упрашивать Ангел чертей. – Дайте хоть немного погреться. Нам ещё до того света топать чёрт знает сколько.

– Ша! – опять крикнул старшой. – Тогда уговор, – обратился с коварной улыбкой к Ангелу, – мы тут от скуки рассказываем бывальщины, каждый из своей практики, поэтому и с вас причитается по истории. Или валяйте серию частушек. Идёт?

– Замётано! – согласился Ангел за себя и за меня.

Ударили по рукам.

– Ну, начинай! – потребовал старшой от Ангела.

Тот сделал глоток из бутылки и попросил гармошку.

– И-эх, где наша ни пропадала! – воскликнул он и ловко перебрал лады.

Чертям вступление такое понравилось. Кто-то тут же взялся подтренькивать на гитаре. Остальные настроились слушать.

– Не знаю, братцы, как вы относитесь к демократам, а я их вполне презираю, – рубанул Ангел в обличье демона.

– И мы тоже, и мы тоже!.. – посыпалось со всех сторон.

– Так ведь они на нас работают, – подначил Ангел.

– Да пошли они к гусям собачьим! Гнать их в шею! Они родину продают и чести не имеют! – пустились кричать наперебой черти. – Они все кишки нам вымотали!

Я сидел и дивился: то, что, казалось бы, должно нравиться демонам, почему-то вызывало и у них неприязнь. Или я что-то не понимаю?

– Прошу тишины! – потребовал Ангел. – Итак, частушки про американцев! – объявил он торжественно и врезал по кнопочкам и клавишам:

*Кому рожки, кому ножки,
Кому шиш вдоль по дорожке.
Кто сорвал с России куш?..*

– Буш-зараза! Е-бэ-бу-у-у-уш! – затопала-закопытила публика.

Черти неистовствовали. Досталось всем политикам, депутатам, известным диссидентам и правозащитникам. Черти дурели. А при известных женских именах выворачивались наизнанку. Ангел же вдобавок с невероятным артистизмом умудрялся иногда подкинуть вертушкой гармошку, ловко поймать её и опять валял припевки-издёвки.

– Ну, ты пацан что надо! – обнял старшой Ангела. – Оставайся с нами, нам такие любви. Верно, казаки?

– Верно, батько! – хором отозвались черти.

Ангел пошлёпал отпьяненной губой, как бы кочевряжась. Но согласился:

– Замётано. Но со мной тут напарник...

– Пристроим и его – нет проблем.

– Да он без нас пристроится. У него папа – генерал-силовик. Но принципиальный, чёрт! Вбил себе и сынишке в башку, что пацану надо хотя бы ходить одну-другую сделать на тот свет, там наворочать делишек, совершить, так сказать, какой-нибудь подвиг, и тогда, мол, при его-то связях, карьера пойдёт как по маслу. Вот и тащу этого лоха из провинции на тот свет. Я же профессиональный сталкер, проводник, работаю за наличные, по договору. Ну, кое-что прихватываю по пути оттуда.

– Да брось ты! Он как, паренёк-то? Лох, говоришь, провинциальный?

– Да он-то без понятий, лопух.

– А ну-ка, мы его сейчас тряхнём-крутанём. Эй, дундук! – грубовато обратился старшой ко мне. – Лепи роман, как договаривались.

– Давай, давай, – закричали черти, подбадривая. – Мели, тетеря, никому не веря!

«Ну же, начинай, врубай свою фантазию, – мысленно сказал и Ангел. – Из чего бы другого, а из грязи и сора грехов сочинить-то шедевр можно. Валяй!»

Глава 26

**НЕЗНАКОМКА. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ЮНЫМ ГРАЖДАНКАМ:
НЕ САДИТЕСЬ
В КАБИНУ К НЕЗНАКОМЫМ ШОФЁРАМ!**

Я вышел на шоссе. Торопливо направился к будке ГАИ. Безуспешно «проголосовав» целый час редким проезжим машинам, на что полуночные шофёры отвечали мощным, заполошным газком, промёрзнув и обозлившись, я решил вернуться в гостиницу. Я уже было пошёл, вдруг вижу: одна машина притормаживает... Подумал, что это, похоже, для меня останавливается. И действительно почти остановилась, только, странно, почему-то ни правый поворотник не включает, ни к обочине не прижимается, а всё едет, едет, не останавливается. Уже немного не доезжая до меня, машина газанула, дверка в этот момент распахнулась – и оттуда на ходу кто-то то ли выпрыгнул, то ли вытолкнутый упал. С длинным, крытым брезентом кузовом машина взревела ещё мощнее и пронеслась мимо меня, так что я даже не успел полностью запомнить номер, только буквы и первые две цифры. Да и не до номера было. Не раздумывая, я бросился к тому, кто лежал на асфальте, точнее, с трудом приподнимался.

Сперва показалось, что это пацан (тот уже встал и, прихрамывая на месте, ощупывал, очевидно, пораненное бедро), но при приближении это оказалась молоденькая девушка, в курточке и узеньких брючках.

– Что случилось?!

В ответ она всхлипнула.

– Ничего, – сказала, с недоверием оглядывая меня.

Ей было лет шестнадцать, довольно высокая, но худенькая, черты лица – немного азиатские; одета очень простенько (недалеко от будки ГАИ, где мы стояли, хорошо освещалось, и я сразу рассмотрел потерпевшую). – Вы... не милиционер? – неуверенно спросила она.

– Нет, сам вот торчу здесь, уехать хотел, но никто не останавливается. С вами всё в порядке? Вы выпрыгнули, что ли? Что с ногой-то? Не сломала?

– Да нет вроде, – сказала она, пробуя твёрже наступать на ногу, – ушибла просто. – И, как будто благодарно взглянув на меня, добавила: – Это они вас испугались.

– Кто?

– Да шофёр и другой, который с ним. Они всю дорогу приставали... Хотели напоить нас, но я не стала, а Руська – дура... Они теперь её... Ой, мамочка-а-а!.. – девушка всхлипнула, готовая, видно, заголосить.

В это время мимо проехала «девятка». Занятый разговором, я, к сожалению, не успел тормознуть её. Впрочем, не до того было: я искренно озабочен состоянием пострадавшей.

– Они подумали, что вы гаишник, стали останавливаться, потому что я сказала, что сейчас буду кричать. А потом видят: не милиционер. «Жми, – говорит один, – не останавливайся!» А я в это время и сиганула. А Руська не успела... Они убьют её, изнасилуют и выкинут. О-о-у-у! – не сдержалась и с каким-то тихим отчаянием завывала девушка.

– А кто такая Руська, подруга, что ли? – стал допытываться я.

– Сес-тра-а, – сквозь дрожащий плач выговорила она, продолжая поглаживать ушибленное бедро и с тем же отчаянием глядя туда, где скрылась грузовая машина, а вслед за ней и легковушка.

– Вы откуда едете? – спросил я, и этот вопрос почему-то насторожил незнакомку.

– А вам-то какое дело?

– Если вы боитесь, что с вашей сестрой может что-то случиться, надо срочно сообщить в милицию. Пойдёмте. – Я попытался взять её под руку.

– Никуда я не пойду, – сказала она сквозь плач и, отойдя шагов на пять, вдруг села на корточки, обхватив голову руками и лицом уткнувшись в колени.

Я подошёл к ней и тоже присел напротив на корточки. Чуть тронул за локоток.

– Я не знаю, чем тебе помочь, но чувствую, что помочь надо. Так ведь?

Она сквозь плач закивала.

– Извини, но... вы что, с сестрёнкой на трассе подрабатываете, что ли?

– Чего? – не поняла она.

Потом дошло, и торопливо замотала головой, поясняя: нет, нет, они просто ехали в Сурград, сели на попутку, а шофёры стали приставать...

– А почему так поздно? Издалека, что ли?

– Да, издалека, – торопливо сказала незнакомка.

– Откуда?

– И-из... из Саранска, – ответила она, но ответила, как бы обдумывая, сказать или нет.

– Ну, так что будем делать, девушка из Саранска? Кстати, меня зовут Илья. Я журналист из областной газеты.

Она удивлённо подняла голову, встала.

– Правда? – недоверчиво спросила.

– А почему бы и нет? – я тоже встал. – Могу показать удостоверение. А вообще я здесь в командировке. Но мне... срочно надо к утру в Сурград, – немного соврал я. – Я думал с помощью гаишников уехать на попутке, а их, видишь, нет, я уже целый час здесь торчу. Так что, если с вашей сестрой что-то может и вправду случиться, давайте, повторяю, лучше поторопимся.

– Куда? В милицию?

– Да, в милицию. А там рядом гостиница – переночуете.

– Мои документы у сестры в сумке остались. И деньги, и все вещи, – понуро, но уже без слёз и как бы вполне успокоившись, ответила она.

– Что-нибудь придумаем. Во всяком случае, у меня там номер... пустует.

– Я не пойду в милицию, – остановившись, заявила незнакомка.

– Почему?

– Без документов они меня сразу заберут.

– Ну уж так сразу и заберут?

– А то нет!

– Ты что-то скрываешь?

– Ничего я не скрываю, – упрямо и резковато ответила она.

– В таком случае ничего страшного: напишешь заявление, составят протокол, сообщат на ближайший пост ГАИ, может, вышлют патрульную машину. А тебя отпустят.

– Куда они меня отпустят? – захныкала она опять.

– Ну не в камеру же посадят? У дежурного переночуешь до утра, я попрошу.

– Не пойду, не пойду, я их боюсь! – она опять закрыла лицо руками, вздрагивая плечами.

– Ну а как же тогда сестра? Слушай, или ты в самом деле что-то натворила, или ты мне со своей сестрой, которую якобы увезли насильники, лапшу на уши вешаешь! – жёстко заявил я.

Девушка, всхлипнув ещё несколько раз, умолкла.

– Я вам потом всё расскажу. Всё, всё! Только помогите мне сейчас.

– Как же я тебе помогу, если я тебе предлагаю одно, а ты капризничаешь? – возразил я.

– А вы сходите в милицию один, без меня, – заискивающе попросила незнакомка, а я где-нибудь подожду тут.

– И что же я скажу в милиции? – удивился я такому предложению.

– А вы скажите, что видели, как одна девушка выпрыгнула из кабины, а другую не пустили, увезли, она визжала, царапалась...

Дежурный милиционер не сразу впустил. А когда проверил документы, появился ещё один, моложавый капитан, слегка заспанный. Тоже повертел в руках моё корреспондентское удостоверение. Начались вялые расспросы.

– Чего вас понесло-то на ночь глядя? – спросил капитан, узнав, что я хотел на попутке уехать в Сурград. И сострил: – Жену, что ли, проверить? Или соскучился?

«Телепатическое» совпадение немного смутило меня, но я не показал виду.

– При чём здесь жена? Завтра мы сдаём газету в печать, и интервью с вашим главой района должно быть в номере. Вот и торопился.

– Ну так и дал бы вам свою «Волгу», если уж так срочно надо.

– Вашими советами я воспользуюсь утром, со ссылкой конкретно на вас, – как бы чуток припугнул я нагловатого дежурного, но тот только ухмыльнулся.

– Хоть на меня, хоть на него, – кивнул на сержанта, – нам по фигу. Сегодня одна голова у района, завтра другая, а милиция вечна, как пирамида Хеопса... – И зевнул во весь рот. – Так вам что от нас надо, товарищ журналист... или господин – как вас там сейчас именуют?

– Я зашёл, чтобы просто сделать сообщение, которое, не исключено, может предупредить серьёзное преступление. Я же вам объяснил: кого-то выкинули или кто-то выпрыгнул из машины на трассе, недалеко от ГАИ, и скатился в лесополосу возле дороги. Когда же машина проезжала мимо меня, я слышал из кабины женский крик о помощи. Потом я побежал к тому месту, где упало тело...

– Тело?.. То есть... мёртвое, что ли?

– Откуда я знаю. Во-первых, я не нашёл там никого, во-вторых, темно... Ваше же дело, наверное, сообщить на соседние посты ГАИ по трассе и так далее, это уже не моя забота. Кстати, я запомнил первые две цифры номера... – И я назвал.

– Пишите заявление.

Но писать я ничего так и не стал и скоро ушёл от стражей порядка в очень скверном настроении, пообещав, что об этом инциденте напишу в газету, как приложение к интервью с главой района.

– Да пиши хоть книжку, – хмыкнули вослед.

Девушка стояла на том самом месте, где я и оставил её. Похоже, сильно замёрзла: вся дрожала. Мелькнула мысль, не пойти ли вместе с ней к кому-нибудь из родственников? Нет, будут расспрашивать... Лучше в гостиницу. Я молча взял незнакомку за руку.

– Пойдём. Теперь уж всё до кучи. – И в двух словах рассказал, что говорил в отделении милиции.

Молча, покорно она пошла за мной. У гостиницы опять спросил, как её зовут: полностью фамилию, имя, отчество, дату и год рождения. Зачем? А затем, что я её представляю... своей помощницей, внештатной

корреспонденткой по вопросам молодёжи. Глупо, конечно, но... врать так врать, теперь уж куда кривая выведет.

Она назвалась: Варвара Валерьевна Рыськова, 1976 года рождения.

– Совершеннолетняя, выходит? – несколько удивился я. – Или прибавляешь? – я отчего-то немного злился на эту девицу. – Вообще-то на твоём месте, наоборот, надо убавлять.

– З-зачем? – сквозь зубную дрожь спросила она. – Мне теперь уж тоже всё равно.

– Ну и мне тоже. Пойдём. Держись смелее. Или наглее, как угодно. А вообще лучше молчи, я за тебя буду отвечать, если что спросят. Пойдём, Варвара-краса... – хотел добавить «длинная коса», но косы у девушки не было. – А имя у тебя, между прочим, красивое – Варенька! – литературно-классическое, – добавил я веселее, чтобы подбодрить девушку, да и самому настроиться побойчее.

При входе в гостиницу назвавшая себя Варенькой (точнее, так ласково назвал я её) опять засомневалась: пустят ли? И вообще она боится...

– Перестань, – подбодрил я уверенно. – Я же сказал: ты – моя помощница, стажироваться. Ясно?

Дверь была заперта. На стук хозяйка-чеченка открыла тотчас же, будто поджидала, и, оглядев понимающе спутницу, только спросила:

– Эта дэвушка с вами будэт?

– Да, это моя помощница, – преувеличенно небрежно сказал я, – она должна была уехать, но... машина сломалась, пришлось вернуться, а поскольку номер на неё не заказывался, она переночует у меня. – Принесите нам кофе, Пойдём...

Взял её за руку. Но, отойдя на пару шагов, полуобернулся к хозяйке и повторил:

– Два, покрепче и погорячее.

– Канэшно, канэшно, – ответила чеченка.

В комнате я исподволь, но повнимательней оглядел свою гостью. Да, пожалуй, шестнадцать-то ей уже минуло, судя по наметившимся усталым морщинкам возле глаз – в шестнадцать редко они бывают. И это почему-то огорчило меня. Почему? Да ведь мне, похоже, хотелось быть рыцарем-спасителем юной невинной души, а тут...

– Ну что ж, раздевайся, Варвара-краса.

Я поискал глазами под кроватью тапочки, взял, поставил возле стула.

Она сняла плащ, я повесил его в шкаф. Разулась, обула тапочки. Успел заметить: носочки старенькие. Одежка под курткой оказалась не лучше: бордовая поношенная кофта, тоже размера на два больше, чем надо, потому рукава засучены...

Но что-то было в девушке и привлекательное: этот мягкий восточный овал лица... А может, выражение беззащитности? Ведь беззащитность – такая штука, что угодно может пробудить: жалость, агрессию, сексуальное желание. Я в этот момент почувствовал лёгкую жалость. Но что-то там, в душе, и другое притаилось...

Вошла хозяйка, поставила два бокала дымящегося кофе и, взглянув на девушку, чуть-чуть поморщилась, как показалось мне. И это опять задело за живое. Значит, тайлось во мне тщеславие самца. Тай-и-лось. Уходя, чеченка сказала, тоже, наверное, с намёком, что душ в конце коридора, но вода не очень горячая. Да, это был намёк с морально-гигиеническим содержанием, отчего в сердце вскипела злость: как она смеет?! И почему-то ещё жалче

стало своей гостью, хотелось как-то защитить от этих дурно оценивающих взглядов.

– Ты, наверное, голодная, – сказал я, когда чеченка ушла. – Ешь, – указал на вазу с пряниками.

Она неторопливо съела один.

– Да ешь, не стесняйся, – улыбнулся ей как можно проще, а сам подумал, что ей бы надо руки помыть, но теперь вроде неудобно об этом говорить.

Она съела ещё и ещё. Горячий кофе оживил её лицо, щёки чуть смугло зарумянились, и на крыльях носика выступили бисеринки пота. Она утёрлась пальчиком и как-то по-ребячьи облизала губки.

– Может, ещё попросить кофе?

– Нет, не надо, а то я не усну.

– А я привык поздно ложиться.

– А ты... вы правда корреспондент?

– Да. Точнее, числюсь таковым, – ответил я неохотно и спросил в свою очередь, действительно ли она та, за которую себя выдаёт, точно ли из Саранска и как звали её сестру.

При упоминании о сестре лицо девушки болезненно напряглось, и она чуть не заплакала, но сдержалась и ответила, что сестру зовут Русей, что они убежали из дому... И замолчала, выжидаяще взглядывая на меня. То ли наивность, то ли маленькое нахальство чувствовалось в этом взгляде.

– А сколько же сестре лет, – поинтересовался я.

Столько же, сколько и ей, ответила она.

– То есть вы близняшки, что ли?

Да, ответила она, мать иногда их с трудом различала, если одинаково оденутся, поэтому они делали разные причёски: у Руси (мать её звала Марусей) косы длинные, а у неё короткие.

– Очень любопытно. Ну а почему же сбежали?

Теперь она посмотрела на меня с вызовом.

– Ты как следователь прямо... – И отвернулась.

«Г-мы... – подумал я, – уже перешла на «ты» и, похоже, знакома со следственными органами. Влип ты, братец». Но вслух спросил, так сколько ей всё-таки лет? Из дому обычно убегают несовершеннолетние...

– Не бойся, – тихо и обидчиво ответила она, – совершеннолетняя.

– Я другого боюсь, Варвара... забыл, как ваше отчество... батьковна. Ну, так из-за чего всё-таки вы с сестрой убежали из дома? Кстати, ты обещаешь всё рассказать честно.

Она молчала. И вид у неё сделался такой горестный, что повторить вопрос язык не поворачивался. Наконец еле слышно она ответила, не поднимая головы:

– Он нас ещё в пятнадцать лет обеих изнасиловал.

– Кто? – невольно вырвалось у меня.

– Материн сожитель, отчим. Но мы тогда ей ничего не сказали, потому что его всё равно скоро посадили, он в розыске был. А мы потом переехали сюда. А он опять нас нашёл... когда отсидел.

– Я не понял, куда вы переехали? – переспросил я, а в уме мелькнуло: «Проговорилась».

Но она уточнила: сюда – то есть в Россию. Они беженцы из Казахстана. Там они продали задёшево двухкомнатную квартиру, а здесь...

– Где – здесь?

– Ну, в России..

– В Саранске? – уточнил я.

– Да, в Саранске, нам там дали однокомнатную.
– И что же?
– Он опять приехал, стал грозить... Мы собрались и сбежали. И даже маме ничего не сказали.
– То есть мать так ничего и не знает?
– Нет, – пробормотала она. – Я больше не хочу ничего говорить. Я... я устала.

- Может, кофе ещё попросить?
- Нет, не зови никого.
- Да я сам схожу.
- Не надо. Можно я лучше закурю?

Она увидела на тумбочке сигареты, которые я непроизвольно вынул и положил, когда вошли.

- Возьми, – протянул ей пачку и зажигалку и сам закурил.

Сидели молча. Надо было ложиться спать. В номере были две койки. Над каждой в виде раскрытого золотисто-розового цветка – бра. С потолка свешивалась трёхлапая люстра. Я включил светильник в изголовье своей кровати. Затем выключил люстру. От желтоватого света стало мягче и уютнее. Но я чувствовал какую-то неловкость.

- Раздевайся и ложись, – показал на другую койку.

Затушил недокуренную сигарету в тяжёлой цвета янтаря пепельнице. Варя тоже затушила. Её окурочек уткнулся рядом с моим. Я взял полотенце с подушки, углом торчащей на заправленной постели, точно одинокая грудь амазонки, и сказал, что пойду поищу умывальник. Когда вернулся, Варя, наклонившись, разбирала свою постель. Бедра у неё были узкие...

– Если хочешь, – сказал я, – налево, в конце коридора, женский умывальник и всё остальное. Вода, кстати, горячая. И, по-моему, в гостинице, кроме нас, ни одного клиента.

Она ничего не ответила, взяла оба полотенца, махровое и вафельное, но вафельное положила обратно и пошла. Не было её долго, и я даже немного заволновался: что у неё на уме? И в то же время почувствовал, что жду её... как женщину. Так я ждал обычно... Раю. Вот же, чёрт!.. Я опять закурил, пачку положил на свою тумбочку: если захочет тоже закурить, подойдёт или попросит принести...

Варя вошла, продолжая вытирать голову полотенцем. Кофту держала в руке – значит, мылась под душем, теперь на ней были всё те же брючки, маечка с каким-то детским рисунком, что-то вроде кудлатого львёнка. Лицо чуть-чуть влажно-румяное. Сейчас ей можно было дать действительно не больше шестнадцати-семнадцати лет. Повесила кофту на спинку стула, полотенце на спинку кровати. Поискала глазами сигареты, как я и предполагал, попросила разрешения закурить, попросила скромно, но уже и с оттенком игривости. Я кивнул. Она подошла к тумбочке не сразу. Взяла пачку, задержалась, потом положила обратно.

– Я не хочу курить. Я хочу... с тобой... – И, быстро присев на корточки, уткнулась в одеяло на моих коленях.

Показалось, она заплакала, и я невольно тронул её влажные волосы. Погладил. И вместе с тем почувствовал, что действительно хочу её.

- Ложись, – сказал и немного подвинулся.

Когда она, заметно стыдясь, торопливо скинула брючки и юркнула ко мне, я заботливо укрыл её одеялом. Она зябко съёжилась, прижав кулачки к своей груди и подогнув колени. Но постепенно колени расслабились, и тело её животиком всё плотнее и плотнее прижималось ко мне.

- Снять майку? – спросила она.
– Сними, – ответил я.

Я сладко терзал её худенькое, но очень гибкое тельце, и в перерывах она рассказывала о себе, облокотившись на руку и безымянным пальчиком другой руки что-то выводя на моей груди – сердечко, узор ли какой, или букву, слово ли целое, – как это и делают все женщины, когда любят, как это делала и Рая, когда нам было хорошо вместе. При этом Варя тихо говорила:

– Я думала: вот убежим с Руськой из дому, уедем в город, где нас никто не знает, найдём себе работу, а потом выйдем замуж. У меня будут дети, и муж будет хороший. Не пьяница. Шофёр. Он будет хорошо зарабатывать, ездить в дальние рейсы. А я его буду ждать. Как я буду радоваться, когда он приедет! И я всегда буду нарядная в этот день. И детей буду хорошо одевать, и его, и сама... чтобы он не изменял мне. Ведь вы, мужчины, любите модных женщин, да? Если даже некрасивая, но чтобы модная.

Я слушал её с некоторым удивлением: ведь и Рая всегда мечтала о чём-то сходном. Эта – о дельном муже-шофёре, Рая – чтобы я, Кауров, её муж, был хорошим писателем, чтобы она мной гордилась, а я хорошо зарабатывал. Вспомнил её смешное выражение: «Когда у нас будет досыта денег...» И ещё вспомнил, как Рая однажды сказала, что она хотела бы быть красивой-красивой, такой, чтобы все-все завидовали мне, на что я, смеясь, отвечал: «Нет уж, на тебя и так иногда наш брат оглядывается, а тогда у меня вообще одни проблемы будут». «Почему?» – «По той же причине, что и у Пушкина из-за красавицы жены. И мне бы пришлось драться из-за тебя». «Но я бы тебе ни за что не изменила», – как бы немножко обиделась Рая. «Так ведь и Натали не изменила Александру Сергеевичу». – «А у нас девчонки в библиотеке говорят, что изменила, об этом даже в каком-то журнале писали». – «Неправда. Но, думаю, без бабьего кокетства не обошлось. Дантес был красавец, она тоже, а Пушкин всего-навсего лишь гений. А гению изменить хоть и великий грех, но зато какой соблазн! Так ведь? А ещё соблазнительнее соблазнить жену гения, ради этого и на дуэль можно выйти». – «Ну тебя, Илюша, ты всегда как-то так всё перевёртываешь! А мне, например, Пушкин как мужчина нравится. Я белобрыхых не люблю». – «Вот ты уже потенциально изменяешь мне». – «Но ведь ты не белобрыхый. И тоже кудрявый. А когда весёлый бываешь...» – «Прямо вылитый Пушкин». – «Ну-у, не Пушкин, а... ты очень хороший. А вот когда приходишь как бука...» – «Я думаю, и Пушкин был ещё каким букой, когда его достали эти п...» – «Не ругайся». – «Не буду. Только ты оставь эти глупости – красивой она хочет быть! Любят симпатичных, милых, обаятельных, а не красивых. Красивые нередко отталкивают либо по принципу «зелёного винограда...» – «Это как?» – «А как в басне: око видит, да зуб неймёт. Либо... когда в иной красоте чувствуешь что-то смертоносное, губительное, когда заранее знаешь, что никакой радости, никакого счастья с этой женщиной не будет – это злая красота, не одухотворённая, с признаками смерти». «Ой, не пугай меня, Илюша!» – прижималась ко мне ближе Рая. «Ну, так хочешь быть красивой?» – «Хочу, но не такой. И я тебе никогда бы не изменила. Из принципа». – «Из какого?» – «Из такого». – «А без принципа?» – «И без принципа не изменю». – «Смешная ты».

И теперь я с грустью думал: «Рая хочет быть красивой, эта – модной. Глупенькие, разве в этом дело, в моде или красоте? Вот ты, Варя,

встретилась мне в своей дурацкой бордовой кофте с засученными рукавами, и я ни с того ни с сего изменяю жене, которую ведь люблю.

...Под утро Варя просила:

– Возьми меня с собой. Твоя жена никогда-никогда не узнает обо мне, а я никогда-никогда ничего не потребую от тебя, чего ты не захочешь. Но я всегда буду ждать тебя, и ты хоть раз в годочек будешь приходить ко мне...

– Куда? – грустно улыбался я.

– Ты устроишь меня на работу, ну куда-нибудь... Ну и в общежитие или на квартиру... Я буду работать, а после работы читать книжки и ждать тебя. Ведь тебе хорошо со мной?

– Да, хорошо, Варенька... Но я чувствую себя соучастником какого-то преступления, – сказал я после длительной паузы. – Ведь ты так и не рассказала мне, почему вы с сестрёнкой убежали из дому... – При этом у меня мелькала и мысль о лично своём преступлении, о нравственном.

– Я же сказала: из-за отчима. – И девушка вся съёжилась, подогнув острые колени.

– Значит, он вернулся, и мать опять приняла его к себе, не подозревая, что он и девочке уже объездил и намеревается снова, да? Когда она уходила на работу, он принимался за вас. (Варя ещё более съёжилась.) И вам это либо уже нравилось («Нет, нет!» – качала она головой, уткнувшись мне в грудь), но вы боялись, что узнает мать, либо он вас сам запугивал. (Она ответно закивала, и я почувствовал мокроту на груди своей от безмолвных слёз её.) И вы сбежали?

– Да, – выдавила она из себя сквозь всхлип.

– Ты действительно хочешь со мной?

– Да, – еле слышно ответила она. – И сестру ещё найти.

– Прости меня, – немножко погодя заговорил я. – Я бы взял... и, наверное, возьму... Нет, не для этого... мне просто жалко тебя. Да и сестру твою в самом деле надо найти... Только я ведь сам, по правде говоря, ни то ни сё. У меня нет ни денег, ни хороших знакомств. Моя жена сама-то не лучше тебя одевается. И ни квартиры у нас нет, ничего нет... Но всё равно ты поедешь со мной. Что-нибудь придумаем. Самое главное – надо найти твою сестру... Если она живая... – добавил я и почувствовал, как Варя глухо заплакала. – Напрасно я тебя послушался: надо было вместе идти в милицию. Я не понял, чего ты так испугалась?

Она молча плакала, вздрагивая, и ничего не отвечала.

Собственно, я ещё не знал, что предприму, чем помогу этой запуганной, замученной девчонке. У меня как-то язык не поворачивался назвать её женщиной. Какая она женщина? Разве женщиной становятся от близости с женщиной? Это – состояние души. А у неё – ребячья запуганная душа. Мне было жалко её, и раз я пообещал, то должен чем-то помочь. Но чем? Как? Впрочем, мелькала и подленькая мысль: ну связался! Что ж – отвечал сам себе – не бросать же теперь? И, обняв Варю, всё думал: что предпринять? Она же, проплакавшись, уставшая, заснула. Я решил, что завтра возьму её с собой в Сурград. Но так, чтобы никто ничего больше не заподозрил о нас. Ни на йоту! И уж тем более Рая или кто-то на работе. Да какая, к чёрту, работа! Надо искать другую... Пусть Варя, думал я, проживёт первое время где-нибудь на квартире. А потом, если сестра найдётся, будут жить вместе. А не найдётся... Но как бы Рая не догадалась (при мысли о жене острый холодок больно касался сердца). Да нет, не догадается, успокаивал я себя. Ну а дальше что? Смотри, Илья, превратишься, блин, в двоежёнца... Нет,

нет, с этим сразу надо категорически завязать, никаких шуры-муры, никаких подозрений чтобы!..

Потихоньку, чтобы не разбудить Варю, я встал. Но девушка проснулась. Сонная и какая-то несчастная, она, сидя на постели, смотрела на меня с каким-то горьким недоумением. Потом с обидой сказала:

– Ты уходишь?..

– Я вернусь, Варя.

– А я?.. – как бы не услышав моё обещание, спросила она.

За окошком послышался лёгкий рокот УАЗа. Просигналили. Чёрт, сейчас или шофёр придёт меня будить, или чеченка... Я торопливо стал объяснять девушке, что срочно должен ехать с главой администрации. («Да она, наверно, и не понимает, о чём я», – мелькнуло у меня в уме.)

– ...Но к полудню я обязательно вернусь, жди, а вечером последним рейсом на автобусе вместе поедем в Сурград. Хорошо? Вот деньги, пообедаешь.

Она слушала и точно не слышала меня. Наверняка она думала только об одном: я обманул, я уезжаю, я бросаю её, я не помогу ей...

– Послушай, Варя... ты не думай...

И вдруг сонливость спала с неё, в каком-то отчаянном порыве она, голая, бросилась ко мне, обняла:

– Возьми меня, возьми! – зашептала, заплакала.

В дверь громко постучали.

– Я же сказал: возьму, возьму, – ответил я торопливо, чуя, как жалость перевивается с досадой. – Но сейчас нас никто не должен видеть вместе... – тоже на шёпот перешёл и я, немного отстраняя её, чтобы идти.

И тут она внимательно, отрезвляюще посмотрела на меня и горько, по-бабьему горько усмехнулась, прикрываясь крест-накрест руками:

– Ты стыдишься меня? Я знаю, стыдишься...

Я что-то пробормотал и вышел. Вот это «стыдишься» и запомнилось мне с невыносимой тоской.

После полудня, как я и обещал, вернулся за ней в гостиницу. У меня даже было неплохое настроение. Во-первых, материал для очерка набрался очень интересный. В сёлах встретились колоритные личности: простые мужики, а как здраво, трезво судят о жизни, о политике, что и как надо сделать, чтобы село встало на ноги, а встанет село – встанет и вся Россия! Давно уже я не чувствовал себя так оптимистично, ведь главное – народ всё понимает, и насчёт реформ никто ничего против не имеет, только с умом надо реформы-то. И землю готовы брать в аренду, но арендатору надо условия создавать. И колхозы не надо крушить, потому что всем вместе легче выдюжить, иначе обростется земля, целиной станет... Словом, очерк должен получиться эмоциональным, животрепещущим. Во-вторых, я чисто случайно, уже ближе к полудню, услышал разговор председателя одного колхоза с главой района. Председатель жаловался, что по сёлам зачастили конокрады и воры колхозного скота: «Приезжают ночью на ферму (сторожей, как правило, либо нет, либо пьяны, а то свяжут, оглушат), грузят прямо живьём – надо же, опыт какой! – по пять, по шесть коров или лошадей – и ищи ветра в поле! Что же такое творится? – возмущался пожилой председатель. – А на дорогах что? Сегодня сын-милиционер (работает в ГАИ в соседнем районе) позвонил мне и как привычную новость сообщил, что на трассе Самара–Москва, похоже, организованная банда опять напала на фургон с коммерческим грузом. Водителей связали, избili (хорошо, оставили в живых), машину загнали в лесочек возле дороги, всё выгрузили и смылись. Между прочим, – продолжал председатель, – бандиты прихватили

с собой и девчонку, то ли шлюху, то ли попутчицу, которая ехала с шофёрами. Чё творится в государстве?! Лет десять назад скажи, что такое будет, глаза бы на лоб вылезли».

Выходит, сестра Вари, – догадался я, – как её?.. Руся, выходит, жива, но найти её теперь будет сложно... Во всяком случае, надежда и зацепка есть. Скользнула мысль и про Яна: не обратиться ли насчёт поиска Руси к нему? Нет, лучше подождать. Впрочем, видно будет. Сначала надо куда-то пристроить Варю и пока ничего ей не говорить про сестру.

Однако в гостинице, куда я тотчас пришёл после обеда, меня ждало неприятное известие. Хозяйка-чеченка на мой вопрос, где девушка из моего номера, настороженно улыбнулась и ответила: «За дэвушку надо платить, молодой человек». «Что?! – Я покраснел от стыда и обиды, граничащей с гневом. – Я спрашиваю, где она?!» «Уехала», – небрежно ответила чеченка. «Куда?» – «Нэ знаю, нэ знаю». – «Она ничего не передала мне?» – «Нэт, нэт, ничего».

Всю дорогу до Сурграда я ехал с чувством предательства, и не только предательства этой несчастной девчонки, но и жены, и чего-то ещё. «Сволоочь, паскуда!» – клеймил я себя, слегка массируя рукой под сердцем, потому что в сердце чуть покалывало, точно кто-то ледяной сосулькой касался его. И в то же время чувствовал я маленькое, малюсенькое облегчение, что теперь мне не придётся заниматься судьбой сомнительных сестёр. О, знал бы я!..

Глава 27

ШАЛОВЛИВЫЕ РАССКАЗЫ

– Ну, корешок, валяй, твоя очередь, – приступили ко мне.

– Сейчас, – с вызовом ответил я: ни с того ни с сего вспомнилась мне не столь забавная, сколько жуткая история, произошедшая со мной несколько лет назад, так напугавшая меня и весьма вразумившая. Но потом я забыл про неё... словом... – Словом, вот что со мной приключилось один раз... – начал я.

«Не рассказывай, не рассказывай!» – взмолился Ангел, но я закусил удила.

– История моя называется «Рука Ангела».

– Как, как?! – переспросил косорылый с явным удивлением, да и все насторожились.

– «Рука Ангела», – с вызовом повторил я. – Так вот, вселился я в одного музыканта. Лет этак сорок ему было. Как говорится, седина туды, а мы сюды. Так вот, вселившись в музыканта, я большую часть его эротической силы обратил на поклонниц, благо, их было предостаточно. Да и, понятное дело, для художественной натуры перманентная влюбчивость – как водная среда для обитания рыб.

И вот однажды пригласили нас (мой дух к тому времени в сильной степени овладел его душой, ну прямо-таки шва не видно: двое суть одно!), значит, на каку-то вечеринку, кажется, на новоселье. Пили, шутили, веселились. Разумеется, сразу же положили мы глаз на одну из присутствующих дамочек и стали исподволь обхаживать её. Тем более что муж нашей избранницы, изрядно опьяневший, на нас, то бишь на неё, не обращал никакого внимания, всё больше на рюмку да на рюмку. Пора действовать. Не пропадать же добру?

И вот, сцепивши пальцы запыхавших рук, пустились мы искать кратковременное гнёздышко. Это была окраина города, буйно покрытая новостройками. Наконец мы достигли приюта, где должна была совершиться очередная моя победа – о, сколько уже костяшек на моих счётах откинул я вправо! Это всё должки за моим подопечным, за которые уже пора было расплачиваться. И у меня созрел грандиозный замысел.

От нетерпения мой приятель уже хотел овладеть женщиной прямо в подъезде. Но я, высунувшись из его души, успел шепнуть женской душонке, а она, приняв мой шёпот за свои мысли, тотчас шепнула ему: «Ой, мне стыдно здесь, вдруг кто пройдёт мимо и увидит». «Да кто увидит? Смотри, какая темь кругом», – горел мой подопечный желанием. «Ой нет, давай поднимемся повыше». Хотя и в самом деле, какой чёрт в это время и в этом месте мог увидеть их?! Но я дал ей квазиустановку на стыд, и этот лжестыд должен был исполнить мой коварный замысел. И вот теперь тащил дурёху за собой, и она не сопротивлялась: вот уже и четвёртый, и пятый, скоро, наверное, и последний этаж... А шли-то в кромешной тьме. Он осторожно этак нащупывает ногой ступеньку за ступенькой, свободной рукой ведя по стенке... по стенке... чуть вправо... И вдруг!... Вдруг стенка как бы обрывается под его рукой, но он ещё не соображает что к чему (а я-то уже знаю и ликую!), заносит он ногу на следующую как бы ступеньку... Вернее, уже стоит на очередной лестничной площадке и рукой, потерявшей стенку, пытается нащупать её... Делает шаг в сторону, делает другой и уже, было, третий... Вдруг с ужасом чувствует, что теряет равновесие, падает, проваливается!.. И я уже готов был выпрыгнуть к чертям собачьим из него, чтоб вместе с ним не грохнуться... Но что за чёрт?! В тот же миг чую, то есть чуем, как чья-то сильная, огромная, горячая как огонь ладонь упёрлась нам в грудь, то есть моему забуддыге, и остановила, чёрт возьми, падение! Именно рука, именно ладонь, сильная, мощная! По правде, про ладонь-то подумалось потом, сразу-то не врубился. Но назад отпрянули и он, и я, то есть я вместе с ним. Он-то сперва подумал: сетка, что ли, натянута какая? А мне и вообще не до чего: одно желание – погубить забуддыгу! И вот по инерции и по-моему упрямому желанию погубить его я заставил опять шагнуть музыканта вперёд... Но та же невидимая, даже мне невидимая сила оттолкнула уже падающее тело назад! Пот прошиб лицо греховодника, и мурашки пошли у нас по телу. Я и сам-то теперь вдруг перетрухнул и притаился, как бы догадавшись, кто и что это. А у моего подопечного, как ни странно, взыграло какое-то патологическое любопытство, хотя страх и шевельнул ему волосы. Выпустил он руку своей подружки, вынул дрожащими руками из кармана спички, чиркнул – о, ужас! Спичка вывалилась у него из рук и полетела вниз. Да, да, он стоял на обрывающемся краю лестничной площадки (куда я его специально и завлёл), а внизу зияла пятиэтажная пустота! Ещё бы шаг, один только шаг – и от него и его подружки не осталось бы и мокрого места. То есть как раз мокрое место и осталось бы.

«Господи!» – пронеслось у него в уме, и это слово как огнём обожгло меня, пулей я выскочил из его души и тела. Тут и до меня дошло: это же была рука его Ангела-хранителя, который от обиды, что музыкант так легко впустил меня в душу, с некоторых пор стал держаться от нас на приличном расстоянии. А тут вдруг – нате, встрял. Впрочем, господа, признаюсь честно, я струсил.

А мой подопечный не помня себя вскочил и ринулся по лестнице со всех ног вниз, падая, кувыркаясь в кромешной тьме. На каком-то этаже, больно

ударившись обо что-то, очнулся от страха, вспомнил про оставленную им женщину, бросился опять наверх. Она тоже уже спускалась.

На улице он всё никак не мог вытащить сигарету из пачки: руки дрожат, спички ломаются. А я неподалёку притаился, наблюдаю за ними, побаиваюсь, как бы не появился опять Ангел-то-хранитель. Нет, вроде не видно. Должно быть, дело своё сделал, спас этих двух блудодеев и сердито улетел, куда не знаю. А мне того и надо. Подружка рядом с музыкантом стоит и, сама не зная почему, вздрагивает, прихныкивает. Наконец вижу: он-то кое-как закурил, затянулся аж до самого немогу, вспомнил про бутылку вина, чудом уцелевшую во внутреннем кармане куртки, несмотря на кувыркания, вынул, приложился к горлышку, высосавши зараз половину. Дал глотнуть и ей. Ну, немного успокоились. Слышу, рассказывает ей про руку Ангела-хранителя и про разверзшуюся бездну под ними.

Но я не дорассказал, господа, про моего музыканта. На следующий день поехал он к вчерашним новосёлам за своим инструментом, за аккордеоном. Проходит мимо той самой новостройки, при этом чувствуя мистическую неприязнь и вместе с тем влечение... Словом, возьми и загляни он в тот самый дом: удостовериться хотел, что не по пьянке ему всё это примстилось. Поднялся на последний этаж-то и ещё больше ужаснулся: на площадке, чуть левее лестничной, шаг-два в сторону, зияла шахта-колодец для будущего лифта, истинная пропасть, на дне которой валялись кирпичи, обрезки труб, секции батарей. Шёл монтаж отопительной и газовой систем, а вы знаете, какой у нас бардак и бесхозность, а главное – безответственность, никаких ограждений, предупреждений, никакой техники безопасности!

И вот когда музыкант созерцал бездну, я и хотел было прямо среди бела дня подтолкнуть его, мол, самоубийство – и баста. Но тут он, чёрт его побери, возьми и вымолви опять: «Господи!» – и перекрестился. Ну, тут сами понимаете, мне ничего не оставалось делать, как срочным образом ретироваться, а проще говоря, дать дёру, потому что вижу, со всех крыл несётся к нему дух бесстрашный, Ангел-хранитель. Вот и вся недолга, господа. Не правда ли, смешно, коллеги?

Но никто из чертей не засмеялся. Более того, все как-то разом протрезвели и подобрались.

– Это, молодой человек, вовсе не смешно, – сказал старшой и медленно стал подниматься.

И все настороженно вслед за ним. А бес-старикашка вдруг тихонько уменьшился в размерах до самого настоящего махонького тушканчика, незаметно нырнул в канавку, выдолбленную чертями, когда те плясали под гармонь Ангела, и, точно ниндзя под землёй, быстро-быстро пополз за спину Ангела, оставляя над собой чуть заметную бровку. Теперь я почувал, что дело принимает серьёзный оборот.

Глава 28

ДРАКА. АНГЕЛ-РАССТРИГА. ЗОНА РЕЗЕРВАЦИЙ. ВЕРЕСЕНЬ

– Берегись, Ангеле! – крикнул я и сам двойным ударом, с правой и левой, въехал в козлиную челюсть ближайшему чертяке и смахнул его, как муху со стекла.

И Ангел, девятый по чину, по моему окрику юлой крутанувшись на месте, тоже, точно саблей свистнув, вдарил наотмашь ребром ладони и угодил как раз по кадыку выскочившему из-под земли старикашке, и рухнул старый демон, как подрубленный сучок, чёрным дымом взвилась его душа (если только была она у него – или это показалось мне?). Но вот уже навалились и на меня скопом сразу трое... Но выскользнул я, бабочкой порхнув возле костра, как, бывало, в дикой юности порхал по рингу. И ещё смахнул одного тёмноликого. Однако крепко обхватил меня сзади поперёк туловища сам старшой и стиснул бульдожьей хваткой жилистыми лапищами, и оторвал от земли, и принялся бодать железным лбом прямо в затылок мне. И как ни вырывался я, как ни извивался, как ни дрыгал ногами в воздухе, тут бы и конец мне, потому что Ангел, сражаясь с другими, никак не мог прийти мне на помощь, да и был он без оружия, а у чертей вдруг, откуда ни возмись, появились в руках и ножи, и заточки – известное дело, шпана, разбойники, сыны тьмы. Но молнией Ангел ходил между ними, разя то того, то другого: как вжикнет крылатой рукой – так и улочка, как свистнет другой – переулочек. Уже пробивался он на помощь мне, уж вот-вот достал бы неотразимым ударом и старшого, как вдруг завыли – ещё отдалённо, но ближе, всё ближе – сирены: это патрульные машины неслись на подмогу демонам, видно, кто-то из чертей успел просигналить им.

Но тут сам Ангел осенил святым крестом поле битвы – размашисто и величественно, как и подобает сынам Света. Разом взвыли бесы, брызнули в разные стороны, как испуганные поросята, выронили из рук оружие. А у старшого вмиг ослабли клешни, разъялись объятия, точно ослеплённый сверхвспышкой, схватился он за глаза, рухнул наземь и втянул в ужасе башку свою в мохнатые плечищи.

– За мной! – подал команду Ангел, последний из триады, и бросился к стоявшей возле кустов патрульной «тарелке».

Одним гигантским прыжком вскочил в неё, я – за ним.

Ключи оказались на месте. Миг – и «тарелка» взмыла в бездонное серое небо «нейтралки».

– Ангеле, – спросил я, глядя на топоэкрэн, – а что означает, что вся зона-кольцо под нами разбита на цветные круги-полоски: тёмно-серая, фиолетовая, сиреневая, затем синяя, голубая, узенькая зелёная и заканчивается золотой, апельсиновой и огненно-красной?

– Это тоже «оригинальное изобретение» демонов, на самом деле украденное из коллективного воображения народа, – ответил Ангел, включая режим автопилота. – Зона своеобразных резерваций. Но в действительности тут полное безлюдье: что-то у демонов не задалось со строительством этой цветастой резервации, и сейчас здесь – ни души. А ведь планировалось – разумеется, с дальней выгодой для себя – в этих кругах поселить души всех, кто не удостоился бы чести оказаться в раю, но и не заслужил адских узилищ. В тёмно-серой – это была бы огромная армия тех, кто был добрым, мужественным, трудолюбивым и даже правоверным. Но судьба их обделила жаждой самолично создавать красоту. Даже имея склонность и способность к творчеству, они либо лежали всю жизнь на этом самом творческом боку, не пошевеливши пальцем, чтобы преукрасить Богом созданный мир, либо предпочитали покупать красоту у других. О, если бы хоть один из них по зову души нарисовал хотя бы неумелый узор на причелинах дома своего или вырезал и поставил на гребне крыши разрисованного коника или петушка – и быть тому в раю! Но они погасили в себе искру Божью, и удел их – ждать Страшного суда в тоскливом томлении духа. Они должны здесь спать

серыми, тревожными снами или ходить как сомнамбулы. Помнишь сказанное: «Блаженны миротворцы»? – это, по иному толкованию, не про них.

Прямо под ними, но в глубинах адской конструкции, должны быть заключены те, кто изменил своему призванию, зарыл данный Богом талант ради корысти, сиюминутной выгоды, и он проржавел. Эта ржавчина и будет выгодой для бесов при определении посмертной участи несчастных. Ну, выдумщики!

Здесь же, в тёмно-серой зоне, но в бодром состоянии духа содержались бы тоже многие из тех, кто сам не сочинил ни единой художественной строчки, не написал ни одного хоть мало-мало даровитого пейзажа, скромного лубка или примитивной картинки, но зато любил красоту человеческих рук, ума, души и положил жизнь и все сокровища свои на сохранение и преумножение красоты в мире. Тут могли бы оказаться и те, кто создавал картинные галереи, строил дворцы и храмы, содержал театры и цирки, благодетельствовал бедным поэтам, художникам и талантливым учёным, облагораживал дикую природу прекрасными садами и парками; кто собирал и хранил библиотеки, от огромных до маленьких домашних. Малая лепта здесь ценилась бы наравне с миллионными, истраченными на великое, на святое дело – на красоту. Истинно: спасёшь малое и возвеличишься до великого!

В сиреневой, фиолетовой зоне ожидали бы своей участи атеисты, но такие, которые воинственно не восставали на Бога, не хулили Его, не принуждали хулить других. Они заблуждались по нечувствию сердца своего. Но они не проливали напрасно кровь ближних, а если и проливали, то свято веруя, что на Земле можно устроить царство справедливости. Это благородные и прекрасные глупцы – они и вправду не подсудны до срока. Здесь мог бы находиться, скажем, один стоический писатель, рождённый революционной бурей, на книге которого воспитывались ваши герои. «Честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой!» – это про таких сказано. Но рая, дескать, они не заслужили – здесь дожидались бы своей участи.

В зелёном круге предполагалось содержать правоверных магометан, не запятнавших свои руки ни кровью, ни мздоимством, ни жестокостью. Они берегли свои души от всего, что противно Богу, которому поклонялись. Им тут было бы хорошо среди многочисленных поэтов, учёных, правителей, торговых людей, не осквернивших себя грязью мира. Но преимущественно здесь был бы простой люд, ценивший труд, справедливость, любовь и... поэзию. Да, да, горе тому, кто не любит при жизни песен и стихов, и если не поёт, не читает, то хотя бы слушать научись!

На самом краю зелёной страны примостились бы те, кто исповедовал древний закон Иудеи. О нет, не те, кто презирал или ненавидел гоев, и не те, кто создавал химерические учения против Господа, тем самым соблазняя многих и многих. Их мало, правоверных печальников, и в конце времён будет ещё меньше. Но, говорят, после Суда и оправдания это малое племя будет взято на небо, где царствуют их праотцы, начиная с Авраама и заканчивая последним из древних – Симеоном Богоприимцем. Хранителям ветхозаветных традиций и веры недостаёт лишь малого: уверовать в Спасителя. Но для иных малое суть неместимое. Потому и здесь, и на земле можно узнать этих людей по тихой печали в глазах. Умей отличать оных от гордых и злых их соплеменников. Но никогда не разжигай себя в спорах ни с теми, ни с другими: первых, печальных, но упорных, не переубедишь; от вторых пострадаешь, но страх из души гони!

Синюю долину нуль-пространства намечалось заселить сознательными язычниками, религиозные доктрины которых славят красоту и высокую

нравственность. Но они не знают или не признают Единого Бога, Творца, или же признают и признавали так, что вам, современным, кажется, будто не признавали и не признают. Ум древних язычников-монотеистов был затемнён грехопадением предков и инспирациями тёмных сил, а на ум современных людей ко всему прочему накладывается невежество – гордынное нежелание знать глубинные основы и богословские нюансы истинной Веры.

В синей долине, в глубинных пространствах находилось бы великое множество древних русов-славян и их прародичей, которые, хотя и были язычниками, с точки зрения большинства ваших религиоведов, но на самом деле поклонялись, во всяком случае, чувствовали-помнили Первобога, Первотворца, даже трипостасное Его величие. В самом деле, не бесы же водили этих славных язычников от края до края вселенной, помогали населять, украшать и одухотворять землю?!

– Ангеле, Ангеле! – воскликнул я (кстати, почему-то я чувствовал лёгкое головокружение). – Значит, я всё-таки был вождём ариев-русов в те далёкие времена?

– Я же говорил тебе, что всё это чушь, ни в каких других телах ты не был! – немного с досадой ответил Ангел. – Придётся повозиться с тобой, Кауров. Дело в том, что там, – кивнул вверх, – какие-то отморозки-сатанисты накачали тебя то ли злым вином, то ли наркотиками, очевидно, в целях эксперимента ритуального характера, но дежурные ангелы, в отсутствие твоего Хранителя, помешали им довести дело до конца. Однако ты успел войти в состояние мистического усыпления, и демон Яган со своей сворой похитил твою душу. (Думаю, всё-таки это было спланировано.) А здесь уже Харут провёл с тобой пси-обработку и, оказывается, заблокировал канал, соединяющий квантовые структуры некоторых важных частей мозга. (Я в прошлый раз этого не заметил.) Эту блокировку можно снять и изгладить из памяти всю внушённую тебе лжеинформацию. Но будет очень болезненно, ты потеряешь много энергии, а она тебе ещё понадобится. О, дьяволы! Они воспользовались квантовым полем твоего подсознания, сняли информацию, бессистемно усвоенную тобой из различных новомодных книг, брошюр, газетных статей и теле-, видеопередач оккультно-ложного характера, и преобразовали всё это с помощью твоего же поэтического мышления в яркие художественные образы: русы, исход, Заполярье, Атлантида, Гиперборея, демиурги, монады, космические Иерархи, какая-то мифическая Лилит, генно-инженерный Адам – невообразимо эклектическая бредятина!

– Как же так, Ангеле? – опять упёрся я. – Разве я не был ни воином, ни поэтом, ни монахом... ни ассистентом учёного-генетика?.. – добавил с осторожным недоверием.

– И ассистентом товарища Язо, или Язона – как там его? – тоже не был, – спокойно ответил Ангел. – Чушь собачья, и больше ничего.

– А как же планета Алых Бурь?

– Нет и не было никакой планеты Алых Бурь. Демон Харут и здесь воспользовался низшим уровнем твоего образного мышления – иронией, сарказмом, склонностью к пародийности (кстати, гениальность не поддаётся пародийности, ты знаешь об этом?), воспользовался твоей раздражительностью, гордыней ума, склонностью к властолюбию и жажде славы, почестей. В великолепной галлюцинации он разыграл в твоём воображении пародию на вашу историю, на полуверие ваше и даже использовал апокалипсическое умонастроение, столь свойственное вам, русским. Нет, право, демонам не откажешь в уме и художественной аранжировке человеческого воображения. Ай да Харут! Ай да Марутыч! Вы посмотрите, он же избрал

самый надёжный приём: как можно больше правды и истины – целую бочку истины! – но в эту бочку подлить маленьких две-три ложки дёгтя! Даже и не дёгтя, а яду! Да в этом он и сам нагло признавался. И получается, что истина его художественно достоверна, но тонко пропитана смертельной отравой лжи – гениально! Ажеединство добра и зла! Однако прочь всю эту дурь! – воскликнул грозно. – Я сотру её из твоей памяти! Только потерпи немного.

И занёс руку-сканер над моей головой. Но я решительным жестом отклонил его намерение.

– Не надо, Ангеле. Пусть всё останется в моей памяти.

– Как?! – возмутился тот. – Да знаешь ли ты, что всё сейчас происходящее с тобой случилось из-за этой лжи? Они же, демоны, и выбирают таких, накачавших себя не только вином, блудом, страстями, но и лжезнаниями, приобретёнными из еретических и псевдонаучных книг, за чтение которых требуется, между прочим, церковное покаяние. Позволь, я изглажу всё это из твоей памяти!

– Не надо! – твёрдо ответил я, и не потому, что жаль расставаться с этими сказками про мои прошлые «воплощения», а потому, что я хочу, чтобы мой опыт остался достоверным.

– Г-мы... ты полагаешь, что опыт есть критерий истины? – спросил Ангел. – Но что такое опыт? Где он начинается и где заканчивается?

– Всё равно не надо кастрировать мою память, – ещё твёрже возразил я, – сам сознательно отделил плевел от зёрен.

– Опять сам-с-усам?

– Нет, нет, Ангеле, я не из-за гордыни. Я покаюсь... и буду молить Бога... Но я хочу, чтобы память моя осталась цельной. Я хочу рассказать это другим, чтобы знали про ложь. Я же писатель!

– О! – одобрил Ангел жар моего желания.

Он слышит голос не мальчика, но мужа. Что ж, быть по сему!

И Ангел признался, что, предлагая изгладить из моей памяти все демонические наваждения, он, собственно, всего лишь испытывал меня.

– Скажи, Ангеле, – притихший, спросил я, – а что хотел внушить мне доктор Филл видением на планете Алых Бурь маленькой девочки среди киборгов-вурдалаков? Она ещё вот так ручки держала... – И я скрестил косым крестом руки на груди.

Ангел усмехнулся с добродушным видом:

– Видишь ли, в художественных образах порой даже демонам открывается истина, но они высокомерно игнорируют её или намеренно искажают, затемняют. Что же касается образа девочки... Созданный твоим воображением и не стёртый Харутом с экрана твоей души образ как раз и свидетельствует о скудоумии самоуверенных бесов. Малышка среди ублюдков-вурдалаков – это древне-девственная душа России, не тронутая вселенским злом, душа, которая давно уже под покровом Божьей Матери. Да, да, Кауров, молитва её услышится и уже услышалась на небесах. И, как ни клацают бесы жёлтыми клыками, им не укусить эту душу, ибо она невидима и недоступна им вовек. Знай это, помни, верь и расскажи другим. Мир рухнет, а душа России уцелеет! И кто хоть краешек увидит её, уцепится как за спасительную соломинку, тот и спасётся. Пречистая Мать выведет Русь из полона ублюдочного времени.

Не обижайся, Кауров. Мир держится на любви. Это доброе вино, но от него же, от вина любви, мир и гибнет, когда оно обращается в укус похоти. Ты и это запомни. А что до стран и путешествий – ну так добрые же

мечты! Господь бережёт и благословляет путешествующих, ибо они познают и восхищаются разнообразием Его творения. Будь уверен, для тебя ещё настанет время увидеть и моря, и страны, и народы всех рас и цветов и написать об этом прекрасные стихи. Ведь ты поэт, Кауров! – воскликнул Ангел, но тут же задумался и как бы опечалился. – Но беда с вами, с поэтами. Я вот по милости одного забуддыги... Хотя поэт-то преславный – истинный златоуст! – а вот поди ж ты, по милости этого златоуста вот уже весь этот век именуюсь среди духов Ангелом-расстригой. Да, да, Ангел-расстрига. Хотя, уверяю, никто меня отнюдь не расстригал, скорее, это подлое наушничество моих недругов, да у нас и нет такого правила – расстригать – с тех самых пор, как одни восстали и превратились по воле Божьей в чёрных демонов – аггелов, а другие навеки остались верны Ему, в том числе и ваш покорный слуга. Говорю это с достоинством и даже, извольте, гордостью, – улыбнулся Ангел девятый по чину из последней триады. – И теперешнюю трудную службу свою почитаю за честь. Да-с, за честь! – Последние слова он произнёс, как показалось мне, и вправду больше, чем с достоинством. Но крайне заинтересовало меня другое.

– Простите, Ангеле, это вы про кого?

– Да про Вересеня. Разве ты не догадался? Любимый же твой поэт. Это мы меж собой прозвали его Вересенем, а попутчики его славы и другими именами называли его. Но Вересень, кажется, лучше.

– Ах, вон оно что, – тотчас почему-то догадался я, о ком пойдёт речь. – Простите, Ангеле, но я не понял, почему по милости Вересеня вы стали «расстригой»?

Тот некоторое время молчал, делая вид, что всматривается в контрольные приборы. Потом стал рассказывать историю, достойную поэтического пера. Вот она.

Загнанный и уставший растрчивать себя в скандалах революционной бури, златоуст Вересень якобы свёл счёты с жизнью, или помогли ему крошечники с Лубянки – доподлинно никому неизвестно, да и Ангел на мой вопрос об этом как-то однозначно не высказался; официальная версия – самоубийство. А грех этот один из самых-самых тяжких. И вот, когда он готовился к этому, невидимые демоны в нетерпении уже заполнили весь дом, так что Ангелам Света не было никакой возможности что-либо предпринять для его спасения. Теснимые и гонимые их тьмой, приютились они кто в прихожей, кто на антресолях. Чернявых же, сильных и тёмных духов бедный златоуст впустил не только в рукотворное своё жилище, но и в хранилище своей души. Впустил через расщелившееся низкое сознание своё, а также сугубо по каналам поэзии. Да будет известно, что слова, энергически исходящие из души, с той же силой в неё и возвращаются, неся на лептонных крылышках своих либо недругов Света, либо врагов тьмы.

И вот после случившегося душа его тотчас повлеклась по кругам истязаний. Началась тяжба. Духи тьмы предъявляли убедительные доказательства на право владеть ей в своём дьявольском вертепе. Но и Ангелы Света ревностно оспаривали их, казалось бы, законные требования. Но многое, очень многое указывало на смертные грехи несчастной души. Оспаривали же Ангелы прежде всего одним важнейшим аргументом: они предъявляли изреченные чистым золотом стихи поэта. Даже демоны не могли охаять сияние их и, не терпя, закрывались грязными лапами, когда кто-либо из Ангелов

предъявлял золотые глаголы. Но когда нечестивцы немного попривыкли к несказанной красоте вересеневской поэзии и поднаторели по части критиканства, самые ловкие из них сумели поставить дело так, что божественно-золотые глаголы поэта могли показаться несколько огненно-языческими – а это уже якобы хула на Святого Духа, даровавшего поэту свой несказанный свет. Словом, скоро в споре произошёл перелом, и Ангелы в борьбе за душу потерпели фиаско, демоны добились сурового наказания Вересеня, и несчастная душа поэта оказалась в смрадно-отхожих местах преисподней, в кентавровых конюшнях. О, как мудровали, как измывались они над ним, эти нелюди! И как грустили небожители, проигравшие спор кознодеям.

Но больше всех скорбел о златоустом певце Ангел, его Хранитель, тот самый девятый по чину из последней триады. Он безмерно любил стихи Вересеня, способствовал (отчасти на беду) вящей его славе и всячески оберегал бедовую его головушку. Ах, не уберёт, не уберёт! Но именно он горячее всех не уступал его душеньку чернокрылым врагам. Увы, увy. И теперь, зная горький удел осуждённых в аду, он мучился и казнил себя: не уберёт златокудрого, не уберёт, златогласого!..

Но случилось однажды лютой зимой сопровождать ему Пречистую Деву Марию по горестной русской земле. Шла Матушка-Заступница (дело было к вечеру), шла невидимой поступью среди морозной, жестоковыйной Москвы и увидела Она голодных, заиндевельх пташечек, что на Тверском бульваре с трудом перепархивали с кустика на кустик, со скамейки на скамейку в надежде, что хоть кто-то кинет им, несчастным, крошки хлеба. Но не находилось таких как среди нэпманов-москвичей, закутанных в шубы и поджидающих распутных девиц, чтоб вести их в весёлые да огнистые рестораны, так и среди оголодавшей и ожесточившейся бедноты, не находилось милостивых и добрых людей.

– Ах, бедные мои птахи! – всплеснула руками Пречистая, она же Царица неба и земли и всем тварям высшая Заступница. – Неужели и всегда таков был род человеческий, бессердечный и нежалостливый?

– Нет, нет, Матушка, – возразила одна из малых пташек, – в прошлые зимы, когда гремели оружейные громы, а с пропитанием нам было ещё хуже, сюда захаживал один поэт с голубино-чистыми, как ваш рушничок, Матушка, глазами. Он и сам не прытко бывал сыт, но всякий раз приносил из пролетарской столовой, где питался скудно по талонам, горсточку крошек хлеба и кормил нас с белой и горячей руки своей.

– Да кто же этот добрый человек? – удивилась Божья Матерь. – Если жив он – пошли ему, Господи, доброго здоровья и душе спасенье за малых сих! Если умер – всели его, Господи, в Царство Небесное!

Как только изрекла Пресветлая словеса эти, как в тот же миг Ангел девятый по чину из последней триады, ходивший по заснеженной падшей Москве след в след за Ней, златоукрашенной, крине-чистой Невестой Архитектонна небесного, ринулся обрадованно во глубины преисподние, выхватил златоглавого поэта из адовых урочищ, переполошил всё чернокрылое воинство и вынес, бесталанного, прямо к святоузрочатым вратам рая. Но апостол Пётр, что с ключами у ворот стоял, старец почтенный и рассудительный (возраст давно приостудил его прежний пыл), много на веку своём повидавший, выслушал сумбурный рассказ Ангела, обожжённым крылом утешающего бедного поэта, оглядел требовательно обоих и кого следует тотчас послал с докладом ко Господу: такой, мол, прецедент случился – что делать, Владыка?

А тут и Заступница сама к раю подошла, с грешной земли возвращалась, за пазухой согревая тверских пташечек. Видит, распря между апостолом Петром и Ангелом, прикрывающим опалённым крылом какого-то жалкого бродягу.

– Что тут у вас такое? – спрашивает.

А вот какие дела, Матерь Божия, поклонившись низко, докладывает Ей Пётр, указуя на Ангела и измученную душу поэта. Выслушала Пречистая и тихоньким шёпотом спрашивает пташек за пазухой: тот ли это человек, что кормил их с руки в голодные зимы? «Тот, тот, Матушка, – выглянувши, живо отвечают пташки, – только тогда он молодой и красивый был, чуб у него как спелое поле золотился».

Обратилась тогда Пресветлая к самому страдальцу:

– За что же тебя, молодца, – спрашивает как бы строго, а на самом деле с жалостливым участием, – в темнины преисподние определили?

– Грешен, Матушка, – не поднимая головы, тихо-тихо ответил поэт. (А на голове-то опалённый колтун: это когда через пекло, через огонь-то геенский Ангел нёс его, оба опалились.)

– Али нет у тебя никаких оправданий?

– Нет, Матушка, – ещё тише сказал тот. – Как оправдаюсь? Грешен весь, живого места нету.

И чувствует Заступница, не страх, а стыд обуял молодца, не смеет он и чуток глаза приподнять.

– Да неужто ничего доброго не сделал в жизни, детинушка?

– Ничего!.. – прошептал ответчик и пластом упал перед Вопросавшей, обливаясь слезами.

– Слышала Я, ты стихи писал чистым золотом... – не спросила, а задумчиво сказала Матерь Божья.

– Стихи писал, но за золото не ручаюсь...

– А ещё слышала Я, будто птиц ты кормил в суровые зимы?

– Птиц кормил... – тише вечерней воды в летнюю чистую пору признался изнемогший в неволе и тоске человек.

– Мила вина Мне твоя, и стихи Я твои читала.

Улыбнулась Заступница и уж было хотела сказать: «Отворяй, Пётр, смелей ворота, да ведите его в рай, Херувимы», и, конечно, не воспротивился бы Апостол, и обрадовались бы небожители ещё одной спасённой душе, но тут появился Вестник от самого Господа. Приблизился к порогу, со стороны-то рая, при виде светлой Госпожи тоже низко-низко поклонился Ей. Однако, не слышавши состоявшегося тут разговора, известил постановление Всевышнего. Первое: за то, что поспешил Ангел девятый по чину из последней триады без доклада ко Господу вломиться в жилище дьяволов с целью высвобождения осуждённого на муки поэта, за которого хотя и помолилась сама Благословенная в женах, тем не менее велеть этому Ангелу покинуть на целых сто лет небеса и ходить по грешной земле, милостиво доглядывая за талантливыми поэтами-бунтарями и бражниками. Второе: впредь дозволяется вышеназванному герою и послушнику проникать в глубины преисподние в исключительных случаях – именно с целью вызволения незаконно похищенных его подопечных. И третье: в память о героическом поступке оставить Ангелу девятому по чину из последней триады на целых сто лет крылья слегка опалёнными. Вызволенного же из адовых глубин поэта привести в должный порядок и поселить близ рая, в секторе Золотого Забвения, если того поэт пожелает, разъяснив ему его права и обязанности в местах проживания (упокоения).

Огорчилась Заступница, услышав слова Вестника. Да что поделаешь? Значит, быть тому.

– И благословила меня Пречистая, – рассказывал Ангел, по прозвищу соратников, Расстрига, – и сошёл я на Землю, и вот уже много десятков лет хожу невидимый как Ангел и видимый как странный человек среди людей, опекаю горестное племя, именуемое поэтами. Не всех, но многих спасал.

Лик Ангела пылал золотым пламенем. Но где, когда я уже видел этот лик? Без пламени, но видел, видел!..

– Ангеле, – с изумлением спросил я, глядя на своего спасителя и проводника из страны, пугающей воображение, – это же вы были тогда, в общежитии НИИ? Правда же?

– Да, был такой эпизод в нашей с тобой биографии, – скупно улыбнулся пилот за штурвалом угнанной у демонов «летающей тарелки».

Лицо его перестало пылать чудесным огнём, приняло благородный вид прекрасного мужчины средних лет.

Видел, точно видел я это лицо! И всё в один миг всплыло в моей памяти.

Глава 29

СИНЕНЬКИЙ БЕРЕТИК

Я жил тогда в общежитской комнатёнке на двоих, хотя фактически один. Была зима. Точнее, первые дни января, праздничные. А началось-то всё в предновогодние.

Сперва в короткий предпраздничный день отметили Новый год в самом НИИ застольно с негласного благословения начальства (антиалкогольная кампания значительно сдала свои позиции; не всё, но многое вернулось на свои места). Пили сэкономленный на этот случай институтский спирт, первоначально предназначенный, разумеется, для технических нужд, но ценный знатоками выше, чем прикупленные вдобавок водка (мужикам) и вино (для женщин).

Говорились тосты. Дружно выпивали. И дружно закусывали. Закусывали традиционно по-русски – домашней снедью, с любовью впрок заготовленной и принесённой хозяйками на общий трапезный стол. Тут были и солёные огурчики, и грибы в маринаде, и селёдка, покрапленная золотистым подсолнечным маслом и украшенная серебряными кольцами репчатого лука; конечно же, аппетитно дымила неременная круглая картошка в кастрюлях с того и этого конца единого стола; лепестками ромашек красовалось на блюдах домашнее сало; бледно розовела купленная в складчину докторская колбаса, а то и крапчатый сервелат. Прочие мелочи, как-то: дефицитные шпроты, пахучие апельсины, рассыпчатое печенье, шоколадные конфеты к чаю и прочее, прочее, что в магазинах невозможно было добыть, – каким-то образом тоже присутствовало на столе, ибо всегда где-то у кого-то своевременно находился блат, но об этом вслух не говорили, лишь благодарственно шептались, что пользователю блатом было высшей наградой.

На другой день вечером был бал-маскарад в институтской столовой. Здесь уже столики накрывались на четыре персоны, и в центре каждого стола торчало дефицитное (после разгрома антиалкогольной кампании) «Советское шампанское». Но негласно и тут уважался больше спирт.

Сначала говорились тосты по порядку – от парткома, профкома, от имени руководства НИИ, а потом как попало. Я читал шуточные пародии

на сотрудников, сотрудниц и научно-исследовательские дела и делишки, стоял смех, и начальница весело грозила мне пальчиком. А какая-то внимательная и обильная грудями научная сотрудница вообразила меня заправским поэтом и местным диссидентом, в результате чего после бала я и оказался в полусемейном кругу семейного общужития, где опять пили и пели под гитару Окуджаву, блатные и вульгарно-народные песни типа «Однажды морем я плыла»...

Поздним утром с трудом добрался я до своего логова, благо располагалось оно неподалёку. Но голова горела всё сильнее. Очевидно, у меня начинался жар. И какая-то слабость подкашивала ноги.

В комнате с трудом я переделся в старое спортивное трико. Лёг, укрывшись с головой одеялом.

Тут-то и начался горячечный кошмар. Нескончаемо я куда-то шёл и шёл: километр, два, сто, тысячу... Потом оказался как бы в какой стозвучной синей-синей пустоте. Из этой пустоты исходили голоса и звуки от невидимых, не осязаемых мною книг, от их страниц, слов, букв. К утру я успокоился. Уснул. И вдруг как будто разбудил мягкий, но настойчивый стук в дверь. Я вроде быстро встал, чувствуя, однако, мусть и боль в голове.

– Кто там? – спросил сиплым, простуженным голосом.

– Вам телеграмма, – ответил молодой приятно-кокетливый голосок.

– Какая телеграмма?

– Из книжного издательства.

Из какого такого издательства, подумал я? Вроде ни в какое издательство не отсылал ничего, потому что не решался. Ах, возможно, ответ из журнала «Волга»...

В глухом коридоре, как всегда, было темно и в прихожей моей комнатки тоже. Но я как-то сразу в этой полутьме различил, что передо мной молодая девушка-почтальонша. Очевидно, хорошенькая. А у меня, должно быть, опухшая с похмелья физиономия. Как быть – пригласить пройти в комнату или...

– Вам телеграмма, – повторила она, довольно смело входя в прихожую и протягивая мне листок и какую-то тетрадку. – Распишитесь, пожалуйста.

Я взял только телеграмму и пошёл к столу, заваленному книгами, рукописями и посудой. Остановился в каком-то недоумении, бессмысленно глядя в текст телеграммы. Девушка осталась в полутёмной прихожей, отгороженной от основной клетушки казёнными мятыми шторами, оставшимися в наследство мне от прежних жильцов. Я вспомнил, что почтальонша просила расписаться. Обернувшись, я спросил:

– Где?

– Что? – ответила она из-за шторы.

– Где расписаться? – почему-то уже раздражённо повторил я.

Она приоткрыла шторку и протянула тетрадь. Взгляд мой успел задержаться на её лице: она была и в самом деле молода, румяна с мороза, вязаный ярко-синий беретик очень шёл ей – под цвет мелькнувших бирюзовых глазок. А главное... я где-то давно-давно видел и знал её, только никак не мог вспомнить.

И тут я засуетился. Стал приглашать девушку пройти в комнату. Она с толстой сумкой на груди вошла, с любопытством огляделась.

– Как тесно у вас!

– Да, извините, – стал оправдываться я, – у меня тут... беспорядок, – я чуть не сказал «бардак» и неопределённо повёл рукой над столом, заваленным книгами, рукописями и заставленным чайными бокалами.

– А вы правда писатель? – спросила «синий беретик» воркующим голосом, вовсе как будто не смущаясь тем, что я разлётся как дурак.

– Писатель?.. Да, да, писатель, – торопливо подтвердил я, но тут же ворчливо добавил, что предпочитаю называть себя литератором.

– Почему? – спросила девушка.

– Ну, есть некоторая разница, – поморщился я и потёр лоб, который опять горел как в огне.

– А что вы сейчас пишете? – заинтересовалась она, поглядывая то на меня, распротёртого на постели (я ещё и руки скрестил на груди, как покойник), то на заваленные книгами и бумагами стол, тумбочку, подоконник.

Я ответил, что так, всякую ерунду, которая никому не нужна. При этом мне захотелось, чтобы она возразила, мол, не может быть, чтобы одну только ерунду, ведь кому-то это всё равно нужно, ну хотя бы вот ей очень даже интересно... Но девушка только вздохнула, как бы соглашаясь: да, я пишу никому ненужную ерунду. Сняла сумку, поставила на стул возле стола, взяла со стола забытую и всё ещё не прочитанную мной телеграмму.

– Вот и здесь – то же самое, – сочувственно и как бы виновато сказала она.

– Что, что там написано?! – Я буквально вскочил с кровати и почти выхватил телеграмму у девушки из рук.

– «Уважаемый писатель...» – торжественно начала она, но потупилась и умолкла.

– Чи-чи-читайте, чи-читайте же! – нетерпеливо и почти слёзно потребовал я.

– «Уважаемый писатель, – повторила она уже совсем другим голосом, как бы укоряющим, и во мне всё насторожилось. – Вы написали самую настоящую ерунду...»

И всё обмерло у меня. Захотелось исчезнуть во тьму, во мрак, в небытие... А «синий беретик» продолжала читать и стыдить меня, долго, монотонно, и уже я не понимал ни единого слова, но больно чувствовал одно: меня позорно клеймят, клеймят в присутствии этой хорошенькой девушки её же хорошеньким школьным голоском. Мне хотелось сказать, чтобы она перестала, но губы спеклись, и я не в силах был пошевелить ими. Голова горела...

– Да вы действительно больны! – воскликнула «синий беретик». – А они тут какую-то ерунду пишут!

Она бросила телеграмму, не дочитав, на стол и, живо наклонившись надо мной, прикоснулась пальчиками к моему пылающему лбу. Пальчики были чудесно прохладные с морозной улицы. Какое блаженное прикосновение! У меня навернулись слёзы.

– Вам надо выпить аспирин, – заботливо сказала девушка, чуть поглаживая мой огненный лоб, – у вас жар. Есть у вас какие-нибудь таблетки?

Я покачал головой: нет.

Тогда она сейчас быстренько сходит в аптеку...

– Не уходите... ради Бога, – пересохшими губами еле выговорил я.

– Да я быстренько, я вернусь, я обещаю, не беспокойтесь, здесь недалеко.

Девушка встала. Мне же захотелось заплакать по-настоящему. И я с мольбой протянул к ней руку.

– Пожалуйста, не уходите!

– Да я вернусь, честное слово! – Она взяла мою руку в свою ладошку, накрыла другой, чуть поглаживая. – Вернусь, вернусь, – шептала. – Мы же с вами почти земляки.

– Разве? – через силу улыбнулся я, чувствуя, что смертельно слабею.
– Просто вы меня ещё не знаете. Но мы с вами обязательно познакомимся. В будущем. Ведь вы меня уже любите?

Я молча, со слезами на глазах закивал головой, не находя слов, как я её люблю.

– Я скоро, Илюша, – нежно и ласково сказала она, высвобождая осторожно руку, которую я покрывал поцелуями запёкшихся губ. – Я скоро, скоро. Я даже сумку свою здесь оставляю. Видите? – Она указала глазами на толстую, с газетами почтальонскую сумку, стоявшую на стуле.

И я успокоился и согласно улыбнулся ей. Чувствовал же себя смертельно усталым. И в то же время я как будто бы притворялся. Невольно, но притворялся. И точно: как только «синий беретик» ушла, я тотчас встал. Прошёлся, как зверь в клетке, вокруг стола, искоса бросая взгляд на недочитанную телеграмму.

Вдруг в прихожей, за шторкой, послышалось тактичное покашливание.

– Да входите, входите, – теперь сам с нетерпением позвал я, уже не чувствуя стыда, а одно только желание видеть «синий беретик».

Штора косым углом откинулась, и в комнату, к моему удивлению, в хорошем светло-сером демисезонном пальто и мягкой шляпе, вошёл средних лет мужчина. Снял шляпу, пригладил причёсанные назад густые золотисто-рыжеватые кудри и огляделся. Задержал взгляд на рассыпанной по полу корреспонденции.

– Я пришёл к вам по просьбе девушки в синем беретике, которая только что у вас была, – сказал незнакомец. – Её немного зацепила машина на улице...

У меня при этих словах всё сжалось внутри.

– Да вы не волнуйтесь, всё в порядке, отделалась лёгкой царапиной на мягком месте, – улыбнулся незнакомец, – как говорится, до свадьбы заживёт. Она, знаете, торопилась к вам – молодость, безоглядность, а на дороге скользко... Вот, кстати, лекарства. Настоятельно просила передать.

Златокудрый вынул из кармана пальто несколько упаковок таблеток, положил на краешек стола, где почище и поближе к изголовью кровати.

– Я присяду, с вашего позволения.

Но прежде, чем сесть, незнакомец поискал глазами, куда бы положить шляпу.

– А вы бы хоть представились, – довольно резковато сказал я.

– Вас интересует, кто я? – спросил незнакомец, как показалось мне, с некой грустью. – Да как бы вам сказать?.. – задумался на минутку. – Народное воображение приписывает мне кое-какие подвиги. Но ведь народ – известный выдумщик-фантазёр. По роду занятий я вообще-то наблюдатель за талантливыми литераторами...

«Кагэбэшник!» – мелькнуло у меня в уме.

– ...Нет-нет, я отнюдь не имею отношения к каким-либо учреждениям, тем паче государственным органам, – точно угадав моё подозрение, возразил незнакомец, – однако и нельзя сказать, – продолжал он ровным голосом, – что я действую по частной инициативе. Вам, кстати, надо бы выпить пару таблеток парацетамола. – Распаковал он одну упаковку. – Желательно ещё димедрольчик и одну таблетку анальгинчика. Лежите, лежите, я позабочусь. Водичка там? – указал он через плечо большим пальцем правой руки. – Я принесу вам запить.

Встал и пошёл за шторку, в кухню-прихожую, где слева были раковина и дверь в крошечный туалет, справа – шкафчик для одежды, тумбочка для

посуды; на тумбочке – немытая посуда и на двух огнеупорных кирпичах, принесённых из котельной, электроплитка; между шкафчиком и тумбочкой, равно как и в них, пустые бутылки из-под вина и кефира, которые я смерть как не любил сдавать, а вынести в мусорный ящик всё было некогда да неохота. На всё это и обратил внимание мой загадочный гость.

– М-да... – промямлил он, вернувшись со стаканом воды. – Посуда кишит насекомыми, как советская контора бюрократами. Очень сомневаюсь, что «синенький беретик» этого не заметила. Стыдитесь, молодой человек!

Я и в самом деле почувствовал, что густо покраснел.

– ...А количеству пустых бутылок, – продолжал незнакомец уязвлять меня, – пожалуй, может позавидовать любой уличный забулдыга. Я бы вам посоветовал всё же сдать их и купить... – Он окинул комнату хозяйским взором. – Г-мы... холодильник у вас есть – это из проката? Та-а-ак... уют тоже есть (уют лежал на подоконнике, свесив до пола хвостатый шнур). Электрочайник есть... Ага, телевизора нет. Почему бы вам, сударь, на пустые бутылки не купить телевизор? Впрочем, не надо, не советую, ибо грядёт хаос и хамство, и средства массовой информации станут наипервейшими спешниками их, а уж телевидение, уверяю вас, будет играть самую подлую из подлейших, самую отвратительную из отвратительнейших ролей в искажении действительности, и без того искажённой социалистической белибердой. Но спрашивается: зачем разлагать и умалять социальные и нравственные устои и без того неустойчивого общества? Ответ: значит, кому-то это нужно, как говорил классик. Поэтому умоляю, не покупайте телевизор – этот чёртов ящик умалевичей. «Умалевичей» – это я контаминационно сымпровизировал. А вот мусор, сударь мой, – взглянул под ноги разговаривавшийся гость, – подметать надо регулярно, как чистить рынду на корабле. Мусор в комнате – символ мусора в душе. Один благочестивый старец советовал ежеутренне тщательно выметать келью. С кельи начинается душа, а с души – Россия. Так-то, сударь.

– Вы всё-таки кто такой и что вам надо?

Я попытался нащупать в себе желание встать и всыпать незнакомцу как полагается, но чувствовал себя, с одной стороны, крайне слабым, с другой, незнакомец внушал мне какое-то странное доверие. Более того, захотелось поговорить с ним по-хорошему и расспросить в первую очередь о девушке в синем беретике.

– Не беспокойтесь, всему своё время, – сказал гость и переместился к моему изголовью, предупредительно наклонился ко мне, вложил в руку таблетки, заботливо поддержал мой затылок, когда я покорно приподнялся и проглотил пилюли, помог запить, придерживая стакан. – Вот и хорошо. Сейчас вы уснёте и через три дня будете как огурчик. Лежите, лежите спокойненько. А я ещё минутку посижу и пойду. За сумку, кстати, не беспокойтесь – всё передам в целостности-сохранности. Что же касается объекта вспыхнувших чувств, обещаю вам, скоро вы увидите с «синим беретиком».

– Правда? – спросил я обессиленно и опять, но уже без притворства, почувствовал себя больным, немощным, жалким и страшно одиноким. – Правда, увидишь? – повторил я с какой-то щемяще-сладостной надеждой в больной груди.

– Правда, правда, – подтвердил незнакомец. – Но правда и то, что тут... – он резко кинул гневный взгляд куда-то вверх, под потолок, – тут много всякой нечисти скопилось! Подслушиваете?! – крикнул он кому-то. – Кыш!

И взмахнул крестообразно влево и вправо благородной длиннопалой рукой. При этом рука, показалось мне, вспыхнула на мгновение будто

факел, и тотчас послышались какой-то шорох и шелест. Или это трескались и отставали от стен сверху старые выцветшие шпалеры? Но всё тотчас утихло. Лицо же гостя пылало неизъяснимым светом, и мне от этого света сначала сделалось страшно, а потом хорошо, спокойно и тепло.

– Вы спрашивали, кто я и откуда? – спросил светлоликий гость, немного помолчав. – Могу только подтвердить то, что уже сказал: я имею специальное поручение приглядывать за талантами. Особенно за такими, как вы, которые не в ладах со своей совестью и, соответственно, со своими покровителями. Иные покровители, досадуя на недостойное поведение, если так можно выразиться, своих протеже, иногда даже обращаются за помощью ко мне через высшие инстанции, потому что я по праву имею больше полномочий и возможностей, вплоть до прямого визуального контакта, как в данном случае. Я изъясняюсь несколько витиевато, но наступит час, и вы всё поймёте. Теперь же позвольте откланяться и на прощание сказать: вас ждут большие испытания, сударь мой, ибо талант суть золото, а золото проверяется огнём. А чисто по-человечески... ну что ж, по-человечески... у вас будут и радости, и огорчения, и беды, и всё прочее, что и полагается всякому рождённому и зачатому во грехе. На то она и жизнь.

– А «синий беретик»? – уже через силу, чувствуя, что проваливаюсь в омут забвения, спросил я, не вкладывая в вопрос никакого смысла.

– Уверяю вас, – слышался голос уже невидимого гостя (лишь сиял струйчатый свет на том месте, где сидел он), – уверяю, она будет вашей женой, только берегите её...

«...Ибо жена твоя – душа твоя... рай твой, рай неземной... помни это, помни... помни...» – доносилось то ли откуда-то сверху, то ли из глубины моего сознания. «А если не смогу?» «Ты любишь – значит, должен, ты должен – значит, можешь... можешь... можешь...» – эхом отозвалось в груди.

И я провалился в глубочайший сон. Когда же очнулся, страшно хотелось есть – признак полного выздоровления. Будильник стоял. Брезжил рассвет. На улице шли на работу. Торопливо позавтракав, побежал и я. Но какое было удивление: рабочая неделя уже давно началась, а я, оказывается, проспал!.. Впрочем, никому я про это не сказал: прогулял и прогулял, дело молодое, бывает... Начальник отдела потребовал в письменной форме объяснительную для начальницы КБ, но и та только пожурела меня за прогулы – словом, всё мне сошло с рук.

– Ангеле, ведь это были вы! Я узнал вас! – с радостью сказал я, с восторгом глядя на Ангела за штурвалом «летающей тарелки». Но тут же виновато потупился, потому что в одно мгновение вспомнил всю свою, как мне показалось, никчёмную семейную жизнь, все те огорчения, которые доставлял Рае, поэтому она и ушла от меня... Ангеле, я люблю её, – говорил я не к делу, – я хочу, чтобы она вернулась ко мне. Вернётся, Ангеле?

– Вернётся, вернётся, дружище, – машинально отвечал тот, щёлкая тумблерами на панели управления.

– Правда?!

– Правда, правда.

– Да, я обидел её, – с чувством вины сказал я. – И теперь я не знаю, как всё изменить...

– А иногда лучше ничего не изменять: пусть идёт как идёт – само изменится и куда следует выйдет. Но и не будь беспечным: верь, но и сам

не плошай, – сказал Ангел как бы не всерьёз, однако, увидев, похоже, на моём лице недоумение, поспешил заверить: – Да вернётся, вернётся она. Но то ли ещё будет, – усмехнулся невесело. – Такие, как ты, Илья, нравственный ум обретают лишь в горести и радости, а прошли они – и опять за старое.

– Нет, нет, Ангеле, – горячо возразил я, – я обещаю!..

– А я говорю, не давай зарок, когда у тебя беда, горе или, наоборот, когда слишком уж хорошо. Пройдёт горе, болезнь или радость сумасшедшая – и вновь соблазнишься.

– А как же тогда быть?

– Трудно человеку без помощи Божьей. А вы сплошь гордецы самоуверенные: мы сами, мы сами!.. С усами! – сердито передразнил Ангел. – Чуть почувяли в себе нравственное желание стать лучше – и вот уже горделиво возмыслили усовершенствовать себя до богов. Х-мы!.. не став ещё людьми, захотели стать богами! Мы сами, мы сами!.. А через какое-то время смотришь – и опять свиньи свиньями: пьянство, блуд, сквернословие, мелкое пакостничество, а то и гнусные преступления.

– Со мной это бывает, – уныло согласился я. – Иной раз и хорошего хочу, а не получается, или чего-нибудь плохого не хочу, а смотришь, вышло хуже некуда. – И совсем мрачно добавил: – Я и вправду злой, Ангеле. Одинокий, злой и ничтожный! Я неудачник!

– А чего же другого ожидать было от тебя, столь немощного и худонравного! Комплекс никчёмности таким как раз впору. А где комплекс – там и вражья добыча. Однако успокойся: ты не злой, Кауров, в тебе нежности и света гораздо больше, чем ты думаешь о себе. Но мужайся: о тебе будут всякое плести. А ты не гневайся и, повторяю, не мсти никому. По возможности хулителей обходи стороной, спокойно опустив глаза: пусть думают что хотят. Одинокий, говоришь? Все мы, брат, на земле, как на необитаемом острове, хотя кругом люди. А что до «неудачника»... Знаешь, иногда хорошо разрушить даже надежду, чтобы в безнадежности – не в отчаянии! – обрести новый смысл и новые силы. Ты пройдёшь и это. И вообще помни: не такой уж ты и малочеленный, как частенько мнишь о себе. Да, да, я не оговорился: именно мнишь, потому что самоуничижение – оно ведь тоже от несмирённости. Страдаешь, а не смиряешься – и это плохо. Потому смиришь, Кауров. И, привычно впадая в рефлексию, не ешь своё сердце, не чади, как головня бесполезная. Будь строгим к себе, но будь и проще: упал – встань и иди дальше, помня о Боге. Слишком близко к Нему, без опыта, не подходи – опалишься; и далеко не отлучайся – закоченеешь. Крепко ни о чём не зарекайся, если уж совсем не приспичит, ибо за любой зарок, даже за малое обещание спросится. А с вас, поэтов-писателей, ещё и за талант спросится, по лени, по дури, по обстоятельствам, как иным кажется, нереализованный. Талант не может не реализоваться, Кауров. Умри, а реализуй! В противном случае, либо не было его, либо вина на тебе: пропил, продурил, продал, разбазарил – и не смей оправдываться превратными обстоятельствами! Господь не для того даёт талант, чтобы сгубить его какими-то «обстоятельствами». Испытать – это другое дело. Сверх сил «обстоятельства» не даются – знай это, брат. И никогда никому не завидуй, не сравнивай себя с другими: вот, мол, они чего достигли, а ты ничегошеньки! Помни: у них – своё, у тебя – своё; ихнее большое может оказаться меньше твоего малого. Потому и не завидуй. У завистника и последние крохи таланта отнимутся. Также не услаждай себя мечтами о славе. О славе мечтают только ленивые и бездарные. Талантам, особенно гениям, некогда. Слава их сама найдёт:

одних – чтобы испытать, других – чтобы утешить. А кому не достанется при жизни – значит, во спасение. А мечтателям – горе! Ищущий славы – грешит, а ищущий и не имеющий возможность найти её – грешит вдвое. О, лучше бы ему в действительности насытиться грехами почестей и славолубия, тогда бы он мог и покаяться. В стране же мысленной грехи не знают сыти. Бойся этого, Кауров. И вообще бойся разорить душу свою, сердце своё, храм свой, ибо это Божий храм, бойся: Бог покарает!

Ангел на минуту умолк. Потом сказал, чтобы я пристегнул ремень, появив, что мы выходим на последний виток спирали.

– Молись, чтоб нам повезло, – торопливо сказал он, машинально, но чётко работая с приборами управления.

На топоэкрane навстречу конусу спирали, по которой двигались мы, пульсирующе вспыхнул ещё более огненный вихрь.

– Повторяй за мной! – требовательно воскликнул Ангел и стал быстро читать молитву, я, не успевая и спотыкаясь, – за ним:

– ...О, Господень Михаиле Архангеле, демонов сокрушителю! Запрети всем врагам, борющимся со мною... о шестокрылатый первый Княже и Воеводо Небесных сил, Херувим и Серафим!.. Будь ми помощь во всем... в скорбех, печалех... на распутьях... ускори на помощь мою, и услыши молитву мою, и победи вся, противящиеся... Креста Господня... Пресвятая Богородица... и Мученик... и всех Святых Небесных Сил. Аминь.

Дочитав, Ангел наскоро ещё пояснил, что если всё закончится благополучно, то душа моя воссоединится с телом в том самом месте, где и разлучилась.

– А где это? – с тревогой спросил я.

– Это не столь важно, – отмахнулся Ангел, добавив: – Не в Африке, разумеется. Хотя случаются и казусы. Пристегнись, повторяю!

– Ангеле, – пристёгиваясь, сбивчиво стал говорить я, – у меня ещё... у меня к вам... я должен, я обязан выяснить... про крёстного: где он? Это он был на кладбище?..

– Ах, Кауров, Кауров! Пить надо меньше, тогда и мертвецы не будут мерещиться. Мне не положено отвечать на такие вопросы. Могу лишь одно сказать: раб Божий страдал?

– Страдал, – торопливо ответил я.

– Пред кончиной смирился?

– Смирился.

– Значит, есть надежда...

Он не договорил: на экране два огненных конуса почти коснулись острыми вершинами, как игла в иглу, шаровая молния вспыхнула, и красным заревом заволокло весь экран, а вместе с ним и салон пилотируемой «тарелки», и Ангела, и всё-всё кругом, лишь колокольным звоном донеслось прощальное:

– Помни, помни, Илья... меня... девятого по чину!..

«...Чину ...чину...» – эхом отзывалось в голове.

Глава 30

КУТУЗКА

«9 мая, 1995 г. День Великой Победы. Да уж... праздничек. В доме шаром покати. Ни закусить, ни выпить. Да, собственно, и не хочется. В завязке.

Только вот на душе нехорошо: ни денег, ни работы. В первомайские дни прошёлся было по загородным пролетарским дачам в поисках какой-нибудь строительной работёнки – куда там! Тишина. Совсем обнищал народец.

Вспомнилось: недавно ездил в Чернозелье мать навестить. Проезжая одним полуобезлюдённым селом (а недавно это было шумное, богатое советское село), мельком обратил внимание на памятник Ильичу, что стоит между школой и сельсоветом. Раньше он меня не особенно привлекал – стоит и стоит. А тут – ба! Бетонный постамент весь в трещинах, расщелинах и отколах. Однако сам Ильич всё ещё стоит воодушевлённый. Только вот рукав его пальтишка на левом плече тоже треснул и разъехался: будто была хорошая драка и кто-то рукав этот с треском отодрал ему, но когда утомонились, неугомонный же Ильич тотчас вскарабкался на исковерканный временем распрей постамент и вновь принялся агитировать за счастливую жизнь, не стыдясь ни себя, ни обманутого люда. И отчего-то мне стало жалко его, смешного. Долго ли ему ещё мыкаться-маяться вот на этих, на лобных плахах-постаментях?

Поддень. Рая с сыном ушли к тётке Тае: поздравить с праздником, а если честно – подкормиться. А я вот дома. Один. С утра переделывал рассказ (для конкурса) «Печаль чумного бирюка», про старика – ветерана войны. Под настроение как раз. Ужасно грустно. И спектакль по телевизору какой-то грустный. Тоже про ветеранов. Эх, дорогие наши победители, ни вам, ни нам пожить хоть мало-мальски прилично не дают! А кто не даёт? Да все эти бесы Харуты-Маруты, Яганы-Аmonyчи.

Кстати, что же всё-таки со мной произошло? Что за бред, что за фантазмагория? Я ведь даже Рае про весь этот кошмар так и не рассказал добром – шуточками-намёками отделался. Если бы всё это воспроизвести в литературной обработке, наверное, получилось бы что-то вроде Кафки – сон-роман, роман-бред. Но, к сожалению, я очень многое забыл (а ведь нужны детали для достоверности). Впрочем, память-воображение может вполне включиться в процессе работы. А «реалистическую» концовку моих приключений я, кажется, помню отлично. Попробую воспроизвести. Итак...

– Где я? – простонал я, при этом чувствуя кроме тоски и что-то вроде стыда, точно бездарно актёрствую в каком-то пошлом, гнусном спектакле, где зрители – циники и насмешники.

– Где-где – в отделении милиции, – спокойно сказал, оторвавшись от протокола, сидящий передо мной толстолицый, с крупными, как лесные просеки, пролысынами милиционер в форме капитана. – Заладил, как грам-пластинка. Ну всё, отведи его в камеру, – приказал чернявому сержанту, похоже, дежурному, который с любопытством разглядывал меня, улыбался во весь рот и весело крутил на пальце тяжёлую связку ключей.

– В одиночку или общую? – уточнил, не переставая щериться, дежурный.

– В общую. Пусть пообщается с себе подобными. Мы тут не таких вида-ли. Пис-с-са-атель!

Беззлобное презрение было в голосе капитана, даже какая-то уважающая себя усталость, точно мы, писатели, каждый день дюжинами мозолим ему здесь глаза и надоели до смерти, поэтому он на нас даже и не раздражается. Это как-то странно отрезвило меня. Я посочувствовал ему и подумал, что и он может быть ко мне снисходительным.

Дежурный тем временем уже гремел железной дверью в решётчатой перегородке. Решётка, очевидно, для благолепия была украшена приваренными жестяными звёздами и трилистниками. За ней на изодранном и засаленном грязно-кирпичного цвета топчане понуро сидели четыре женщины. Одна молодая, если не девчонка, но в жутко грязной одежде, опухшая и, похоже, не совсем трезвая – явно опущенная бродяжка, какие всё чаще встречаются то тут, то там в зачумлённых городах. Наверно, её-то я и принял за Варю – ту несчастную девочку, с которой имел случайную связь в районной гостинице примерно год назад и которая роковым видением предстала в моих пьяных бреднях. Я же бредил? Бредил же я! Или душа моя и вправду летала в иных, страшных и непонятных мирах? Я разглядывал бродяжку, убеждался, что это не Варя, но в памяти вспыхивали слова: «Помолись за меня и спаси Русю: ей угрожает страшная беда, она погубит свою душу». И сердце опять заныло. Однако новая «обстановка» всё же располагала к трезвому анализу и сдержанности чувств.

Рядом с бродяжкой сидела девица лет двадцати пяти, пожалуй что красивая, хорошо одетая, только голос у неё был мужской и сиплый. Она курила сигарету и вполне дружески переговаривалась со «старлеем» – молодым, накачанным мильтоном. Кажется, это он привёз меня сюда, подцепив где-то на улице. И не его ли в своих чудных наваждениях я принял за вепря, поскольку был он белобрыс, стрижен под ёжика, добродушно угрюм и мало-разговорчив. При этом деваха (её звали Валентиной) немного брезгливо косилась на зачуханную соседку, но терпела и даже, не докурив сигарету, дала ей. Та с безразличным видом взяла, затянулась пару раз и передала широкоскулой мрачной бабе, что слева сидела от Валентины. Замыкала ряд женщин на топчане старушка в замызганной шубе из искусственного меха, с довольно-таки приятным, хотя и тронутым алкогольной сизостью, мелкоморщинистым лицом, чем-то похожая на мою тещу Марью Антоновну. Сидела тихо как мышка, рукой придерживая что-то за пазухой.

Теперь я окончательно пришёл в себя. Но как бы всё ещё не веря, провёл рукой по глазам: уж не снится ли мне опять всё это? Выходит, я действительно в милиции, в кутузке? Я вспомнил, что меня, наверное, дома ждут Рая и сын, я неизменно соскучился по ним, устал и не заслуживаю новых мучений – достаточно и тех, бредовых, которые я пережил как наяву. Ведь опиши их, в самом деле, в романе, никто не поверит, скажут: «Художественная фантазия автора». Да, можно многое писательски дофантазировать, но столь ярко пережитая фантазмагория так и останется во мне чистейшим реализмом, в который никто-никто не поверит. «Да, художественное воображение», – усмехнётся искушённый, а вместе с ним и неискушённый читатель. Что ж, и будут по-своему правы. Ведь золотые глюки наркоманов, скажем, нельзя принять за истинные путешествия в иные миры. Однако позвольте: а почему бы не быть им реальными (по ту сторону реальности), тем «иным мирам», в тех же глюках наркоманов да и в прочих видениях? Проблема идеального, как говорят современные философы..

Но обо всём этом я буду рассуждать потом, когда вернусь домой из кутузки, Рая вытряхнет клопов из моей одежды, мы сходим в баню, я отпарю тело и душу и буду ласкать мою девочку, как в первый и последний раз, и она будет ласково выпытывать: «Илюша, расскажи мне, ради Бога, где ты был столько дней? Я подозреваю, не только в Чернозелье... И не молчи, не молчи!.. Ну, где, где, спрашиваю?» «Черти носили по тому свету», – усмехнусь я скупно. «Ой, Илюша, Илюша, вечно ты что-нибудь такое ляпнешь!.. Но я же знаю, с тобой что-то случилось...» «Я потом

расскажу... в своём романе, – отвечу я, – но даже и ты не поверишь, моя маленькая». И она не поверит, как не поверит и читатель – художественное воображение, скажет. Ну и ладно.

Но это будет потом, потом. А сейчас я сидел в предбаннике дежурной части (или медвытрезвителе? – я пока ещё точно не знал), и чернявый, нахально лыбящийся сержант звенел-гремел ключами в железно-решётчатой двери.

– Послушайте... – устало обратился я к капитану, закончившему протокол о моём задержании в нетрезвом состоянии и опись изъятых вещей: сумка вещевая с продуктами-гостинцами от матери, немного денег, кольцо обручальное и алюминиевый крестик на витой стальной цепочке. – Послушайте, отпустите меня. У меня сегодня дядя умер. То есть сегодня хоронили. Я же ничего плохого не сделал. Отпустите. – И я с какой-то неоправданной надеждой потянулся к своим вещам.

– Дядя? – капитан как-то ловко, не глядя на мою руку, перехватил её, точнее, небрежно отшвырнул. – Да хоть бы отец родной... – Стал просматривать другие протоколы на столе. – А чем, собственно говоря, вы лучше вот этих? – указал он на женщин за решёткой. – Познакомить вас? Эти четверо, кстати, постоянные наши клиенты. С остальными познакомитесь в камере. Сегодня у нас ба-а-га-а-тый улов. Вот эта, – кивнул на старуху, – Пальмира Ивановна Загнёткина. Пальмира – имя-то какое! Шестьдесят три года. Пенсионерка. Детей нет. Последние пять лет пьянствует и шляется чуть ли не по отхожим местам, питается отбросами, потому что всё пропирает дочиста. Пальмира Ивановна! – позвал старуху капитан. – Когда штраф принесёшь за прошлый раз?

– С пенсии, ей-богу, отдам, – живо отозвалась та и опять скукожилась.

– Ну, смотри у меня! – несердито погрозился капитан. И ко мне: – А ведь, между прочим, была учительница. Пальмира Ивановна! – опять обратился к ней. – Помнишь десятый «Б»? Я там учился.

– Помню, Саша... товарищ капитан, – виновато взглянула и сейчас же опустила глаза старуха.

– Вот тебе и интеллигенция, – сочувственно покривился страж порядка. – Совдепщина! А вон та, – указал на скуластую, с жёлтым, испитым лицом женщину, – тоже пьяница. И вдобавок дебоширка. Соседям в семейном общежитии житья нет от этой стервы. Эй, Валентина, – строго обратился капитан к девице, дружески болтающей с ухмылистым «старлеем», – если увижу, будешь давать ей курить, лично посодействую тебе десять суток.

– Саша, ну чё ты сегодня как с цепи сорвался? – улыбаясь, ответила сипло Валентина. – Жена, что ли, нынче не дала тебе? Да приходи в «Привал», я к вечеру отосплюсь, приму ванну... Кстати, сегодня угощаю, у меня клёвый навар был.

– Бизнесменка-перекупщица, – отрекомендовал капитан, добавив: – Тоже дебоширка: в кабаках девок молодых задирает. Когда-нибудь нарвётся. Молодняк ныне пошёл похлеще уголовников. А вон, – кивнул с отвращением на зачуханную бродяжку, – Сося-привокзальная. Не приходилось пользоваться услугами подобных крошек? Вот такая у нас клиентура, писатель. Это вы чистоплюйничаете и про права человека надрыгаетесь. Тоже мне – Ковалёвы-Сахаровы. А у нас эти права вот где, в самом горле. Так что иди, посиди в нашем клоповнике и хорошенько подумай, о чём и о ком писать. Уведи его, – сухо приказал дежурному, который, в нетерпении прицокивая кирзовым ботинком, стоял у приоткрытой двери и, тотчас подойдя ко мне, грубо схватил за шиворот, потащил сначала туда, где сидели женщины,

за решётчатую перегородку, потом влево, опять зазвенел ключами, открыл окованную дверь – и я очутился в битком набитой камере.

На одном топчане, ближе к двери, нашлось полместечка. Я присел и обхватил голову руками. Вот те и поминки с весёлым похмельем! Не было печали, черти накачали. М-да... никогда не приходилось сиживать в каталажке – и вот довелось. От тюрьмы, от сумы зарок не давай. Но как же так? Почему я здесь? С какой стати?

Я стал вспоминать всё по порядку: похороны крёстного, поминки, попутка до райцентра, далее, кажется, автобус, вокзал, иду к тётке Тае, дверь закрыта на крючок изнутри – всё отлично помню; иду переночевать к отцу Семёну... Но почему к нему, а не домой, на квартиру, ведь Рая со Славиком, очевидно, дома?.. А дальше чёрт-те что! Летающая «тарелка», бесы-гуманоиды... Да что же, мне привиделось, что ли?! Ну и ну! И смех и грех. Эка, крёстный, помянул я тебя! Ну что ж, по грехам и мука. Теперь, Кауров, сиди и парься.

И я сидел примерно с час молчаливо, не поднимая головы, только временами невольно вслушиваясь, что говорят вокруг.

В основном все молчали. Балаболит только бойкий Димка (торговец мороженым, как выяснилось). Через глазок-очко в двери он неустанно вёл переговоры насчёт курева и воды с женщинами в «предбаннике», с теми четырьмя милыми дамами, которых представил мне капитан Саша. Время от времени кто-нибудь из них (чаще Валентина) просовывал в глазок-окошечко либо сплюсненную с боков алюминиевую кружку с водой, либо окурок, а то и целую сигарету. Всё это шло по кругу. Курить мне не хотелось – противно, но воду отхлёбывал: сказывались лёгкое похмелье и ужасная духота в камере – дым, перегар, смрад.

Скоро мне надоело скорбеть, и я стал оглядываться. Камера была узкая (вытянув руки в стороны, можно упереться в обе стенки), очень высокая, потолок и стены черны от плесени, копоти и сплошь испещрены именами, кличками, датами, изречениями, похабными и смешными рисунками – несть живого места. Напротив меня у стены то на корточках, то по-восточному поджав под себя ноги сидел молодой татарин с лицом уличного бойца. По его словам выходило, что он приехал в Сурград из Казани (я сначала сомневался) поболеть за свою хоккейную команду и на трибуне устроил небольшой дебош.

Через некоторое время в камеру впихнули буйного пьяного крепыша лет двадцати. С минуту он полежал спокойно на полу, потом встал, набычился и вдруг как бешеный стал лупить железными кулаками в окованную дверь. Димка и Ахмет бросились унимать его: «Кореш, перестань, из-за тебя же сейчас всю камеру отдубасят!»

– Ещё хоть шорох услышу, – пригрозил сержант, – подпущу газу, поплачете у меня, тра-та-та (матом)!

Когда дверь замкнулась, Димка и Ахмет заняли свои места у двери как ни в чём не бывало. В приоткрытую во время свалки дверь набежал свежий воздух, но тут же и исчах, как только камера закрылась. Ахмет рассказал два анекдота тюремных, смешных, но почти никто не засмеялся. Становилось невыносимо душно.

– Хоть бы на минутку проветрили, гады. Копыта тут до утра откинешь. Димка снял куртку, привалился к двери.

– Да, жарко, – сказал и казанец, снял майку.

Он был смугл, почти чёрен в тусклом свете электрической лампочки под колпаком, затушёванным многолетним смрадом и копотью. Мускулистое тело – в татуировках. Я разглядел на груди у него выколотый мусульманский полумесяц.

– Ахмет, ты веришь в Аллаха? – непонятно зачем спросил я его.

– Зёма, клянусь матерью, не знаю. Иногда верю, когда плохо, иногда нет. Не знаю.

– Димка, а ты во Христа веришь?

– Я?..

Он тоже присел на корточки спиной к двери и как-то вдруг сразу погрузился, сделался усталым и будто много старше своих, как выяснилось из разговора, двадцати двух лет; я даже в полусмертном свете камеры заметил у него сдвоенную морщинку возле губ, которая обычно появляется у худощавых мужчин лишь после тридцати.

Он стал рассказывать то ли с обидой... нет, не с обидой, а с какой-то малоощутимой грустью, что мать у него бухает (он так и сказал «бухает», чуть криво и печально улыбнувшись), что отчим тоже алкаш, и что Димка изредка даёт ему по морде.

Я спросил, что он закончил.

– Да ничего, – ответил Димка, – школу с горем пополам. В «рогачку» не пошёл – жить-то на чё-то надо. Шмотками торговал, теперь вот мороженым. Целый день, блин, стоишь-стоишь... а вечером бухнёшь с кем-нибудь, а жена дома ворчит: «Пьёшь каждый день». А если не пить, вообще чокнешься... от тоски.

– Ты женат? – немного удивился я: как-то не походил он на семейного.

– Женат, – ответил он вяло. – Я от армии закосил, а теперь уже не возьмут: у меня двое детей. Между прочим, жена в Бога верит. В церковь ходит. Не часто, конечно. И я тоже раньше с ней ходил. А сейчас... Я сейчас стал отходить от Бога... бухаю... скучно. А жена верит, – повторил он задумчиво. Замолчал. Потом глубоко вздохнул и, захватив локтем в дверь, со злостью сказал: – А вот эти козлы в Бога верят?! Чего они нас душат здесь? Знаешь, они меня за что забрали? Я даже и не пьяный был. За то, что я перепутал такси с их «бобиком». Им, видите ли, не понравилось, что я как бы оскорбил их. Смотри, как я тормознул их, то есть я думал, что это такси.

Я снова уткнул глаза под ноги и решил молча выдержать эту удушливую пытку. А времени было, как выяснил Димка у Валентины, только три часа ночи.

– Часов в семь выведут во двор, – сказал тот, который был уже вторую ночь. – В восемь придёт начальник.

– За это время окочуримся! – сказал Димка, прижимаясь щекой к окованной двери. – Эх, жена, что ли, за меня помолилась бы!

У меня заныло сердце, и я захотел, чтобы за меня помолилась Рая. Даже как-то тонко закололо оно, сердце. Думает ли Рая обо мне? Чувствует ли, что я как в преисподней? Я сцепил до боли зубы, чтобы не застонать от тоски и бессилия. Нет, я выдержу всё это, выдержу!

И тут мне в голову ударила ошалелая мысль: закосить под «сердечника». Коротко я поделился идеей с Димкой и Ахметом.

– Ништяк, зёма! – одобрил мой план ободрившийся казанец. – Может, откроют дверь, вздохнём немного. А там уж и рассвет. Только, брат, не подведи, коси по-настоящему, иначе всем будет плохо, я этих шакалов знаю.

– Не подведу! – Я настроился самым решительным образом. – Стучи в дверь, Димка. Кричи: «У писателя сердце отказало!..»

Димка и Ахмет принялись бунеть и выкрикивать, как я им велел.

Злой как пёс, с дубинкой наготове, дверь отпер дежурный сержант, матерясь по-чёрному: вероятно, подумал, очередная выходка заключённых. Однако, увидев меня с выпученными глазами, открытым ртом и хватающимся безмолвно (точнее, с хрипотцой) за сердце, выругался более сочувственно и пошёл будить дежурного капитана. Не торопясь, спросонья появился и тот, широко позёвывая, поглаживая толстое лицо и просеки-пролысины.

– У кого тут с сердцем? Писатель, что ли? А, интеллигент хренов! Вытаскивайте его сюда!

Дежурный (а я уже лежал «без сознания»), не входя в камеру, показал место в «предбаннике».

Димка и Ахмет выволокли меня за руки за ноги и распластанным положили на грязный пол возле топчана.

– У нас нашатырь-то есть? – спросил, позёвывая, капитан у сержанта.

– А тра-та-та его знает, – ответил тот и куда-то ушёл.

Минуты через две нашатырь явился. Сунули мне под нос – пришлось «приятно» в себя. На глазах выступили слёзы. Димка и Ахмет «помогли» мне сесть на топчан, потеснив женщин. Для убедительности я держался за сердце и, сцепив зубы, морщился «от боли».

– Ну что, драматург? – как бы с сочувствием спросил капитан, натирая мне нашатырём виски. – Что с тобой?

Утирая слёзы, я сказал, что полгода назад у меня был инфаркт (врал безбожно, но убедительно: голос, мимика, жесты – вошёл в роль) и что могу отдать концы, за что им вовсе не поздоровится.

– Нам-то? Да ни хрена нам не будет.

– Дай валидол, – всё ещё держась за сердце, потребовал я.

– А с собой-то почему не носишь, если сердце больное?

– Дай, говорю!

– Ты мне на нервы не дави и не гляди на меня так, а то я тебе, драматург, гляделки-то выткну, – как-то враз озлясь, сказал капитан и не спеша вышел из приёмника куда-то в глубину помещения.

Через некоторое время вернулся, высыпал на стол недалеко от решётки несколько белых крошек нитроглицерина.

– Бери, – сказал мне.

Я встал, просунув руку, взял одну.

– Чего одну-то? – с подозрением спросил он.

Я ответил со знанием дела, что сразу две нельзя, может плохо стать. Сделал вид, что положил под язык.

– Ну, так «скорую» вызвать иль обойдёшься? – повторил вопрос капитан.

– Вызови, – сказал я упрямо.

– Зачем? – осклабился он. – Полегчало, и сиди-помалкивай.

– Вызови, повторяю. Тут свидетелей полно, если что со мной... – кивнул я на женщин, Димку, Ахмета и ещё человек пять, вышедших не из любопытства, а чтоб подышать, из камеры.

– Ну-ка загни их всех! – приказал капитан сержанту.

– Командир, не запирай дверь, – попросил Ахмет капитана, – тут душегубка же... Мы будем тихо, командир.

– Тогда все зашли сейчас же, и чтоб ни одна рожа не выглядывала! – прикрикнул, уступив, капитан. – А к тебя, – погрозил мне, – сейчас приедут, обследуют, и, если косишь, заведу в отдельную камеру и так отрихтую!..

Он сделал звонок по телефону, вяло и пренебрежительно сообщил что к чему:

– ...Да вроде всё нормально с ним... Валидол? Нет, нитроглицерин дал... Ну, если что, я перезвоню. – Положил трубку и ко мне: – Жди, приедут.

Но «скорая» так и не приехала. Я решил не настаивать. Капитан больше тоже не звонил и на меня не обращал внимания. До утра оставалось часа два. Игра прошла недурно: дверь к моим сокамерникам осталась открытой. Димка и Ахмет, несмотря на запрет дежурного, выглядывали оттуда и благодарно подмигивали мне. На душе, однако, было паскудно: начинались новые муки – нравственные.

Мне хотелось молиться, но, кроме «Отче наш», я не знал порядком ни одной молитвы. И я шептал про себя, что приходило на ум. Ничего я не просил у Бога и ничего не боялся: ни этого толстомордого капитана, который грозился меня отлупяжить, будто не били меня ни на ринге, ни в драках, – да плевал я на тебя, козла! Ни позора, ни унижений, ни оскорблений – ничего я не боялся. Но мне было тошно от какого-то паскудства... даже не этой дурацкой ситуации (ситуация изменится!), а от паскудства всей нашей жизни... Вот эти падшие, несчастные женщины – зачем они здесь? Я сидел бок о бок с привокзальной Сосей – нет-нет, это была не Варя, я разглядел её, не она. А вот эти мужики в камере – алкаши, пьяницы, бродяги – почему они такие? А там, за дверями кутузки, где вся остальная Россия, оплёванная, оболганная, ограбленная, окровавленная в невидимой гражданской бойне, – что с тобой, голубушка? какие дьяволы опять затуманили тебя? Анафема им, анафема!.. Э, да что ты терзаешь себя, пытался я окоротить свою душевную боль! Плюнь, перетерпи, не думай ни о чём. Моли у Бога забвения.

И я молил. Но душа не забывалась. Значит, Бог не хотел.

К шести часам в отделение стали собираться после ночного дежурства патрульные. Вернулся со своими подчинёнными и уезжавший по вызову белобрысый вепрь-старлей. Добродушно сунул сквозь решётку сигарету Валентине, устало сел на прежний стул-кресло. В нём чувствовались замашки раскрепощённого американского полисмена. Откинувшись на спинку стула, он неторопливо покуривал, покачиваясь на задних ножках кресла, на коленях небрежно придержививал короткоствольный автомат. Кто бы мог подумать лет десять назад, что скоро обыденностью станут менты на улицах с автоматами.

Увидев меня на топчане в обществе «жён-мироносиц», он хмыкнул и поинтересовался: «А что, для писателя местечка в камере не нашлось?» Дежурный капитан неохотно ответил, что у этого правдоискателя кишка оказалась тонка, сердечко прихватило, хотя косит, наверно; хотел «скорую» ему вызвать и выяснить конкретно, но не хочется связываться; пусть здесь посидит, на правду жизни посмотрит.

– Значит, всё правду ищешь? – повернулся ко мне старлей, сидя вальяжно по ту сторону решётки, точно по ту сторону добра и зла. – Брось, – по-дружески сказал он, – не найдёшь. И никому ничего не докажешь. Потому что ты сидишь там, а я сижу здесь. Так и вся жизнь, и вся Россия. И пока ты будешь преть там, среди этих бродяг, алкашей и проституток, ты ничего не докажешь. Сегодня мы тебя выпустим, а через пять дней, не через пять, так через год, опять выловим и посадим. Других, может, не будем,

а тебя посадим, чтобы ты ещё раз убедился, что правду ты не найдёшь, и не старайся.

Он сидел и поучал меня, как власть имеющий. Я молча слушал, и он мне нравился. Я вспылал только раз, когда он сказал:

– Россия, писатель, это тебе не Америка.

Мне показалось, он вздохнул, и это меня взбесило.

– Тут никогда хорошего, цивилизованного порядка не было и не будет. И демократии не будет. Рылом не вышли.

– Да плевать я хотел на твою демократию и Америку! – сказал я, весь подавшись вперёд. – Я родился и хочу умереть на своей земле, в России. Все мои деды и прадеды, мой отец и мои дядья лежат в этой истерзанной земле. Но я хочу хотя бы напоследок хоть одним глазком перед самой смертью увидеть хоть что-то путное в моей – слышишь, в моей! – стране. Должно же когда-нибудь у нас родиться своё – родное, доброе, настоящее, а не пресловутое американское, о котором ты вздыхаешь. Эх, да разве с такими, как вы, зародится что! Да вы на корню загубите.

– А с такими, как вы?! – с какой-то особой мрачной злостью громко сказал шедший мимо решётки статный, плечистый, черноусый милиционер лет тридцати, в звании старшины и тоже с автоматом; руки у него были особенно красивы – по-настоящему мужские: крупные, с широкими запястьями, жилистые, такими только подковы ломать и быков на арене с ног валить. – Да чего ты с ним, с дураком, лясы точишь! – сказал он лейтенанту и презрительно вышел.

Равнодушно ухмыльнувшись, встал и вышел и вепрь-старлей.

Даже и обзававший меня дураком старшина чем-то понравился мне. Прямодушной злостью. Я подумал, может, он служил в Афганистане, может, недавно был в какой другой «горячей точке», неоднократно видел смерть и действительно имеет право презирать нас, щелкопёров, развенчавших воинский долг «афганцев» и подплеснувших огоньку в «горячие точки» на территории бывшего СССР. «Но послушай ты, дерзкий и смелый умник, – думал я с каким-то внутренним хладнокровием, – ведь и я мог оказаться на войне с душманами и, может, не хуже тебя воевал бы и ходил под пули, если надо. А главное, не все же мы – щелкопёры. Не все только тем и занимались, что развенчивали. Более того, большинство-то из писателей – постарше, поумней, поталантливей, посовестливей – как раз были и остаются против развенчания и демократического развала всей жизни. За что же ты, сиволапый, оболваненный умник, так ненавидишь нас всех скопом? Думаете, обойдётесь без писателей, без профессоров, без всей презираемой вами интеллигенции, даже без такой, какая худо-бедно вышла из вашей же рабоче-крестьянской руды, многотонно перелопаченной? Да, тридцать-сорок лет обойдётесь, даже, может, с виду поздоровеете, порозовеете. Но знаешь ли ты, сиволапый, что такое «чёрная дыра»? Так слушай, умник-глупец. Живёт себе, горит и пылает высокомерно где-нибудь в бескрайнем космосе огромная-преогромная звезда. Миллионы лет идёт внутри неё незримая извне термоядерная реакция. И все эти миллионы лет она только и знает, что алеет и румянится, как яблоко, изъеденное червем изнутри, или как переспелая баба без мужика – на людях хохочет, а дома одиноко рыдает в подушку. Так и звезда, невидимо выгорая изнутри, в один момент катастрофически сожмётся до жалкого, страшного карлы, и не приведи Господи попасть в поле его тяготения. К чему я это тебе рассказываю? – мысленно спорил я с усатым старшиной. – А к тому, сиволапый, что и человеческая душа, и народная душа, и душа России могут выгореть невидимо дотла! И вы, оболваненные – не нами,

не нами, а бесами Харутами! – вы, способствуя вытравливанию нас из себя – нас, единокровных с вами, сиволапыми! – вы только ускоряете этот процесс.

О, я догадываюсь, почему у вас такая неприязнь к нам, так называемым интеллигентам, – продолжал я рассуждать, опять опустив глаза в заплёванный пол.

Но есть, есть какая-то и ещё более глубинная причина нелюбви к нам, интеллигентам. И какая же, сидел и думал я? Ведь вот, скажем, к Сосе, промышляющей на вокзалах, к нагловатой бизнесменке Валентине и скуластой дебоширке Зинке, или к хулиганам Димке и Ахмету (о, сколько, сколько их теперь развелось!) – ведь к ним-то нет такой неприязни. Почему? А потому, что они, грязненькие, скверненькие, опущенные, дурные, всё-таки как будто свои. А мы как бы чужие. И какая-то ещё тут зарыта собака... И я ломал голову, ломал скорее по причине, чтобы отвлечься, забыться, не видеть, как толпящиеся патрульные, возвращающиеся с дежурства, хмыкают, поглядывая на меня как на экзотический экземпляр: «Писатель?!» – «Писа-а-атель». – «Х-мы... пис-с-атель!» Ничего-ничего, скоро вам придётся отпустить меня, свиньи, – думал я, ответно взглядывая на них исподлобья, – я вытряхну клопов из пропахшей «крематорием» одежды, отпарюсь в бане, выпью кружку пива на последние шиши и, насвистывая блатной мотивчик... Во! – озарило меня. – Вот где кроется древняя, мистическая причина неприязни к нам: Иувал! Первый интеллигент на матушке-сырой земле, пропитавшейся кровью Авеля. Потомок убийцы Каина! Чтобы заглушить голос наследственного греха, голос, зовущий к покаянию за вопиющий поступок праотца, Иувал придумал сладкозвучные утехы – свирель и гусли. И каиниты, упиваясь вином, забывались, дурея от его музыки, за что и любили Иувала! Но, протрезвев и снова слыша в душе неумолкаемый тот же голос греха, они опять ненавидели собрата, такого же наследственного грешника, как и они. Может, даже больше ненавидели, чем друг друга, потому что он уже был инакий, ему было дано то, чего не было у них. Тут-то и начинается зависть – жажда отнять, присвоить или, если невозможно, то уничтожить неравенство даров, вплоть до устранения дароносца из среды своей или вообще из жизни, а то и саму жизнь уничтожить – лишь бы сравняться, лишь бы насытить пустоту свою.

Но годы шли, и даже завистники уже не представляли себе, как можно жить без облегчающей душу музыки Иувала. О, музыка спасала их, грешных! Но не только тем, что заглушала ненавистный голос греха, но и звала к свету, к любви, оборяя темень зла и ненависть к жизни. Более того, с годами Иувал (а жил он очень долго – целые Аридовы веки, как и все первые люди на земле) научился извлекать из свирели и гуслей такие звуки, стал слагать такие песни, которые уже откровенно звали не к забвению, а к чистому покаянию за себя и за отцов своих. Песни и стихи его напоминали о Боге и о бессмертии, говорили о спасении и надежде возвратиться в потерянный рай. И за это одни ещё более возлюбили Иувала и учеников его, а другие, упорные в неправде своей, непокорные смирению, обуянные гордыней и духом злобы, – те ещё сильнее возненавидели, смеялись над ним и тыкали пальцами: «Смотрите, это Иувал – жалкий скomorох, называющий себя поэтом, ха-ха-ха! Ату его!» Так и пошло на века. Я даже думаю, что Иувал умер не своей смертью. «Искусно лирою владея, был неискусен в битве он», и потому какой-нибудь отпетый дурак или стражник-болван каменного города, где жили каиниты, какой-нибудь отморозок, а то и киллер-наёмник укокошил его тёмной, глухой ночью, когда пьяненький возвращался он домой с весёлой или грустной попойки, где бередил своими

чудными песнями, стихами и музыкой ещё не совсем заржавевшие души собратьев. Но тем и был кому-то опасен, м-да...

Ну что ж, привет и вам, мои собратья! Мы с вами одной крови – вы и я. И если вы так ненавидите меня, то, значит, тайно и любите меня, потомка Иувала, древне возвещавшего лирой своей, что Христос придёт (воскреснет! – ибо уже и тогда был на кресте, ибо извечно скорбел за падшее человечество), придёт и снимет проклятье, и станет меж нами не только как Бог, но и как друг и брат. И возьмём мы за правую руку и за левую руку Его, возьмём и поймём, увидев себя на стыке миров, ветхого и преображённого, увидим-узрим, что мы не враги друг другу, а истинные братья. И будет утро, и будет день – восьмой день творения.

Вот и я скоро выйду отсюда, из ваших смрадных узилищ. «Здравствуй!» – скажу утру. «Здравствуй!» – скажу светлому празднику Пасхе. И поклонюсь красному солнцу, поклонюсь не как язычник, а как знающий тайну, потому что мне дано...

«Но почему сегодня должна быть Пасха, – приглушив воображение, вдруг удивился я сам себе, – ведь до Пасхи ещё два или три...»

И в этот миг, к невообразимому изумлению моему, в приёмную отделения милиции с каким-то весёлым, праздничным гоголем ввалилось человек пять патрульных во главе с краснощёким здоровяком, у которого на плече висел тоже короткоствольный автомат, а в руках он держал объёмистую картонную коробку.

– Христос воскресе, менты! – гаркнул он сослуживцам.

Все заулыбались.

– Воистину воскрес! – вразной ответили.

– А это настоятель храма за хорошую службу пожаловал нам на общую трапезу, – хохотнул краснощёкий, ставя коробку капитану на стол.

– Добро! – сказал дежурный, заглянув в неё. – Значит, всё нормально прошло?

– Всё о'кей! А это кто? – обратил на меня внимание бравый патрульный.

– Писа-а-атель, – зевнул дежурный.

– А чего вы тут его держите? Отпустите в честь Пасхи.

– Права качает.

– А, раз права, то пусть сидит. Ну, сиди, писатель, сиди, скоро и тебя выпустим. Пасха, ё-моё!

И он, прекраснотушный живчик, весело потирая руки в предвкушении трапезы, бодро отошёл от решётки. У меня же не проходило изумление: как же так, что сегодня Пасха? Не может быть, когда я только что с похорон крестного Георгия, а он умер на второй день Страстной недели, хоронили, кажется, в четверг или пятницу... А сегодня, выходит, уже воскресенье... Не с ума ли я схожу?.. Не дай мне Бог... уж лучше посох и сума... Господи Иисусе Христе, помилуй мя, грешного!.. по великой милости Твоей и по множеству щедрот Твоих... Далее я опять не знал слов молитвы, да и утро – выходит, пасхальное утро! – кажется, наконец-то наступило: дежурный сержант дал команду выстраиваться на поверку. Значит, уже семь.

Как и всем, мне вернули вещи: часы, деньги, кольцо и нательный крест (сумку вернули потом).

– А билет где? – спросил я, вроде помня, что его у меня тоже изъяли.

– Какой билет? – кажется, вполне искренно удивился сержант.

– Писательский, – подчёркнуто уточнил я.

– Не было у тебя никакого билета. Да ты, может, и не писатель? – в выражении лица дежурного мелькнуло действительное сомнение.

– Может, и не писатель, – сказал я, чувствуя досаду и удрученность: куда же делся билет? не потерял же? а им какой смысл не отдавать, если у них? – Где билет, спрашиваю?

– Не было у тебя никакого билета, – отрезал сержант.

– Откуда же знаете, что я писатель? – кроме раздражения, я почувствовал, что подкатывает и стыд.

– Да ты нам тут все уши прожужжал: я писатель, я писатель!.. – перерезал дежурный. – Пришлось выяснять, правда или выделываешься... Пиши вот объяснительную, писатель. – Сунул мне небрежно ручку и протокол.

– Какую объяснительную? – не совсем понял я, обратив, впрочем, внимание, что все, кто получал свои вещи, что-то обязательно подписывали.

– А что все пишут, то и ты пиши: «С обвинением согласен. Прошу простить».

– Понял.

И я, может, не совсем кратко, но размашисто и решительно расписал, как меня забрали и что о них думаю: «В город приехал поздно. Приехал с похорон, был немного выпивши. Шёл, никого не трогал. Мимо проезжающие патрульные грубо прицепились ко мне и стали нецензурно оскорблять и пытаться насильно втолкнуть в машину. Стал сопротивляться – кажется, вырубил. Очнулся в дежурной части (или вытрезвителе – не знаю, как это у вас называется: ранее не бывал, не знаком и вспоминать буду с отвращением, как дурной сон). Впихнули в камеру, наподобие фашистской душегубки, где у меня случился приступ с сердцем, «скорую» так и не вызвали, мог бы очучуриться. Считаю своим долгом напомнить вам: издеваясь над своим народом, который как-никак кормит вас, чтобы вы охраняли его; не уважая и ненавидя свою интеллигенцию, которая худо-бедно образовывает вас, имейте в виду: вы собираете угли на свои дурные головы. Вот и всё. Писатель И. Кауров».

Сержант читал с отвисшей губой. Дочитав, с минуту смотрел на меня с каким-то сложным чувством в уставых после ночного дежурства глазах: любопытство, злость, настороженность, ещё что-то там мелькало в глубине его зенок-зеркал, отражая душевную порчу.

– Жаловаться будешь? – спросил он то ли с намёком на угрозу или так, из интереса, из осторожности ли.

– Нет, не буду.

Вошёл дежурный капитан.

– Посмотрите, что он тут накатал, – подал ему сержант протокол с моей объяснительной. – Может, ещё его на сутки оставим?

Капитан бесстрастно прочитал, смерил меня молчаливо взглядом.

– Пусть Юдин с ним разбирается. А если к нам ещё раз попадёт, мы ему устроим премьеру с овацией.

Без пяти восемь появился майор Юдин. Главный. Он был в хорошем, ровном настроении, добродушно шутил, грозя отправить одних на суд (но суд по воскресным дням не работал), другим выписывал штраф, третьим – какую-нибудь повестку, четвертых оставлял досиживать.

– Ну, Зося батьковна, – сказал он мало-мальски оклемавшейся Сосе, – когда на родину от нас уедешь? Ты уже, подружка, надоела нам. Пора и честь знать. Вот сегодня до обеда подержим тебя здесь, протрезвишься окончательно и иди, зарабатывай на штраф, а через сутки чтоб ноги твоей в городе не было. Тут и без тебя своих хватает. Ясно?

Сося что-то кротко промычала в ответ. Меня поразили её глаза – животная тоска в них. Именно животная, то есть самая несказанная, безысходная, за которую особенно больно и горько. Где-то я читал, что животные

тоскуют о бессмертии, которое им не суждено. А что суждено этой девочке, безвременно ставшей женщиной – женщиной, павшей ниже некуда? Ад, муки, скрежет зубовой? Нет, нет! Я думаю – рай. Рай – за то великое унижение и надругательство, совершённое над ней – человеком, подобием Божьим, рай – за великое падение, из которого вряд ли ей подняться, это уж не в её силах, не её мера (рассуждение, знаю, моё дерзновенно, но, думаю, простительно), это уж какое-то неблагое юродство, страшное юродство конца времён. А ведь ей всего-то лет девятнадцать, не более, но душа её выгорела до животного размера, и образовавшаяся пустота наполнилась одной безысходной тоской. Как же так, Господи?

– Следующий! – позвал майор и назвал имя татарина: – Алимов Ахмет Расулович? Значит, за свою команду приехали поболеть? А не гастролёр?

– Нет, гражданин майор, я – ёк (нет), я немножко поболеть – и всё! – скороговоркой и несколько заискивающе ответил Ахмет из-за решётки.

– Ну, а зачем на трибуне хулиганил?

– Ваши сами достали, гражданин майор, частушки поганые пели, за такие кирдык надо.

– Так-так, – улыбнулся опять майор. – А кто в судью жестяными банками бросал?

– Может – я, гражданин начальник, может, не я, все бросали, судил неправильно – Аллах накажет, жёлтую карточку Каримову показал – совсем нечестно.

– А по какой статье раньше сидел?

– Двести шестая, гражданин начальник, немножко хулиганил. Но сейчас завязал.

– Ну, хорошо, Алимов. Плати штраф, иди на компьютер, снимут с тебя все данные и езжай в свою Казань с аллахом вместе. Кто там следующий? Дмитрий Петрович Чугунов? В первый раз к нам? Жена и двое детей? А-я-яй, Дима! Как же так? Ну ладно, на первый раз выкладывай на штраф и иди, отчитывайся перед женой.

Димка вынул деньги.

– Товарищ майор, вы мне дайте квитанцию. Как же я отчитаюсь? Опять, скажет, у какой-нибудь шмары ночевал. И дневная выручка – тютю. Скандал же. А у меня двое детей. Дайте какой-нибудь квиток, товарищ майор.

– Иди, иди, Дима, не то тебе дежурный шепотом даст по шее. А жена, между прочим, должна мужу на слово верить. Какая же она тогда жена, если не поверит, что ты у нас прохлаждался? Иди, иди, не мешай.

Димка сделал обиженный вид, но, проходя мимо меня, подмигнул и шепнул: «Как мы их, ментя, обули!» – и хлопнул на прощанье по моей ладони так лихо, что я подумал, много ещё Димка наломает дров в своей жизни и не раз ещё, похоже, попадёт сюда, но ему проще – он не писатель, с него взятки гладки.

– Следующий! – позвал майор. – Бомж-бродяга! Перекати-поле! Куда едем, Лемясов?

– В Крым, там тепло, гражданин начальник, – ответил заросший густой волосной мужчина, одетый во всё сильно поношенное, обтрёпанное и засаленное.

– Ну, во-первых, в Крыму сейчас ещё и не так тепло, а во-вторых, там напряжённая политическая ситуация. А вообще-то, братец, раньше за бродяжничество плетью секли. Даже самого царя.

– Как же самого царя? – недоверчивая улыбка тронула лешье лицо бродяги.

– Да ведь царям тоже надоедает царствовать. Мне вот с вами изо дня в день, знаешь, как надоело? Бросил бы всё, как Александр Первый, и пешочком – в Сибирь!.. Только сейчас далеко не уйдёшь, верно? Так что посиди-ка ты у нас пока, Лемясов, – то ли отечески, то ли с каким-то прицелом посоветовал майор.

Средь газетчиков прохаживался слушок, будто бомжи, как рабы, используются в частном строительстве; что ж, прогрессируем: если раньше это практиковали чеченцы-шабашники, теперь вот – начальство.

Майор назвал мою фамилию.

– Это писатель, – шепнул ему дежурный сержант (всё-таки он чего-то опасался), ткнул пальцем в мою объяснительную в протоколе и что-то ещё пошептал ему.

Тот прочитал, улыбнулся, мельком взглянув на меня, дружелюбно спросил:

– Откуда, писатель?

– Из дома, вестимо, – ответил я с хмурой иронией.

– На поминках, говоришь, был, а теперь вот у нас? Это бывает. А правато зачем качал? Похороны, понятно, – дело святое, а права – это зря. Я понимаю, пьяный писатель страшнее пьяного первокурсника, а страшнее пьяного первокурсника ничего не бывает: ему сам чёрт не брат. Будь моя воля, я бы запретил и им, и вам вино пить. У вас со стишка начинается, а всемирным запоем заканчивается – так ведь? А потом ещё и права качаете. А кто это его разукрасил? – спросил майор у сержанта.

Похоже, лицо у меня было избито, и я это наконец почувствовал, стало в мгновение опять стыдно, но прежние вызов и злость уже упёрлись рогами в душе, и стыд перед ними сразу сник.

– Это он, товарищ майор, с кем-то дрался. Те разбежались, а его Стародубцев задержал. А тут пишет, – ткнул в мою «объяснительную», – что шёл, никого не трогал...

– Ну, пусть платит штраф и гуляет, – отмахнулся майор. И ко мне, не глядя: – Про нас-то что-нибудь напишешь, а, писатель?

– Посмотрим.

– Ну, если напишешь, принеси почитать.

– Какая сумма?

– Штраф-то?

Он назвал. Я выгреб из кармана, посчитал: мать давала на дорогу, и у меня немного было, но всё равно не хватало.

– Ну, тогда посиди, – сказал майор, – всех отпущу, с тобой разберёмся.

Глава 31

НЕЖДАННАЯ ВСТРЕЧА

Сержант опять отвёл меня за решётку на топчан, где теперь никого не было: Валентину отпустили (охотно заплатила штраф), Зинку и Сосю отправили в одну из опустевших камер – первой грозила статья за неоднократное хулиганство и дебош в нетрезвом виде в семейном общезитии, вторую отослали отсыпаться. Трёх-четырёх из оставшихся мужского пола заперли опять в камеру.

И вот тут произошло убийственное для моего сознания событие. Дверь в дежурку распахнулась, и патрульный лейтенантик ввёл молодую, с шиком одетую девицу: длинный кожаный плащ нараспашку, под плащом красно-бордовое, с золотыми блёстками, из тончайшей шерсти очень короткое платьице;

из-под платица – в чёрных ажурных чулках стройные ножки, втекаемые в изящные сапоги на высоком каблуке с золотыми набойками.

Лишь взглянул я на неё – и всё затрепетало во мне: это была Варя, та самая из районной гостиницы Варя, которую я так глупо то ли потерял, то ли предательски оставил. Да, да, я не мог не помнить эти узкие, раскосоминдальные глаза и эти пухлые, как набухший бутон, губы... И только ливень чёрных волос, сливающихся с хромовой кожей плаща, – не то: у Вари были коротко стриженные, а у этой – просто чудо! Неужели отпустила? Но ведь точно – она! Руки у неё были в золоте, в ушах кольца, как молодые тонкие луны, и на груди поверх платья – две золотые цепочки со знаками зодиака – Льва и Скорпиона. Боже, какая она красавица!

Дежурный сержант, читавший книгу, невольно отложил чтиво в сторону. Девушка прошла в середину приёмной, без испуга огляделась, встретилась взглядом со мной, изумлённым («Да, да, это она!» – обомлевши, твердил я себе, но Варя явно не узнала меня или не захотела), без разрешения села в кресло в полупрофиль ко мне (в этом кресле, недалеко от решётки, до недавнего сидел вепрь-старлей).

– Откуда такая красotka? – с вымученной улыбкой спросил сержант и, встав, подтянулся, оправил на себе форму.

– Оформляя протокол, – сказал небрежно и с некоторой ядовитостью в голосе лейтенант с румяным девичьим лицом; он был строен и строг, перетянут новенькой портупеей, да и весь как с иголки. – Нарушение общественного порядка в нетрезвом виде.

Мне, кстати, отнюдь не показалось, что девушка нетрезва.

– Сейчас приедет мой парень, – сказала красавица, закинув ножку на ножку, – и обломает твои зелёные рожки. – Она встала и направилась к столу сержанта: – Мне надо позвонить.

– Сядь! – грубо преградил ей дорогу лейтенантик.

– Убери руки! – высокомерно взглянула она на него, взглянула так, что, будучи ниже его ростом, взглянула как будто сверху.

– Я говорю: сядь! – голос у лейтенантика чуть дрогнул (так-таки дрогнул).

– А я сказала: дай позвоню! – требовательно глядела на него девица.

– Сейчас составим протокол, потом будешь звонить.

– Ты ещё пожалеешь об этом, сосунок!

Она вынула пачку дамских сигарет и закурила. Лейтенантик тотчас подскочил к ней:

– Прекрати здесь курить! – Попытался выхватить сигарету, но девушка как-то ловко уклонила руку, и тот, промахнувшись, нечаянно зацепил ей кончиком пальца глаз.

Она ойкнула, схватилась за лицо, лейтенант растерялся, и тут девица неожиданно саданула ему снизу ногой в пах. Со стоном лейтенант сел в полуприсядь, при этом цепкой молодой рукой со злостью вцепился в ажурные колготки на её колене и... разорвал.

– Перестань, Серёга! Ты чего, охренел? – дежурный отгеснил лейтенанта от задержанной к своему столу, что-то сказал ему шёпотом.

– Ладно, пиши протокол, – согласился тот, всё ещё морщась от боли.

– Может, Юдина вызвать?

– Не надо, сами разберёмся.

– Варя? – позвал я девушку, позвал, отчасти убедиться, что это она, но главное, позвал для того, чтобы обратить внимание ментов, что я её знаю и, в случае чего, буду свидетелем.

Лейтенант кинул злобный взгляд на меня (планы явно рушились), затем на девицу, она – на меня, сержант переглянулся с лейтенантом.

- Ты её знаешь? – настороженно спросил у меня сержант.
- Допустим, – ответил я, вставая с топчана и подходя к решётке.
- А ты его? – к девице.

Она помедлила. На лице её изобразилась как бы попытка вспомнить, причём лицо сделалось открыто детским... И вдруг детское выражение сменилось прежней маской самоуверенной красавицы.

- Не знаю, – отрезала.
- Так как тебя зовут? – ущурился на неё лейтенантик.
- Марией меня зовут.
- А он говорит, Варей, – ещё более вцепился тот. – Откуда ты её знаешь? – резко бросил вопрос мне.
- Откуда я знаю?
- Ты же назвал её Варей.
- Ошибся, значит.
- Что значит – ошибся? – прицепился мент.
- Серёга, брось, ну его, – махнул рукой сержант. – Ну чё, будем оформлять протокол на эту?..

– Будем. Так как твоя настоящая фамилия, имя и отчество? – с пренебрежением обратился лейтенантик к девице.

- Не «твоя», а «ваша». И вообще я ничего не буду отвечать, пока не дадите позвонить.
- Ну, иди звони, – согласился дежурный.

Девица тотчас встала.

- И кому ты будешь звонить? – Лейтенантик злился от бессилия: ситуация складывалась не в его пользу.
- Не «ты», а «вы», – утёрла она опять его мимоходом.
- О-ё-ёй какая! – передразнил по-мальчишески лейтенантик.
- Вот сейчас позвоню, – девица взяла трубку, – приедут и тебе башку снесут.
- Ты прекрати здесь устраивать... – предупредил её сержант. – Надоели вы!..

– И кто же мне башку снесёт? – подошёл вплотную к девушке оскорблённый милиционер, пытаясь пальцем тронуть её за подбородок.

Она с чувством отвращения уклонялась, торопливо набирая номер.

– Это я! – похоже, дозвонившись, торопливо крикнула она в трубку. – Меня забрали в милицию!.. (Короткая пауза.) Не знаю за что! (Опять пауза.) Они тут надо мной издеваются... Я не знаю, какое... – всхлипнула девушка и взглянула на сержанта: – Какое здесь отделение милиции? – спросила.

– Не говори! – выкрикнул лейтенант, моментально что-то сообразивший, и бросился отключать телефон. Но я опередил его.

– Суворовский район! – крикнул (запомнил из протокола).

– Суворовский!.. – успела назвать она.

Дежурный глазами показал лейтенанту на дверь за его спиной, откуда появился майор Юдин. Оба милиционера сразу подтянулись.

– Что за шум, а драки нет? – явно под лёгкой мухой, нестрого спросил майор. – Что тут такое? Опять писатель права качает? А вы кто? – немного сторонясь, спросил девицу. – Штраф, что ли, за него принесли?

– Это её Метельников задержал, – доложил сержант.

– Х-мы... – оглядел девицу майор. – И за что ж такую красоту?

– Нарушала общественный порядок, товарищ майор, – козырнул лейтенантик. – Возле кафе «Лиры»... в кусты ходила. Ей, видите ли, общественный туалет не подходит.

– Ну, в общественных туалетах с такими красавицами всякое может случиться, – добродушно улыбаясь, сел за стол Юдин. – Протокол составили?

– Да нет ещё, – ответил сержант, которому, похоже, и не хотелось составлять.

– А может, и не надо? – майор смотрел на девицу как кот на сметану. – Садитесь... присаживайтесь, – предложил ей. – Рассказывайте...

– Товарищ майор...

– Подожди, – отмахнулся от патрульного майор.

Девушка, вне сомнений, приглянулась ему. Присела бочком на стул, закинула ножку на ножку, не с вызовом и не из кокетства, а скорее прикрывая разодранные колготки. Майор с улыбочкой стал задавать ей вопросы, не имеющие отношения к «делу». Лейтенантик нервно прохаживался по приёмной, наконец сел в кресло у решётки, бросив сердитый взгляд на меня.

И тут в дежурку вошёл... Ян, мой шурин. Я опешил. За Яном вошли ещё двое – без шапок, бритоголовые здоровяки в длиннопольных нараспашку пальто, из-под которых одинаково выпячивались малиновые пиджаки. Ян был в кожаном плаще, тоже нараспашку и тоже без шапки, но стрижен не как его спутники: волосы красиво зачёсаны и уложены под гель. Одним взглядом он срисовал обстановку. На мгновенье задержался на мне. Девушка бросилась Яну навстречу.

– Что случилось, крошка? – ласково спросил он и опять обстрелял глазами дежурку, чуть долее задержал взгляд на мне, но не подал виду, что знает.

– Этот козёл, – всхлипнув, кивнула на лейтенанта девушка, прижимаясь к Яну, – забрал не знаю за что меня у «Лиры», когда ты уехал к Боре... Смотри, он на мне колготки изорвал, – подняла она на носочек ножку, вывернув при этом колено.

– Больше они ничего с тобой не сделали?

– Хотели в камеру, – всхлипнула она, – к бомжам. И телефон не давали. И какое отделение, не говорили. Вон тот парень помог, – кивнула на меня.

Но Ян теперь даже не взглянул в мою сторону.

– Успокойся, детка, сейчас мы разберёмся.

Ян осторожно отстранил девушку под защиту своих парней, подошёл к майору, мимоходом в упор встретился взглядом со мной, и я чутьём понял: молчок! – и как бы с безразличным видом опустил на топчан (голова, однако, горела, и звон стоял в ушах).

– Где протокол? – спросил Ян у майора.

– Вы кто такие? – майор по-хозяйски откинулся на спинку кресла.

– Это его девушка, – с мрачным видом сказал один бритоголовый, не вынимая рук из карманов пальто и чуть покачиваясь с носков на каблучки. – А мы своих девушек просто так ментам не позволим обижать.

– Вы что тут из себя корчите? – строго сказал майор.

И тогда Ян, как бык рогами, упёрся руками в перчатках в край столешницы и в упор стал смотреть на майора. Что-то жуткое было в этой немой сцене. Сколько она длилась – мне из-за решётки показалось, долго.

– Он ни при чём, Ян, – заступилась за майора девушка.

– Помолчи, – зыркнул на неё. – Слушай, начальник, меня в данный момент не интересует, – тихо сказал Ян, – за что вы забрали мою девушку. Я это потом выясню. Протокола, как я вижу, нет. Не успели ещё состряпать? Ну и не надо – лишние хлопоты. Но если настаиваете, через тридцать минут

здесь будет мой адвокат. А этому, – не оглядываясь, указал он на лейтенанта через плечо, – посоветуйте с полочки купить моей девушке новые колготки, адрес я сообщу. Они стоят тридцать баксов. – Ян сунул руку в карман плаща, не глядя вынул купюру и шмякнул на стол: – А это вам от братвы на выпивку, майор! – И опять уставился ему в глаза.

– Возьми свой вонючий доллар, – сквозь зубы медленно процедил майор, – забирай свою... подружку!..

– Христос воскресе, майор! – надменно улыбнулся Ян, выпрямляясь, при этом показывая раскрытую ладонь, на которой неизвестно откуда появилось пасхальное яйцо. Ян резко ударил ладонью по столу – яйцо от такого удара должно было разлететься вдребезги, но когда он отнял ладонь, оно аккуратно стояло на столешнице. Ян засмеялся, но резко оборвал смех. – Пойдём отсюда! – круто повернулся к своим, и все четверо быстро вышли.

Полминуты стояла мёртвая тишина.

– Обнаглели, подонки! – тихо выговорил майор, взял яйцо... и с силой запустил в дверь, вслед вышедшим.

Белое, жёлтое, красное крошево, точно кровь и плоть, разлетелось по приёмнику. Майор тяжело встал, смахнул на пол мизинцем долларовую купюру и направился во внутрь помещения. – Наведите здесь порядок, – кивнул на пол.

– А что с этим... с писателем делать, товарищ майор? – вдогонку ему спросил дежурный.

– Пока не заплатит штраф, не выпускать. Развелось их тут – писатели, бандиты!.. – проворчал и скрылся за дверью.

«И причислен был к злодеям», – усмехнулся я про себя. Перед глазами плыл потолок, в голове стоял жаркий звон.

– Эй, писатель, проснись! – это опять сочувствующий голос дежурного сержанта. – За тобой пришли, вставай.

«Пришли? Кто?» Пересиливая себя, я поднялся с топчана. Голова кружилась, и в глазах стояла горячая мусть.

– Выходи. Сумку свою не забудь. Квиток вот возьмите, гражданин, – к какому-то мужчине. – И не попадайтесь больше в пьяном виде, – это ко мне. – Вы говорите, тоже писатель? – дежурный обращался к мужчине в сером демисезонном пальто и мягкой шляпе.

Кто такой – я как будто не знал его, но что-то...

– Да, да, имею, так сказать, отношение к литературе, – отвечал тот несколько грустно.

– Чего же вы, писатели, пример такой подаёте?

– Писатели – тоже ведь люди, молодой человек, – мягко отвечал мужчина.

А я никак не мог припомнить, где же видел его... Но видел точно.

– И про нас пишете всякую фигню... Вот здесь распишитесь, – подал дежурный ручку мужчине.

Тот расписался.

– А мы, между прочим, тоже все разные: и легавых среди нас хватает, но и нормальных, порядочных мужиков тоже – и под пули, и под ножи за вас же, не за себя...

– Да, да, не стоит милиция без праведников, – всё тем же грустным голосом поддакивал мужчина.

- Так что пишите правду, а не одну только фигню.
- Будем стараться, молодой человек, будем стараться. Всего вам доброго.

С Праздником!

– И вас тоже с Пасхой. А вообще-то нам и Пасха – одни проблемы. Вот сейчас, гляди, к вечеру попрут, только камеру успевай открывать. Чую, ночка будет жаркой. До свидания, товарищи писатели.

- До свидания, молодой человек. Всех вам благ.
- Кто ты? – когда вышли из милиции, спросил я мужчину.

Воскресное солнце ударило по глазам, и меня зашатало, голова закружилась.

- Э, да вы больны, любезный! – воскликнул сочувственно мужчина.
- Отвезите меня домой, – попросил я. – Я неделю не видел жену и сына.

Ведь они ждут меня? – спросил, с непонятной надеждой глядя в лицо незнакомцу (где-то видел я это лицо – видел, видел!).

- Я думаю, что ждут, – ответил тот и посадил меня в машину.

Далее я ничего не помнил.

– ...Илюша, Илюша! – шептала Рая, целуя меня в сухие губы. – Где ты был? Где ты пропадал? Хоть бы предупредил... Почему у тебя ссадины на лице и на всём теле? Что случилось?

Я невольно ощупал скулы и надбровья: точно – подсохшие рассечения, припухлости, немного больно; огляделся – лежу в нашей спальне, вон закуток сына... В ногах постели – Симка, сиамский котёнок-подросток (вернулся, бродяга!), спит, мурлыча во всю ивановскую; мерно, одногласно тикают ходики на стене – будто в мир вселилась вечность...

– А где ты была? – ответил я вопросом на вопрос, испытывая странное чувство безразличия, что ли, к жене или какую-то ревность...

В прищторенное окошко сочится лёгкая синева: то ли утро, то ли вечер. И ни радости, ни удивления в душе, что наконец-то я дома... И всё же какая-то тонкая тоска... Нет, не на месте душа.

- Я тебя искал... – выговорил я, как бы жалуясь.
- А я у тётки Таи почти неделю жила, – всхлипнула Рая. – Мне так обидно было, что ты не пришёл за нами: сам же виноват.

- Я приходил.
- Когда?
- Ночью после похорон.
- Как – после похорон? – удивилась Рая. – Ты приезжал?
- Наверное, – через силу усмехнулся я.

– Ну не мучай, не мучай меня! – опять всхлипнула Рая. – Где ты был?.. Я вернулась домой, тебя нет, а на столе лежит телеграмма: умер Георгий Иванович. Гляжу, а число... уже поздно ехать, похоронили. Но всё равно побежала к тётке Тае (Славик у неё остался), хотела денег занять и ехать. Но подумала: разминёмся, тебе же на работу, долго там не будешь, а я всё равно на похороны опоздала. Я же не виновата, я не знала... – стала оправдываться Рая. – Мне крёстного жалко, он хороший был... Ну, что же теперь, думаю? Стала ждать тебя, а тебя всё нет и нет. Я вся извелась. И Славик хнычет: где папа, где папа?.. Что ты так долго?..

- Кто меня привёз? Я был пьян? – не отвечая на её вопросы, спросил я.
- Да вроде нет. Но ты сказал, что очень болен, разделся, молча лёг и уснул как убитый. А мужчина этот...

– Какой мужчина? – заинтересовался я.
– Ну, который привёз тебя, такой... красивый, обходительный... ты что, не помнишь?
– Он был в демисезонном пальто и шляпе? – уточнил я.
– Да. Он тоже сказал: «Мне, кажется, у него жар».
– Что он ещё говорил?
– Ничего.
– А откуда привёз меня?
– Илюша, ты меня пугаешь.
– Откуда, спрашиваю? – с раздражением повторил я.
– Да ничего он больше не сказал. Ты даже не попрощался с ним, и он уехал.

– А про Яна он ничего не говорил? – после небольшой паузы осторожно спросил я.

Рая очень удивилась (и показалось, немного смутилась), ответила, что нет, ничего. Потом радостно спохватилась: ой, она чуть не забыла сказать новость! Недели две назад приходил Никита Григорич, расспрашивал, где муж работает и не хочет ли опять в строительную бригаду, есть работа...

– Опять куда-нибудь к чёрту на кулички? – усмехнулся я, живо вспомнив про Краснодар.

– Илюша, – как-то особо ласково заговорила Раечка (значит, что-то будет просить или предлагать, заранее зная, что это не совсем приятное мне), – знаешь, что ещё сказал Никита Григорич?

– Ну, что?

– Там можно получить квартиру, – с придыханием сказала Рая.

– Где? – спросил я, углублённый в свои какие-то пуливые догадки.

– Ну, я же сказала: в посёлке.

– В каком?

– Ты что, не слушал меня? В посёлке Свободный, где Никита Григорич с бригадой работает.

– Извини, я что-то прослушал. Это в каком Свободном, – ещё более заинтересовался я, – в нашем Черёмуховском районе, что ли?

– Да. Ты ещё года три назад про этот посёлок писал, про тамошний комбикормовый завод, который не достроен был. А сейчас там и завод открыли, и новый жилой дом сдаётся. А народу пока мало. Никита Григорич сказал, что если мы успеем... Там и новый клуб открывается, может, библиотекарем устроюсь или ещё кем... Поедем, Илюша! – Рая уткнулась мне в грудь. – Я устала здесь... А писать ты и там будешь. И Чернявка моя рядом, и Чернозелье... Поедем. Увези меня отсюда... Я хочу, чтобы у нас своя квартира была... И чтоб не перебиваться с копейки на копейку... Я устала... Поедем. Там и садик будет, и школа в райцентре, недалеко.

– А где Славик? – вспомнил я про сына.

– Я же сказала: у тёти Таи. Он немного приболел. А у неё уютно, она и молочком его там попоит... Я же опять устроилась в библиотеку... Если в Свободный поедем, увольняться будет неудобно – только ведь устроилась... Ну и пусть! – упрямо встряхнула головой Рая. – Нам чего же – скажу директору – всю жизнь по чужим квартирам мыкаться? Я уже скоро старухой буду, – надулась она, опустив глаза, то ли воображая себя перед директором библиотеки, то ли надулась как девочка в укор мне, мужу.

Я принял это на свой счёт, и сердце чуть тронулось нежной жалостью. Я обнял её и стал тихо целовать в щёки, в губы... Всё же хорошо, что я дома! Радость наконец пробилась во мне, как бледная травинка сквозь

асфальт. И вдруг меня поразило (как же я на это не обратил внимания раньше?): в тёмно-русых волосах Раи то тут, то там – седые клочки!.. Я замер. Потом чуть отстранил жену, с ужасом всматриваясь и боязно дотрагиваясь до её волос.

– Что с тобой, маленькая моя? – спросил еле слышно.

Она сначала не поняла. Потом вдруг смущённо засмеялась.

– Это девчонки на работе: купили какой-то новый краситель, ну и уговорили меня. Так, говорят, сейчас модно. Мне идёт? Ну скажи, идёт? – затормошила меня.

– Идёт, – через силу улыбнулся я, глядя её по волосам и успев зафиксировать в себе уже обидчивое мысле-чувство, что за эту пропащую неделю жена успела реально пережить и то, и это, и погоревать, и помечтать, и даже модно окраситься – о, женщины! Оказывается, она жила, а я как бы выпал из жизни.

– Что с тобой, Илюша? – сразу почувствовала перемену в душе моей Рая (и, между прочим, нечаянно сама заметила, как позже призналась она, в усах моих первую седину, но промолчала об этом). – Ну, если не нравится, что я так окрасилась, это ведь ненадолго. Ну, не дуйся. Вставай, – встряхнула меня. – Сейчас мы с тобой отпразднуем Пасху – я же ждала тебя, готовилась. Крёстного помянем... А потом пойдём к тётке Тае. Ведь я же люблю тебя, – шептала Рая стыдливо. – Я верю, что мы когда-нибудь всё равно будем счастливыми. Всё равно, всё равно! – упрямо повторила. – И ты напишешь свой роман о Чернозелье. Я верю, верю! И все будут говорить, что ты настоящий писатель. Пойдём, Илюша! – Не отрываясь от моей груди, она насильно приподняла меня с подушки.

– Где моя одежда? – спросил я.

– Мне показалась она... грязной какой-то, – ответила Рая. – Я её вытряхнула на улице и постирала.

– Знаешь, Раюша, мне тоже надо отмыться...

– Помыться? А я тебе сейчас воды в тазе согрею, – живо ответила Рая. – Ой, да зачем в тазе?! Я же баню в субботу топила: тебя всё ждала... В котле и вода осталась тёплая. А вообще, хочешь, я протоплю ещё? Ведь ты любишь париться?

– А ты как будто не знаешь: конечно, люблю. Но разрешит ли хозяйка? – спросил я.

– А её нет. Она к дочери уехала внуков нянчить. А баня тёплая, быстро нагреется. Хочешь? А потом пойдём к тётке Тае. Славик обрадуется!

– Ну, тогда протопи. Но только если пойдёшь со мной париться. Пойдёшь?

– Пойду, – тихо ответила она, прижимаясь ко мне и чувствуя, что я хочу её. – Подожди... потом, потом... – шепнула.

И её тёплое, почти горячее дыхание до сладостной муки обожгло мою душу.

Потом мы ели творожную пасху и пили чай с куличом. Кулич Рая купила в магазине, а пасху из молока и творога сделала сама: ей так хотелось угодить своим мужчинам – мне и Славику! Но Славик приболел, оставшись у тётки Таи, а меня чёрт знает где носило... И всё же пасха, и кулич, и крашеные луковичной шелухой яйца дождалась меня. Всю пасхальную трапезу Рая разделила пополам: «Это мы сейчас съедим, а это возьмём с собой

к тётке Тае, похристосуемся. Ой, давай похристосуемся с тобой, а то мы ведь забыли», – радостно вспомнила она, старательно утёрла кончиками пальцев губы, встала, обняла меня и троекратно поцеловала.

Потом мы опять сидели, болтали, ели, а когда насытились и выпили немного вина (Рая – с напёрсток, да и мне почему-то блаженно не хотелось), нас вновь повлекло друг к другу.

Серебряная её цепочка захлестнулась со стальной моей, и, смущённо улыбаясь друг другу, мы долго не могли распутать кресты, точно какая-то сила не хотела отпускать нас друг от друга. И при этом я почувствовал, что перевёрнутая душа моя наконец-то встала на место. Как хорошо! Ничего больше и не надо! Любимая рядом, я дома. Я в раю.

– Илюша, давай зайдём в церковь, – когда ближе к вечеру шли к тётке Тае, сказала Ра.

Был, оказывается, понедельник, первый день после Пасхи, а по понедельникам у Раи в библиотеке выходной, я же, оказывается, проспал более суток.

«В церковь?» – я немного удивился. Шли мы по долгому мосту через Суру, и река несла весенние тёмные воды, чтобы скоро высветлить их под солнцем и синим небом. На ум внезапно пришли чьи-то стихи, точно куры с чужого двора радостно залетели в соседний огород:

*Дум первородных я полон и чувств,
Полон, как короб добра.
Ласточкой шёпот срывается с уст:
Посолонь – Солнце – Сура!*

– В церковь? – светло улыбаясь, спросил я.

– Или после этого нельзя? – Рая постеснялась взглянуть мне в глаза.

– После этого? – обнял и чуть засмеялся я (мне нравилось, когда она кротко стыдилась). – После этого как раз и надо: Бог любит, когда от детей его пахнет тёплым семенем любви.

– Илюша, перестань! – прижимаясь ко мне, легонько дёрнула она меня за локоть.

– Пойдём. Я помолюсь за тебя.

– А я – за тебя.

– И за всех.

Зашли в храм при недавно открытом в Сурграде женском монастыре. Подали скупую мелочь нищим на дворе – хмельному культяпому инвалиду лет пятидесяти и худой, сутуловатой девице, кроткой и явно с приветом. Купили и поставили по дешёвенькой свечке: Рая – Богородице, я, вспомнив о новопреставленном крёстном Георгии, – Святому Георгию. Встали в задних рядах. Службу вели священник и звонкоголосый диакон. Священник (он стоял лицом к открытым Царским вратам, но как-то устало, точно некогда изгнанный, а теперь возвращающийся в рай Адам, причём раздумывающий – войти, не войти?) со спины, хотя и в праздничном облачении, показался знакомым мне. Когда повернулся лицом... Ну конечно же, это был отец Семён. Я знал, постоянного прихода у Ферапонтова с некоторых пор не стало, владыка Серапион посылал его теперь то туда, то сюда, сейчас вот в женский монастырь. Вид у попа был и в самом деле усталый. Я искоса молча взглянул на жену: узнала ли она в священнике

художника-авангардиста Сеню Ферапонтова? Но видевшая Сеню раньше всего несколько раз, к тому же безбородым юношей (а теперь он заматерел, заугрюмел, устал), – нет, похоже, она не признала его. Но смотрела на служителя как-то странно, как-то испуганно и напряжённо, чуть-чуть теснясь бочком ко мне.

Народу на вечерней службе было необычно много, но в основном женщины, большей частью пожилые. Впрочем, кое-где мелькали и молодые лица.

– Знаешь, когда Россия очнётся? – шёпотом на ушко сказал я Рае.

– Когда? – тоже шёпотом спросила она.

– Когда в церковь будет ходить десять процентов населения, а из них – десять процентов непременно молодых мужчин.

– А почему десять?

– Это мистическое число. И мне кажется, этой закваски вполне достаточно, чтобы заквасить всё тесто – всю православную Россию. А уцелеют православные – уцелеют и все.

Рая отступила от меня на полшага вбок. И сделалась серьёзной. Я тоже. И мы молились: за нашу семью, за Россию и за всех. А ещё мысленно, своими словами помолился я за собратьев по перу, малых и больших, познавших и не познавших славу, признанных и неузнанных – всех, кто уже отошёл в мир иной – мир таинственный, мир безмолвный почти, помолился жалкой, ничтожной, малосильной и чёрствой молитвой, которую, быть может, Господь и услышит – услышит и окрасит благодатным пламенем Своей силы, и кому-то оттого станет легче: если кто горел по плечи, будет гореть по колена, как скажет позже один поэт.

Когда священник кадил, обходя храм, Рая опять вплотную пододвинулась ко мне.

– Илюша, – глазами показала в сторону батюшки, – кажется, вон тот человек тебя привёз вчера. Только он в обыкновенной одежде был.

– Кто, батюшка? – удивился я.

– Нет, который позади батюшки идёт, тоже с кадилом и... огненным чем-то... свеча, что ли, такая?

– Кто – позади? – не понял я (я так и не сказал ей, что это служит Сеня Ферапонтов).

– Ну вон же, в белых одеждах. И, смотри, у него над головой... венчик, как у святых. Это, наверное, ответ от свечи, да?

– Где?! – ещё более удивился я, потому что никто за отцом Семёном, вроде, не шёл, он кадил один. На вскидке, взлетая как зыбка, кадильница скрипуче позвякивала; дым густо ипряно выпыхивал, растекался тонким туманом поверх голов и медленно уходил, рассеиваясь, под купол. Ферапонтов ступал тяжело и устало по храму. Проходя мимо нас, конечно, признал и молча поклонился. Я ответил тем же, а Рая... Рая же, однако, тоже поклонилась, причём смущённо, но не ему, а как бы вослед.

– Он меня узнал, – тихо сказала Рая, вся пунцовая, тесно-тесно прижимаясь ко мне.

– Кто?!

– Ну тот, который сзади.

Сзади никого не было, даже диакона.

– Он, наверное, тоже священник. Он мне поклонился, и я, сама не знаю почему, тоже.

Я стоял как дурак. Потом рука моя невольно потянулась ко лбу, медленно к правому плечу, к левому...

– Ангеле! – прошептал я, потому что всё понял: Рая видела невидимого никому, кроме неё (значит, ей дано!), Ангела – посланника Господа, при-служивающего уставшему безвременному священнику, отцу Семёну, похоже, заранее ведая о будущих напастьях на него и его духовных борениях. И был этот Ангел – девятый по чину из последней триады, по прованию средь белокрылых собратьев Расстрига. Сладкий озноб прошёл по моему телу, я растерянно и радостно улыбался.

– Ты чего? – изумлённо поглядывала на меня Рая.

– Потом расскажу, – шепнул я жене и сосредоточенно пытался молиться.

Но мысли кружились как влюблённые голуби. А может, я опять брежу? Да нет же, успокаивал себя. Однако скоро отчего-то стало немного грустно.

К концу службы, когда пелся тропарь святому, моё внимание привлёк знакомо стриженный молодой затылок. Тот человек, почувствовав мой взгляд, оглянулся. Это был... Димка, сокамерник! Губы его вычертили удивлённо дугу, затем весело перевыгнулись кончиками вверх. Наклонившись к невысокой молодой женщине в белом шарфике на голове вместо платка, он что-то шепнул ей и бочком протиснулся ко мне.

– Здорово, писатель! – сказал негромко и пожал руку. Стал рядом, с любопытством оглядев Раю. – Жена? – спросил меня, но так, чтобы Рая не услышала.

Я кивнул.

– А моя – вон, – указал глазами Димка. – Ты своей-то сказал?

– Нет, – шепнул я.

– А мне по самое немогу влетело. – Димка тихо засмеялся, потом широко зевнул. – Второй день сонный как муха, хожу зеваю и зеваю. Жена говорит, когда в церкви зеваешь – это бесы выходят. Правда, что ль?

– Наверное, – ответил я с улыбкой.

– Ну, я пойду, – сказал Димка, – а то вон, видишь, уже зыркает. – И стал осторожно пробираться обратно к своей половине.

– Это кто был? – спросила Рая, когда после службы выходили из церкви и Димка опять протянул мне руку на прощанье.

Жена у него была худенькая, симпатичная, если не красивая, но чересчур серьёзная; смугло-матовое, с тонкими чертами лицо её, обрамлённое белым, отдавало и вправду религиозностью, о которой Димка говорил в камере.

– Мы вместе с ним срок тянули, – усмешливо ответил я, сам поглядывая в сторону алтаря, где возле амвона стоял отец Семён в окружении пожилых прихожанок.

– Ну тебя, Илюша, никогда ты добром не скажешь!

– Потом, потом, моя маленькая. Расскажу в романе. И про того, кто поклонился сегодня тебе, тоже расскажу. Я его вспомнил.

– Правда, ты его знаешь?

– Правда. Но пока не расспрашивай.

Перекрестились на выходе и некоторое время шли молча. Потом Рая приостановилась и задумчиво сказала:

– Знаешь, Илюша, я его тоже прежде видела. Я теперь, кажется, вспомнила. Когда я тебя ждала с похорон, а тебя всё не было и не было, я так тосковала!.. Проснусь среди ночи и плачу, пока не усну опять. Однажды тоже поплакала-поплакала (я со Славиком спала), а потом мне приснился сон: будто я опять работаю почтальоншей.

– А разве ты работала? – удивился я. – Ты мне никогда не рассказывала.

– Да я одну только зиму, когда на втором курсе училась. По воскресеньям разносила газету «Добрый день!» и деньги пенсионерам. Я на туфли

зарабатывала. Помнишь, у меня беленькие туфельки были? Это я сама купила. А Ваське – болоньевую куртку, – с гордостью сказала Рая.

– И ты ходила в синем вязаном беретике? – удивляясь всё более, спросил я.

– А ты откуда знаешь? А, ну видел, наверное, у нас в избе, он до сих пор цел, в нём кошка спит. Я вообще в детстве мечтала стать стюардессой и любила шить, а потом любила вязать синие беретики. Мне ведь идёт синий цвет? Да? Ну вот, снится мне...

– ...что ты приходишь ко мне в общежитие.

– Ну да, – теперь с удивлением посмотрела на меня и Рая.

– А я болен, верно? – продолжал я, чувствуя какой-то лёгкий испуг в душе. – Комнатка у меня в общежитии такая маленькая... Впрочем, я тебе описывал её. И ты, значит, приносишь мне телеграмму?..

– Нет, я приношу тебе перевод из какого-то книжного издательства, сумма большая-пребольшая, можно целую квартиру купить. Но ты лежишь почти мёртвый.

– Какой?

– Ну, без движенья. И тут появляется этот мужчина, священник.

– Отец Семён?

– Какой отец Семён? Да нет! Появляется тот, который за батюшкой шёл, в белом весь. Он говорит: «Заледенел весь» – про тебя. Ты, говорит, разденься вся и ложись с ним. И дыши ему в губы и в уши и крепче обними, это твой жених.

– То есть не муж ещё?

– Нет, я же девчонкой совсем была, когда почтальоншей работала.

– Во сне?

– Ну да, и во сне и не во сне. Какой странный сон, правда?

– Мне что-то снилось подобное, – задумчиво сказал я, крепче прижимая локоть жены.

Мы шли тихонько, обходя осторожно небольшие лужицы на тротуаре, прихваченные морозцем. До тётки Таи оставалось недалеко.

– Но это было, когда я ещё не знал тебя... То есть я тебя уже знал, там, – кивнул я куда-то ввысь.

– Где? – не поняла Рая.

– Ну, где души заранее встречаются, в астрале, что ли... Хотя это ересь, наверное... Ну, не знаю, где. Там, – опять кивнул куда-то неопределённо, – там нет времени. Или какое-то другое время, без будущего и прошлого. Поэтому нам и снились сны на двоих. Поэтому мы и встретились здесь, потому что встречались уже там, на тропинках наших снов.

– И были другими?

– Нет, зачем же? Мы такими же и были. И будем. То есть другими, но теми же.

– Я немного не понимаю, – виновато сказала Рая.

– И не надо, – поцеловал я её в висок. – А знаешь, кто это был, ну тот мужчина?

– Кто? – как голуби вспорхнули её глаза.

– Я не хотел вообще-то тебе говорить...

– Ну скажи, прошу тебя, Илюша! – нетерпеливо и капризно притопнула ножкой Рая.

– Хорошо, скажу. Это был Ангел, девятый по чину из последней триады. Он за одну благородную провинность принуждён жить на земле, а не на небе. Он опекает нас – поэтов, писателей, художников. Иногда спасает

от смерти или даже извлекает из ада. У него прозвище – Ангел-расстрига. Мне кажется, ты ему понравилась.

– Ой, Илюша, ты выдумщик такой! – засмеялась Рая. – Скажи, ты сейчас это придумал? И про сон тоже? Ну, признавайся, признавайся! – затормошила Рая.

И мы оба остановились, влюблённо глядя друг на друга.

– Знаешь, – сказала она, – я ведь и раньше про тебя сны видела.

– Когда?

– Когда мы не встречались ещё. Или я уже выдумываю, как ты?

И она засмеялась.

Уже смеркалось.

– Знаешь, – тихо, почти шёпотом сказала Рая, – а мне всё равно нравится, что ты у меня писатель, и я верю...

Тут мимо проскочила иномарка. Но остановилась и задним ходом стремительно подкатила к нам. Открылась дверь, и, не заглушив мотор, в спортивном костюме вышел... Ян.

– Здравствуйте, – сказал он и не успел протянуть мне руку, как Рая бросилась ему на шею.

– Яник! Яник!..

– Ну всё, всё, малышка... – чуть смущённо, осторожно отстранил он сестру, уткнувшись пару раз губами в её щёки. – Я заезжал к вам – никого нет. Думаю, наверное, у тётки Таи.

Я неприязненно усмехнулся: с чего это шурин заинтересовался нами? Наверное, как-то это связано с кутузкой...

– Сестрёнка, извини... – сказал Ян, коротко бросив взгляды кругом.

Улица была безлюдной.

«Не выследил ли Ян нас специально?» – подумал я.

– У меня к твоему благоверному небольшой разговор. Давай отойдём, – предложил шурин мне.

Отошли на шагов пять.

– Формальности ради... – начал, немного ломаясь, Ян, – ты за что в обезьянник попал? По пьянке, наверно?

– Какое это имеет значение? Попал и попал, – ответил я с неприязнью. – Чего надо, говори.

– Ладно, не моё дело. Слушай... ту девушку... мою... помнишь? – уже чего-то конфузясь, спросил Ян, однако внимательно ощупывая меня глазами.

Я тоже прикидывал, что ответить.

– Мне показалась она знакомой. Но я, кажется, перепутал.

– Она сказала, что ты назвал её Варей, так?

– Ну, так.

– Значит, ты знал девушку, очень похожую на неё, по имени Варя?

– Что за допросы, Ян? – Я взял повышенный тон.

Шурин это почувствовал, но заговорил примирительно и уже не глядя мне в глаза:

– Дело в том... дело в том, что у неё пропала сестра год назад. Они близнецы. Я наводил мосты: она, кажется, ходит по рукам у чеченцев. У них по всем трассам свои хазы. Там и шмар под марафетом для своих держат. Больше года ни одна не выдерживает: или затрахают, или передозировка, ну а труп – за борт. Так что, если что знаешь...

В одно мгновение вспомнил я гостиницу в Черёмухово, хитро-нагловавшую чеченку, вспомнил утро («Ты стыдишься меня...») и как потом хозяйка усмехнулась, когда я спросил, где девушка из моего номера («За девушку

надо платить, молодой человек. Уехала девушка. Куда? Нэ знаю, нэ знаю»). Так и есть, похоже, закабалили.

Об этом коротко и сказал я шурина: как выпрыгнула она из машины, как ходили в милицию, как потом устроил её в гостиницу. Промолчал лишь о том, что спал с Варей. Да Ян, возможно, и так догадался. Он посмотрел на часы, предложил встретиться завтра, сказал, что спешит и, попрощавшись с сестрой (нежно, как-то любовно попрощался, как и не бандит, глядя со стороны), быстро уехал.

Рая спросила, о чём мы с ним говорили.

Действительно, что за секреты у писателя и бандита? Сухо усмехаясь, я ответил, что шурина предложил мне за хорошие баксы написать художественно-документальную повесть о его братках.

– Действительно?!

– А почему бы и нет? Всем хочется прославиться под моим гениальным пером. Но я отказался и послал его по другому адресу.

Рая внимательно посмотрела на меня, поняла мою насмешку, круто повернулась и пошла одна. У меня испортилось настроение. Мелькнула мысль: тоже повернуться и уйти домой. Но, пересилив дурацкое желание, догнал жену, обнял, сказал, что Ян интересовался, нет ли у меня хорошего знакомого художника: кому-то понадобилось подарить или заказать портрет... Словом, пообещал помочь. Виновато улыбнулись друг другу и опять, но уже молча, пошли вместе.

Ночевали у тётки Таи. Она постелила нам на полу (больше негде), и Славик ни за что не хотел расстаться ни с папой, ни с мамой – так и лёг меж нами. Но тётка жестами показала нам: когда, мол, уснёт, перенесёте его к ней на койку – и понимающе подмигнула нам.

В самом деле: ночь темна, пол не скрипнет, не охнет, да и бабка Тая глуха, хоть ей в ухо кричи, Славик дрыхнет без задних ног – любитеесь на здоровье, пока молоды, пока жарки тела и горят ещё души. Всё проходит.

Но после любви снилась мне, как ни странно, Варя. То есть как бы не сама Варя, а её сестра, Янова девушка, Руся. Я плыл по Кудеярке-реке на разбойничьем струге. Сидел, подбоченясь, на багровом персидском ковре, и в ногах у меня возлежала полуобнажённая, раскосоглазая красавица, балладная Олёна (она же Варя и она же Руся). Вдруг на крутом утёсе, мимо которого плыл мой чёлн, как индеец с винчестером, вырос Ян. «Ты увёл у меня мою девушку, ты изменил моей сестре!..» – крикнул он и прицелился в меня. И страшно стало. Но пересилил я страх и, расставив по-моряцки широко ноги (судно почему-то качало), выпрямился во весь рост и с презрительной улыбкой ждал – секунда, другая, третья!.. – ждал горячий поцелуй бандитской маслины в распахнутую грудь. Персиянка обвила мои ноги, умоляя сесть, спрятаться за борт. Но я, сцепив зубы, стоял и ждал, причём несколько не сомневаясь, что шурина выстрелит и застрелит меня... Разве что промахнётся, потому что качает... И выстрел грянул... и пуля, тупая, большая, как орудийный снаряд, медленно пролетела мимо, но не из-за качки: это появившаяся рядом с братом Рая («Не надо, Яник! Не надо!» – неистово закричала) успела подтолкнуть его под руку, и пуля, уже тонкая как игла, попала и прошла золотистую грудь персиянки... И долго, долго потом мучила меня, до самого утра мучила разбойная песня про воровских коней да про ленту, вплетённые в чёрные гривы, и нёсся я на вороних своих в бешеной скачке, и уже не знал, кто рядом со мною – Рая или Варя, умирающая или ожившая персиянка?..

Когда проснулся, чуть светало. Я осторожно разбудил Раю и нежно, как бы виновато, а потом всё более разгораясь, стал целовать её тёплые, влажные губы. Она приходила в себя после сна и ответно загоралась желанием.

Наступал второй день Светлой седмицы.

Глава 32

ПОЕДИНОК. СХОЖДЕНИЕ К МЁРТВЫМ

На следующий день я встретился с Яном в баре «Жемчужный». Ян заказал отдельный столик. Пили «смирновскую» водку и новомодное пиво «Балтика». Закусывали орешками, но оба пьянели мало. Достаточно быстро выяснили, что произошло весенней ночью прошлого года, когда я, будучи в районной командировке, под хмельком заскучавши по жене, решил уехать на ночной попутке в Сурград и оказался случайным свидетелем, как из кабины дальнбойщиков выпрыгнула молодая девушка (Варя), а сестру её (Русю) увезли в неизвестное.

После из кое-каких намёков шурина я додумал следующее.

Шаловливые мужички, шофёр и его напарник – любители девочек-попутчиц, вовсе и не подозревали, что их «пасут» из самой Москвы. Банда Яна должна была грабануть их за райцентром Черёмухово. Но дело осложнилось тем, что, не доезжая райцентра, в посёлке Свободный (или Сбродный, как переименовали его в народе) дальнбойщики подцепили двух девчонок. Куда их несло ночью? Ян, возглавлявший группу, решил, что девчонки едут в райцентр, там выйдут. Поехали следом. Но держались от транзита на приличном расстоянии и не поняли, одна или обе пассажирки выскочили, как и предполагали бандиты, у черёмуховского ГАИ («Я, кстати, подумал, что это именно ты и был, – рассказывал мне Ян. – Я только подумал: с какой он стати здесь? А где вторая наездница, думаю? Наверное, за будку ГАИ зашла»).

Тормозить машину с грузом решили там, где и наметили. Поставили на крышу своей «десятки» спецсигнал, обогнали, потребовали остановиться и в два счёта обезвредили обоих водителей. Но в кабине оказалась и одна девчонка. Когда же выяснилось, что другая выпрыгнула у ГАИ, Ян подумал, что дело крайне осложняется именно из-за девицы. Однако пока впрыскивали дозы водилам, чтобы на момент основной операции отключить их, пока перегоняли машину к арендованному в поле у фермера-сообщника ангару (а тот арендовал якобы под удобрение у совхоза) и выгружали товар, Ян всё думал, что делать с девчонкой.

Ещё не нравилось Яну, что эта горлинка, по её словам, из посёлка, где жил у своей марухи Турок, не так давно сбежавший с зоны.

Побег был классный! Менты так и не сумели поймать Турка. Тот с двумя корешами несколько месяцев затем лежал то на одной, то на другой хате. После дружков его отправили с ксивами в другие города. А сам Турок решил подзадержаться. Ухмыляясь, сказал, что у него в здешних краях маруха есть, с которой он хотел бы повидаться, из-за неё он, собственно, и на гастроли в Сурград попал, да не повезло – погорел на петрушке (квартирной краже). Маруху же, по его рассказам, он закадрил перед последней отсидкой, когда гастролировал у азиатов. Прикинулся фартовым мужиком, якобы с Севера вахтовик. Баба втюрилась в поджарого, с прикидом одетого пятидесятилетнего Турка как кошка. По подложным документам он даже вступил

с ней в законный брак. Но недолго нежился вор в её объятиях: скоро их с подельником взяли. Однако из-за перестроечной неразберихи рецидивист умудрился срок получить незначительный, маруху же сумел убедить, что он её в самом деле полюбил и будет всегда любить, пусть только ждёт его. И она сперва ждала, даже пару раз приезжала к нему на свиданку. Но когда он вышел, оказалось, она переехала в другой город, в Россию.

Перед тем как сделать вылазку из притона к любовнице (от чего Ян отговаривал его: ведь сбежавший с зоны Турок был во всероссийском розыске, но это его не останавливало; заодно он напрашивался взять его на дело, которое готовилось в том же районе), он попросил Яна лично разнюхать, как там его однохлёбка, ждёт ли его. Если всё нормалёк, напугствовал его старый стервятник, пусть Ян поинтересуется заодно насчёт барулиных девочек, дома ли...

«Стоп! – озарила Яна странная догадка, и он заново прокрутил в уме весь тогдашний осторожный базар с Турком, перед тем как поехать к той женщине, живущей в посёлке, который совсем недалеко от его родного села... – Стоп!» Ян напрягся всей душой, догадываясь, что именно эта выглядывающая из-за шторы шофёрской лежанки чувиха – одна из дочерей той самой женщины, с которой и встретился Ян неделю тому назад с целью узнать, ждёт ли, в самом деле, она Турка, готова ли принять его в свои объятия и знает ли, что он в розыске.

Женщина та Яну, между прочим, понравилась: ещё не старая, лет сорока, тихая, симпатичная, гостеприимная... только явно удручённая. Выяснилось, что недавно её уволили с работы по сокращению штатов. Работала она фельдшером в Черёмуховской райбольнице, а у неё две дочери: одна в институте учится в Сурграде, другая бухгалтерские курсы окончила, но устроиться на работу ни в посёлке, ни в райцентре нет возможности, поэтому тоже в Сурград собирается, может, там что подыщет, а первое время у сестры в общежитии проживёт. Что ж, пусть. А как тут жить? Просто невозможно. Хорошо, свой участочек приусадебный есть. Но где работать?.. Правда, обещают вот-вот комбикормовый завод в посёлке наладить... Ян вынул пачку денег и, положив на стол, сказал, что это Игорь (под таким именем женщина знала Турка) ей и её дочерям передал, он там хорошо зарабатывает. Она сконфузилась, и Ян подумал, зря он эту, очевидно, хорошую бабу, сводит с таким оглоедом. Но раз взялся за дело, нечего взад пятками. Мелькнула ещё какая-то подозрительная мыслишка насчёт дочерей этой женщины, то есть насторожила какая-то лукавая заинтересованность в них Турка.

И три дня тому назад Турок подался к своей марухе. Но что произошло там, если это те самые девчонки, одному дьяволу известно. Всё это моментально прокрутилось в уме у Яна.

– Ты где там в посёлке живёшь? – спросил настороженно он, обернувшись к девушке, скукожившейся на лежанке, и шире расшторил обе половинки занавесок.

Девушка глубже забилась в угол. Она понравилась ему, эта полуазиатка. И имя её ему понравилось – Руся.

– Где, спрашиваю, живёшь там?

Девушка молчала, глядя на него блестящими глазами.

– Я вас видела, – вдруг сказала она. – Вы не такой, как он.

– Где же ты видела меня и кто это «он»? – не подал виду Ян, что слова её довольно сильно ошпарили его.

– Вы были у нас. Вы маме деньги передавали от него... – сказала Руся, не отрывая от Яна, как зачарованная, своих от страха блестящих глаз и начиная дрожать от напряжения душевных сил.

– Поедешь с нами... со мной, – сказал Ян. – Только не дай бог выкинешь какой-нибудь фокус! Ясно?

– Да.

– Так как тебя зовут?

– Руся... – повторила она своё имя с заминкой. – Мария, – поправилась.

– Сиди спокойно, Руся-Мария. Не дрожи, успокойся.

Потом, когда отъехала пустая машина, Ян ещё минут пять сам лично осматривал место возле ангара, высвечивая вокруг фонариком, не осталось ли чего подозрительного на земле, на воротах, и так далее. Снова сел в кабину.

– Чё будем делать с этой биксой? – спросил один из поделщиков, который за рулём.

– Берём с собой. Я отвечаю за неё.

Затем из кабины грузовой машины Ян с девушкой пересел в «Жигули». Скоро выехали с полевой дороги на автотрассу, где в придорожных посадках их поджидала другая легковая машина. В той машине связанные и ещё не пришедшие в себя под охраной двух парней лежали шофёры ограбленной машины, в кузов которой их и бросили. Машину отогнали на границу Черёмуховского и Окшанского районов и оставили в лесополосе. А сами через час уже были у татарина Расула, хозяина придорожного отеля.

О, если бы знала Руся – та из сестёр, что оказалась свидетельницей грабежа, а потом стала и подружкой Яна (барухой, барулей, горлинкой – как их только не называют на своём воровском языке эти слуги ночного беса), если бы она знала, что в том самом номере, где Ян посвятит её опьянённым утром в свою воровскую любовь, к вечеру того же дня в том же номере сестру её, Варю, посвятят в рабыни-проститутки два лица кавказской национальности, и судьба несчастной предрешилась. Выходит, в своих бредовых мирах я видел её бессмертную душу, когда бесчувственное тело её после сотен и сотен надругательств над ним пасхальной ночью год спустя расставалось с жизнью в сладко-безумной истоме наркотической передозировки в такой же придорожной гостинице, как и предполагал Ян. Но Руся об этом не узнает. Ей, живой, неведомо было то, что порой бывает ведомо мёртвым или сходящим к мёртвым.

В уголовной хронике «Новой молодёжной» газеты я прочту, что некая бизнесменка Валентина Гостеева была убита и ограблена недалеко от молодёжного кафе «Привал». Убийцы найдены: два молодых «отморозка» позарились на кошелек, из которого женщина швыряла деньги направо-налево, не так-то легко добываемые ею перекупкой, увёртками и всяческими хитростями, на которые так наловчился-наблатыкался русский бизнес. Значит, я заранее видел посмертную участь души Валентины. Зачем, для чего видел? Не мог я объяснить, ради чего мне дано было увидеть и души других: скауластой дебоширки Зинаиды, которую, согласно той же хронике, убил пьяный сожитель; и душу бывшей учительницы Пальмиры Ивановны, умершей, оказывается, как шутили хроникёры, на помойке от сердечного приступа. За пазухой учительницы обнаружилось с десятков фотографий, упакованных в целлофановый мешочек: на одном – она сама, ещё молоденькая практикантка, с детьми начальных классов на фоне обезглавленной сельской церквушки; на остальных – она уже взрослая учительница-горожанка

с выпускными классами. Я читал эту зубоскальную информацию и не столько думал о тех сумасшедших видениях-наваждениях, которые для чего-то были пережиты мной с такой явью, что запечатлелись в моём сердце навсегда (я и сам не знал, для чего, но факт оставался фактом: что-то же было со мной!), я думал скорее о горькой, но и прекрасной судьбе России: «Родина моя! Птица моя! Куда, в какие силки заманят тебя новые ловцы? Не сломаются ли твои белые крылья? Не ослепнут ли твои голубиные очи? Не перестанет ли биться твоё беспокойное алое сердце, тронутое уже остудой расхристанных времён? Родина моя! Русь моя! Жизнь моя!..»

– Тебе деньги нужны? – спросил Ян в конце нашего разговора в пивной, когда в общем-то выяснили, что случилось с сёстрами-близнецами (разумеется, оставив недосказанное про себя), и я дал понять шурина, что Вари, очевидно, нет в живых.

– Деньги? – переспросил я. – Если честно, мне... нам... – поправился, имея в виду всю свою семью, Раю и сына, – нам от тебя ничего не надо, Ян.

– Брезгуешь, что ли? – недобрая улыбка скользнула по его лицу.

– Нет, не брезгую: деньги они есть деньги – не пахнут. Просто деньги от тебя не пойдут нам впрок. Я суеверный, – устало улыбнулся ему.

– Х-мы... Значит, тебе нужна честная работа? Ведь литературой семью не прокормишь, так? А в газете тебе работать, х-мы... запахло? – Ян криво усмехнулся, наверное, своему словечку.

– Почему же запахло? Не запахло, а противно. Это разные вещи.

Ян смотрел на меня с каким-то настороженным одобрением.

Так что же мне надо, спросил.

А ничего не надо.

Хорошо, согласился шурин. В таком случае, он откроет нам с сестрой торговую точку, будем торговать шмотками, продуктами... книгами, если угодно, и никто нас не тронет, никто не наедет...

– Знаешь, Ян, я не хочу быть ничем обязанным тебе. Извини.

– Хочешь прожить эту сучью жизнь не прогнувшись?

– Как Бог даст.

– Ну, ништяк. Я это... уважаю.

И оба встали, думая, подать друг другу руки или нет. Неохотно, но всё же подали. Ведь нас связывала, сковывала воедино дорогая нам женщина: его сестра и жена моя. И что-то ещё связывало нас, что-то ещё...

ВМЕСТО ЭПИЛОГА: ЗЕЛЁНАЯ ТРОИЦА, СВЕТАЯ РОДИНА

«10 июня, 1995 г. Завтра Троица. В Чернозелье это престольный праздник, хотя храма давно уже нет. Веруем или не веруем, но празднуем.

С горем пополам наскребли денег, чтобы всей семьёй съездить в деревню. Из Чернявки в гости к маме наверняка придут Марья Антоновна и Васька. Он уже взрослый пацан, готовится в армию, в десантники. Но ведь время-то какое! Впрочем, пусть лучше в армию идёт, иначе угодит в бригаду брата, а там пойдёт по кривенькой дорожке (так обыкновенно вздыхает тёща о старшем сыне, о Яне).

Думаю, непременно приедут и родственники из Черёмухова. Будет весёлое застолье. Троица! С вечера я накошу травы, принесу в избу, чтобы устлать полы. Я люблю этот праздник какой-то языческой чувственной любовью. Сочно-зелёная, берёзовая моя Троица!

Утром пораньше, несмотря на то, что пройдёт дождик (без него этот чудный день редко бывает), всей толпой – тётка Зоя и тётка Рита, сестра Люся, их мужья и дети, Васька, Рая, Славик и я – всей гурьбой мы пойдём на Салолейку – святое место нашего края. Там сорок серебряных бьют родников, и из каждого надо выпить по глоточку (по легенде, это сорок чистых душ, убиенных злодеями). Идти нам далеко: надо перейти Окшу, потом берегом, изгибами вниз, потом по мокрым изумрудным лугам и перелескам. А вот и дальний еловый лес, полный озона, комаров и таинственных шёпотов. Кукует-гадает обманчивая кукушка, аукает беспокойный леший в глуши. Мелькнёт редкая зверушка понизу меж деревьями, перелетит с ветки на ветку незнамая птица. С каждого листочка и каждой хвоинки восклицательным звоном свисают хрустальные капельки раннего дождя. Тряхнёшь озоровато над теми, кто пройдёт под кустистой веткой, ливень тотчас и обдаст с ног до головы – и только весёлые визги и вскрики! Я иду впереди, я вожак, хотя лес знаю плохо, но остальные и того хуже, потому веду весёлый табор почти наобум, куда Бог выведет. И, конечно же, как всегда, заплутаемся, потому что растерзанные воровскими лесовозами дороги расползаются, как ужи после зимней спячки.

Приостановимся, замешкаемся: куда идти? Тётка Зоя, нетерпеливая и от лесного воздуха немного нервная, отмахиваясь веточкой от комаров, в сердцах непременно брякнет: «Вот знала бы, ни за что не пошла бы с вами!» Рита же, спокойная, мечтательная (они всего-то меня на девять и десять лет постарше, мы выросли вместе, под одной крышей, потому я считаю их скорее сёстрами, чем тётями), Рита оглянется вокруг: «Как хорошо! – скажет как ни в чём не бывало. – А давайте-ка лучше отдохнём и перекусим малость». И детям вынет по пирожку с яйцами и зелёным луком, а нам, взрослым, нальёт по рюмке хорошего первача. Выпьём, посмеёмся, и – что ты! – нужная дорога вмиг сама определится. Уставшего Славика я посажу на плечи, ему всего-то пять годков, и пойдём мы легко и бодро. Глядь – и уже на Салолейке! Народу тьма-тьмущая! Выстояв очередь, триедино зайдём в закрытую купальню – я, сын и Рая. Разденемся донага. Огненно-ледяной поток гудит из-под жёлоба, падает, разбиваясь на тысячи обжигающих искр о дубовый настил. Я подхватываю сына на руки, Рая, ёжась, вцепится в меня, наберётся духу, и все трое – раз! – и под поток. Сердце так и займётся!.. Но сперва надо перекреститься, а потом уж под водопадом обязательно трижды повернуться посолонь. Или против – тут уж как получится, потому что жутко и весело. Славик и Рая завизжат... Зато когда выйдешь-выскочишь – тело всё так и пылает! И душа горит ясным, берёзовым светом. Это и есть наша древняя русская Троица. И какое дело до догматики? Хотя знать, конечно, и про то надо, и верить – как полагается: в Отца и Сына и Духа Святаго – Бога Триединого.

Не столь давно мне приснился дивный сон.

Иду я, спускаюсь по улице Красной. Это самая крутая и старинная в городе улица, кое-где ещё уцелел первородный булыжник. И хотя я иду усталый, но под горку с каждым шагом всё легче и легче, а самое важное – душа в предощущении какой-то небывалой радости: чувствую, что-то сейчас случится, что-то я должен увидеть, услышать и узнать необыкновенное! Прохожу мимо кустистой зелёной ивы, машинально срываю ветку и, как это

бывает, прикусив, держу в губах... Почему-то приостанавливаюсь и невольно оглядываюсь назад: на полугорье стоит то ли недостроенная, то ли разрушенная церковь из красного кирпича, какие ещё тут и там уцелели. И мне горько. Но взор потянуло обратно: вперёд, вдаль. И вижу: внизу, под горой, где были Райки – самое тихое, чудное, сплошь в садах в Сурграде место, а ближе к Красной, справа, стоял кинотеатр, откуда пунктирной линией бежала вверх на Боевую гору канатная дорога, слева – мэрия, дальше – цирк, училище, железнодорожный вокзал – там ничего этого больше нет: ни садов, ни домиков, ни улиц, ни зданий – ничего. Но теперь – голубой залив-лагуна. И в этой солнечно-лазурной лагуне недалеко от берега высится остров, из буйной зелени которого белокаменный вырастает храм, белый-пребелый, даже с розовым, каким-то звенящим, будто майский вишнёвый цвет, отливом. Луковки же над храмом – как васильки краем спелого поля. Дыхание перехватывает... И вдруг сердце забилось так сильно, так радостно... и так тревожно, потому что я почувствовал в себе что-то странное, непривычное и как бы надчеловеческое. И точно, оглядываю себя: вдоль рук боевыми щитами два вытянутых, два крепких, будто выкованных из драгоценного сплава, два крыла у меня. И стою я как зачарованный, но знаю: стоит захотеть, стоит пошевелить волшебными крылами, как вознесут они меня, и полечу я легко, как Ангел небесный, как голубь с радостной веткой в клюве, туда – на дивный, зелёный, на солнечный остров, где лебедино-белый вздымается храм с голубыми куполами в золотых надмирных звёздах. Там, там моя светлая, вечная родина. Лети, лети, моя душа!»

Санаторий «Берёзовая Роща», г. Пенза
1995–2019 гг.

**Ольга
АНДРЕЕВА**

РАВНОДЕНСТВИЕ

День выскользнул из рук
блестящей нервной рыбкой,
и разомкнулся круг
беспомощной улыбкой.

Я больше не стрела,
я слово «цель» забыла,
я формулу нашла –
пройдёт и будет мило.

Нет воли у души –
но, став зачем-то смелой,
смириться не спешит
с унылой ложью тела.

Я не сбежать хочу
и не бежать навстречу,
я зыбкому лучу
на ровный свет отвечу.

РАВНОДЕНСТВИЕ

День равняется ночи, и тайным становится явное,
подсознание больше не прячет наивных секретов,
в зазеркалье уходит усталость, и линии плавные
образуют фантом, неразгаданный Юнгом и Фрейдом.
Март – дрожащим бутоном ещё не раскрытого крокуса,
и луна – исчезающей каплей гречишного мёда,
и покой равновесия. Мы никуда не торопимся,
оказавшись внутри зазеркалья, межвременья года.

-
- Ольга Юрьевна Андреева родилась в г. Николаеве, живёт в Ростове-на-Дону. Автор восьми поэтических книг. Публиковалась в альманахах «ПаровозЪ», «Белый ворон», в журналах «Нева», «Плавучий мост», «Эмигрантская лира», «Дети Ра», «Новая Юность», «Крещатик», «Зинзивер», Prosōdia, «Южная звезда», «Аргамак», «Южное сияние», «Ковчег», «День и ночь» и др. Лауреат конкурса «45-й калибр» (2013, 2015). Дипломант Тютчевского конкурса (2013). Финалист Прокошинской премии (2014). Член жюри конкурсов «Провинция у моря» (Одесса, 2016) и «45-й калибр» (2017 и 2018). В 2019-м заняла второе место в интернет-конкурсе «Эмигрантская лира».

С ума схожу я от такой безделицы:
на чёрной глади чистого пруда
лист облетевший кружится и стелется,
а после – исчезает навсегда.

Кружит под вальс прощанья лета бабьего,
взмывает вверх – да где там! – снова вниз.
Как будто он один над чёрной рябью
вместил в себя.. уж не мою ли жизнь?

Стою замороженно, замороченно,
в глазах туман, но я боюсь моргнуть.
Он кружится, он – юный, новорожденный...
Он что, ослеп? Он может утонуть!

А он опять взмывает вверх, наивный,
и тут же резко падает – туда.
И серебристо стынет паутина
от ужаса над чернотой пруда.

Хоть ты мне подмигни, звезда моя.
Наверно, я проснулась слишком рано.
В окне совсем темно – там только я
и трещина стекла – усталым шрамом.

Нормальных и без нас – хоть пруд пруди.
Пойдём, звезда, по улицам шататься,
осенний воздух согревать в груди
и в тёмно-синих лужах отражаться.

Я доверяю вам, осенние дворы,
свою печаль, своё несовершенство.
Как хорошо – читать деревьев жесты,
забыв о жёстких правилах игры...

Какая роскошь – просто так прийти,
без повода, звонка и приглашенья,
на огонёк, на ощупь, по пути,
и то, чего давно искал, – найти.
От пониманья долго ль до прощенья?

И говорить о милых пустяках,
и наслаждаться голосом – не темой.
Какая сила в голосах, в глазах,
какая беззащитная поэма...

Шипят и гаснут, как сырые спички,
попытки, всплески, проблески эмоций.
Чуть разговор займётся – и погас.
А времени немного – ровно час.
Потом – пора: у всех свои привычки.
Привет-пока. Останется тоска.

И каждый бесконечно одинок.
Так надо – нас такими создал Бог.

В кружевах хрустала, занавесок и окон морозных,
в рыжей капле физалиса, брошенной на подоконник,
в рыжем корпусе скрипки – прорезаны знаки вопроса.
Только нету смычка. Только скрипка ответов не помнит.

Лёг на яблоню снег невесомым божественным грузом.
Тихо плещется солнце в глазах, зеркалах, циферблатах.
И дорога искрится, зовёт и приветствует хрустом,
И куда заведёт – я не знаю. И знать мне не надо...

Всё отодвинулось в тумане.
Как чёрно-белый фильм – не манит,
не отвлекает ничего
заворожённого вниманья
от содержания своего.

Спасибо, тёплая зима,
за ненавязчивость и скуку,
дождливых дней сырую муку,
где не с чего сходить с ума,

где нету солнца, нету снега,
ни слёз, ни лёгкого успеха,
где нет зелёного побега,
но ожиданье вечно есть,

а сердце очень ровно бьётся,
спокойно в руки отдаётся,
и наконец-то удаётся
при свете дня его прочесть.

Александр
ТРАМ

ДВА РАССКАЗА

СВИДАНИЕ

СВИДАНИЕ, -я, ср.

- 1. Встреча, преимущ. условленная, двух или нескольких лиц...*
- 2. Заранее условленная встреча двух влюблённых, вообще встреча мужчины и женщины, ищущих знакомства, взаимных отношений...*

(Словарь Ожегова С.И.)

Я сидел за столом и делал вид, что просматриваю меню, хотя на самом деле я пытался украдкой рассмотреть свою новую знакомую, сидящую напротив.

Конечно, она не была в точности такой, какой я её видел на фотографии, размещённой на сайте романтических знакомств. Из множества просмотренных фотографий её не была обработана фотошопом, на что я, собственно, и купился. Ну и что в результате? Она отрастила волосы? Сменила косметику? Вполне может быть. В целом она ничего, симпатичная. И имя необычное – Кира. Да, похожа на фотографию. Я, собственно, тоже разместил наиболее удачную, на мой взгляд, которая была сделана года два назад.

Мои размышления прервал подошедший официант.

– Что будете заказывать?

– Я буду салат «Цезарь» и стакан апельсинового сока, – произнесла Кира, отложив меню.

«Скромненько», – отметил я про себя.

– А я буду американо с молоком и кесадилью, – сказал я в свою очередь.

– Кесадилью овощную или с курицей?

● Александр Трам живёт в Москве. Начинал свою деятельность как пишущий журналист, был новостным репортёром. Работал в сфере управления строительством, развития производственных предприятий, участвовал в международных финансовых проектах в странах Средней Азии и Закавказья; в качестве приглашённого специалиста работал в Китае. В настоящее время опубликовал свою первую книгу на ресурсе РИДЕРО.

- Овощную.
- Напитки сразу?
- Можно сразу, – ответил я, посмотрев на Киру.

Она утвердительно кивнула.

Официант удалился, прихватив меню.

– Ну что, приступим к официальной части знакомства? – деловито пошутил я.

– Да, конечно, – улыбнулась Кира, – только я пойду руки ополосну.

Отложив на соседнее кресло сумку и отодвинув в сторону телефон, она поднялась из-за стола и отправилась в дальний конец кафе. «Легкомысленно вот так всё бросить за столом, – подумал я. – А вдруг я жулик какой-нибудь?» Тем не менее её поведение мне понравилось. Чистоплотная девушка не сядет за стол, не помыв руки, – это о чём-то говорит. Я снял кожаную куртку и повесил её на спинку рядом стоявшего кресла, расстегнул рукава рубашки и подзакатал их, чтобы после возвращения Киры тоже отправиться в туалет и привести себя в порядок – надо держать соответствующую марку.

Кира вернулась через несколько минут, протирая салфеткой руки.

– Теперь я, – сказал я, – улыбка и поднялся из-за стола.

В этот момент мой телефон брякнул пришедшей «смской». Я лениво глянул на экран: пришло сообщение из сервисной службы телефонной компании с предложением подключить очередное никчёмное приложение. Я ухмыльнулся и, положив телефон на стол, отправился в туалет.

После того как я помыл руки, внимательно осмотрел себя в зеркале. Вроде всё на месте: я выбрит, свежая и очень приличная рубашка; можно было постричься, но зачем?.. Поморщил нос на предмет, не лезут ли какие-то волоски из ноздрей, показал зубы, язык. Остался доволен и вернулся в зал.

За нашим столиком никого не было, но стоило мне присесть, как появился официант и поставил передо мной чашку кофе, а напротив – стакан апельсинового сока. Я осмотрелся по сторонам в поисках Киры. Но её нигде не было. Пригубил кофе, добавил сахар, осмотрелся ещё раз. Заглянул через стол, где она оставляла свою сумку, перед тем как уходить в туалет, – пусто. И её телефона тоже не было на столе. «Стоп! А где мой телефон?!» По телу пробежали нервные мурашки, а на лбу выступил пот. Предчувствуя совсем дурное, я обернулся, чтобы посмотреть, на месте ли кожаная куртка, которую я повесил на спинке. Куртки не было...

– Твою мать! – вполголоса выругался я, оглядывая спинки других кресел и стульев, где-то в глубине души надеясь, что ошибся столом.

Никаким столом я не ошибся.

Окликнул проходящего мимо официанта.

– Извините, вы мою спутницу не видели?

– Нет, – пожал он плечами, – может, вышла покурить на улицу.

Пробурчав «спасибо», я встал из-за стола и вышел из кафе. Никто не курил ни у двери, ни в ближайших пятидесяти метрах от неё. Только прохожие неторопливо сновали туда-сюда. Вечерело, и город наполнялся прохладой, давая отдохнуть себе после изнывающей августовской жары.

Я вернулся в кафе возбуждённый и злой.

– Позовите администратора! – рявкнул я попавшей под руку официантке и уселся на своё место, нервно потирая виски дрожащими от возбуждения пальцами.

Администратор, дама в строгом деловом костюме, появилась у стола менее чем через минуту.

– Я вас слушаю.

– Меня обворовали в вашем заведении, – злобно произнёс я, глядя на неё.
– Как обворовали?! – выпучила она глаза. – Кто?!
– Вот за этим столом напротив меня сидела девушка. Я отошёл в туалет, вернулся за стол – нет кожаной куртки и телефона.

– Может быть, другой стол?.. – предположила администратор, нервно оглядывая зал.

– Не считайте меня идиотом! – вспыхнул я. – Я только что вам ясно, по-русски сказал, что со мной в вашем заведении была девушка. Я отлучился в туалет. Вернулся – её нет, а вместе с ней пропали мобильник и кожаная куртка.

Дама выслушала меня, а потом с совершенно неуместной иронией решила уточнить.

– То есть в нашем заведении вас обокрала девушка, которую вы привели в наше заведение. Я вас правильно поняла?

Я не знал, что ответить ей, а только возмущённо пыхтел, а она ещё и добавила:

– Так чем я могу вам помочь?

– Не знаю! – нервно вскрикнул я, отчего посетители за соседними столами стали недовольно коситься на меня. – Вызовите милицию, что ли!

– Хорошо, милицию я вызову.

И удалилась.

Я нервно отодвинул от себя чашку с кофе в сторону и с ненавистью посмотрел на стакан апельсинового сока, стоявший напротив.

Милиция появилась минут через двадцать в составе трёх человек: двух парней возрастом чуть больше тридцати и молодой женщины-милиционера. Она единственная была в форме, на её плечах были капитанские погоны. Администратор подвела их к моему столику.

– Вот мужчина, который говорит, что его обокрали, – сказала она.

– Капитан Сергеева, – представилась милиционерша и расположилась напротив меня, где до этого сидела Кира.

Один из сопровождавших её молча сел рядом с ней, но не назвал себя. Ещё один милиционер в гражданском взял под руку администратора, и они направились за барную стойку, видимо, в её кабинет.

– Ну, рассказывайте, – вяло произнесла капитан Сергеева, без любопытства глядя на меня.

– А что рассказывать? – раздражённо произнёс я. – Пришёл с девушкой в кафе, отлучился в туалет, вернулся – её нет, вместе с ней пропали кожаная куртка и телефон.

– Что за девушка? Где живёт? Какой её номер телефона? Давно ли знакомы?

– Первый раз встретились. Зовут Кира. Номер её телефона остался в мобильнике, который она утащила.

– Где познакомились?

– На сайте. Романтические знакомства. Пригласил на свидание, а она...

– А может, вы ей не понравились, и она ушла, – предположила милицейский капитан.

– Ну и шла бы!.. Вещи-то зачем брать?! – возмутился я.

– А вы женаты? – вдруг спросила она.

– Какое это имеет значение?

– Да так. Жена в командировке, а вы во все тяжкие, чтобы не умереть от одиночества, но не повезло.

– Я разведён! – сцепив зубы прошипел я, возмущённый её бестактностью.
– Ну-ну, не надо так злиться, – примирительно сказала она, – я вот тоже разведена, но при этом с кем попало не встречаюсь. Так, давайте описывайте, что пропало. Телефон, куртка...

– Да чёрт с ней, с этой курткой! В куртке был бумажник.

– Сколько денег?

– Бумажник – это не кошелек, – съязвил я, – в бумажнике паспорт, права, документы на машину, банковские карты.

– Какие банки?

Я назвал.

– Номера документов помните?

Я продиктовал данные паспорта, которые помнил назубок.

Вернулся их третий коллега, сказал, что видеокамер в кафе нет.

Женщина-милиционер встала из-за стола, поманила меня рукой, и мы вместе отправились в кабинет администратора.

– Нам ненадолго в интернет зайти можно? – спросила она у администратора.

Та ответила: «Конечно», – и уступила свой стол.

– Садитесь, – пригласила меня капитан Сергеева, указывая на место администратора.

Я, не понимая, что от меня хотят, присел за стол перед монитором.

– Заходите на свой сайт знакомств.

– Это ещё зачем?

– Мы же должны знать, кого ищем.

– А-а! – понял я.

Через минуту я был на своей странице многообещающего, но уже ненавистного сайта. Нашёл анкету Киры.

Сергеева посмотрела на неё внимательно, перечитала нашу переписку, заставив меня покраснеть, потом сделала несколько скриншотов и попросила переслать их на адрес, который продиктовала. После чего вернулись в зал кафе.

Мы опять сели за стол. Один из коллег капитана Сергеевой о чём-то беседовал с официантом, а другой переходил от столика к столику, переговариваясь с посетителями, при этом указывая на меня. Посетители тарасились на меня, некоторые с ухмылкой. Более дурацкой ситуации для себя я не мог представить.

К нашему столу подошёл официант и поставил передо мной тарелку с кесадильей, а перед капитаном – салат. Сергеева вопросительно посмотрела сначала на официанта, потом на меня.

– Это Кира заказывала.

– М-м! – многозначительно оценила заказ милиционер.

Я отодвинул тарелку с кесадильей в сторону.

– Вы знаете, я сегодня без обеда, – произнесла капитан Сергеева, разглядывая салат.

– Ради Бога, – великодушно махнул я рукой.

Как только она приступила к «Цезарю», к столу подошли её коллеги.

– Ничего конкретного, – доложили они.

– Понятно, – ответила их начальница, поглощая салат, – значит, так. Вы сейчас дуйте в управление. Я уже переслала фотографию Игорю, он пробивает нашу красотку по базе. Ты, – указала она одному из гражданских милиционеров, – связываешься с сотовым оператором: все звонки и «смски»

переправлять на нас немедленно. А ты, – сказала она второму, – немедленно связываешься с банками: выясняешь номера счетов. Информацию о транзакциях нам пересылать немедленно. У вас что за карты? – уточнила она у меня.

– Одна зарплатная, но по ней без пина ничего не снимешь, а другая кредитная, по ней невозможно наличные снять.

– А оплачивать покупки?

– Покупки можно.

– Сколько на карте?

– Сто пятьдесят тысяч.

– Ничего себе! – восхитились её коллеги.

– И оплачивать можно без пина?

– Можно, – пожал я плечами.

– Вот за ней и будем охотиться.

– Может, её заблокировать побыстрее? – предложил я.

– Вы хотите, чтобы мы поймали вашу подругу?

– Хочу. Но она может спустить все деньги, а мне потом их в банк возвращать.

– Так, потерпевший, – деловито произнесла капитан Сергеева, отложив вилку в сторону, – вы десять минут назад произнесли проникновенную речь о том, что вы нуждаетесь в помощи. Или мы вам помогаем сейчас, или вы завтра приходите в управление, и мы начинаем эту стандартную муто-ту с регистрацией заявления, допросами и прочей ерундой, в результате которой вы получаете расследование на много месяцев, без всякой гарантии результата.

Я неуверенно поёжился и посмотрел на стоявших у стола милиционеров, один из них в ответ на мой взгляд, полный сомнений, утвердительно покивал, подтверждая слова капитана.

– Вы хотите сказать, что перспектив нет?

– Перспективы есть всегда, – ответила Сергеева, возвращаясь к салату, – но в вашем случае их мало. А вы почему ещё здесь? – обратилась она к коллегам.

– Мы, между прочим, тоже без обеда, – сказал один из них.

Я придвинул к ним тарелку с нетронутыми испанскими лепёшками. Они не стали ждать приглашения, а быстро расхватали их и вышли из кафе.

– Ну и какой теперь план? – спросил я у капитана.

– План простой, – ответила Сергеева, приканчивая салат, – ждём, когда ваши карточки засветятся.

– А если нет?

– Поверьте, засветятся. И очень быстро, – ухмыльнулась она.

Мы провели в кафе не более получаса, я заказал ей кофе, а себе стакан воды, и тут ожил её телефон.

– Да, – ответила она, – когда?.. Где?.. Машину высылайте. Как нет?! Чёрт!

– Что? – оживился я.

– Ваша подруга рассчиталась вашей картой за такси. Вышла у «Метрополиса» на Войковской.

– Так, поехали!

– Машин свободных сейчас нет.

– Я на колёсах. Правда, права и техпаспорт у воровки, но это же ничего, вы со мной поедете? – вскочил я из-за стола.

– Поехали! – согласилась Сергеева, неторопливо вставая.

К нам подбежал официант со счётом, я торопливо сунул ему деньги, не заботясь о сдаче.

Через минуту мы уже были в машине. Дёргая машину и возмущённо бормоча на не уступающие выезду машины, я наконец выехал на дорогу и сразу дал по газам.

– Эй, эй! Поспокойнее! – возмутилась Сергеева.

– Как тут поспокойнее, – оправдывался я, – а вдруг она уйдёт или пересядет на электричку.

– На какую электричку? Девушка поехала пройтись по магазинам, ну жели не понятно?! А по магазинам – это надолго. Так что вы поспокойнее, если не хотите, чтобы нас гаишники тормознули.

Я немного сбавил темп. Тем более что впереди была небольшая пробка. «Максимум за полчаса доедем», – успокоил я себя.

– А у вас оружие есть? – поинтересовался я.

– Это ещё зачем? – удивилась она.

– Не знаю... Вдруг задержание...

– Вы хотите, чтобы я её пристрелила за то, что она у вас телефон укра-
ла? – искренне полюбопытствовала она.

Я виновато засопел, вглядываясь в дорогу.

Когда мы проехали полпути, у Сергеевой опять зазвонил телефон.

– Да. Нашёл?! – радостно отреагировала она на звонок. – Сейчас подожди, я на громкую включу.

Она переключила телефон на громкую связь.

– Говори, – произнесла она, обращаясь к своему телефонному собеседнику.

– В общем так, товарищ капитан, – раздался из телефона голос молодого мужчины, – нашёл я вашу воровку. Настоящее имя: Дженифер, фамилия Лоуренс, проживает в Лос-Анджелесе, Калифорния. Сейчас уточню адрес. Поедете брать?

– Ты что несёшь? – возмутилась Сергеева.

– Ничего я не несу, говорю как есть. На фото, которое вы переслали, американская актриса Дженифер Лоуренс. Как бы международного скандала не вышло...

Даже по телефону было слышно, как он давится от смеха. Капитан прервала звонок и спрятала телефон в карман.

– Ну, и как это понимать? – спросила она у меня. – Вы что, актрису узнать не смогли?

– Не смог! – нервно парировал я. – Вы тоже хороши – сами же фото видели.

– Я в кино не хожу. Некогда.

– И я не хожу, – сказал я, – не с кем.

Капитан Сергеева хмыкнула и первый раз за вечер улыбнулась.

– Давно в разводе? – спросила она.

– Второй год.

– А я третий. Дети есть?

– Есть. Сын школу заканчивает.

– А у меня дочь. В восьмом классе.

– Вас как зовут?

– Светлана.

– А меня Александр. Можно – Саша.

– Ну вот и познакомились.

До Торгового центра осталось проехать метров триста, как опять раздался телефонный звонок. Светлана торопливо достала свой мобильник.

– Да. Где? Отлично! Во сколько была транзакция? Пятнадцать минут назад? Супер! Да, мы уже на месте. Никуда не уходите, я перезвоню.

– Что? – нервно спросил я, высматривая место, где можно было бы оставить машину.

– Засветилась наша подруга. Покупка в магазине «Интимисими» пятнадцать минут назад. На восемь с половиной тысяч отоварилась.

– Это что, – нервно уточнил я, – трусы и лифчики?

– Это не трусы и лифчики, – с укоризной поправила меня капитан Сергеева, – это – женское бельё.

– А я что сказал?

– Ой, что с вами говорить... – махнула рукой Светлана, – давайте уже становитесь где-нибудь.

Мне удалось припарковаться недалеко от входа. Повезло, что дело шло в закрытию магазина и мест на парковке было предостаточно. Ещё через минуту мы уже торопливо вбегали в Торговый центр.

У информационного табло Сергеева быстро выяснила, где найти искомый магазин, и мы зашагали туда.

– Восемь с половиной тысяч на трусы... извините, бельё. Зачем?!

– Александр, – парировала на бегу Светлана, – девушка делает всё правильно: идёт по отработанной, заложенной инстинктами схеме.

– И что у неё дальше по схеме?

– Я бы пошла в обувной, купила бы две-три пары туфель, потом блузочку какую-нибудь. Ну а с таким кредитом, как у вас, зарулила бы в «Снежную королеву».

– Куда?! – с ужасом спросил я и остановился.

– За шубой или полушубочком каким-нибудь.

– Какой полушубок?! Сейчас лето.

– Кто же зимой шубу покупает?! Древний вы какой-то, Александр.

– И всё это на мои деньги?!

– Конечно, на ваши. Зачем же ей свои тратить?

– Если дело дойдёт до «Снежной королевы» – я её прибью.

– А вот этого не надо. Пойдёмте, пойдёмте, – поторапливала меня капитан, – будем стоять – и в «Снежную королеву» не успеем. Дай Бог – в ювелирном нагоним.

– В ювелирном? Почему в ювелирном?

– Ну, это на тот случай, если на вашей карте что-то останется.

Наконец мы дошли до бутика «Интимисими». Я не стал заходить. Светлана заглянула туда, быстро что-то спросила у продавщиц и вышла.

– Так, у неё два больших бумажных пакета. Один чёрный, второй бежевый, оба с логотипом магазина.

Мы продолжили свой розыск, нервно вглядываясь в лица покупателей, которых, к счастью, было уже не так много. Первый этаж мы пробежали минут за десять и поднялись по лестнице на второй.

– Уже пора бы, – нетерпеливо произнесла Светлана, нервно поглядывая на телефон, который сжимала в руке.

– Что пора? – не понял я.

– Новую покупку делать. Магазин закрывается через час. Долго она что-то примеряет.

– Что примеряет? – опять не понял я.

– Не знаю что! – раздражённо ответила капитан. – Но что-то примеряет точно.

Мы успели исследовать половину второго этажа, как раздался очередной звонок на мобильнике Светланы.

– Да. Так... так... так... Понятно, – немного обескураженно отвечала капитан Сергеева собеседнику.

Закончив переговоры, она остановилась и стала вглядываться в название магазинов на верхних этажах. Видимо, определившись с поиском, она указала пальцем в сторону магазина на четвёртом этаже.

– Что? – нетерпеливо произнёс я.

– Она начала обрабатывать не классическую программу, а свою.

– То есть?

– Купила в «Детском мире» конструктор.

– Какой конструктор? – удивился я. – Зачем?

– Наверное, своему ребёнку подарок.

– А вы говорили: туфли, шуба...

– Молитесь, чтобы она не передумала. Давайте быстрее, транзакция была три минуты назад.

Мы стали взбегать по ближайшей лестнице на четвёртый этаж.

– Теперь внимательно по сторонам, и не торопись, – произнесла капитан Сергеева. – Вы – направо, я – налево.

Мы зашагали в разные стороны, всматриваясь в стеклянные витрины магазинов. Покупателей уже не было на этаже, а некоторые магазины закрывались.

«Три минуты, – думал я, – ну хорошо, пять. Скорее всего, она ещё на этаже. Может, Сергеева уже на неё наткнулась?»

Я прибавил шаг, продолжая заглядывать за стеклянные витрины, и тут же остановился как вкопанный. За стеклом я увидел Киру. Она сидела за столиком суши-бара и изучала меню. Напротив неё на стуле лежали пакеты: чёрный и бежевый, а сверху ещё один с большой коробкой детского конструктора «Лего». От неожиданности у меня все внутренности вместе с дыханием опустились к ногам. Но я нашёл в себе силы, чтобы отвернуться и скрыться у неё из вида. Когда возбуждение стало проходить, я начал озираться по сторонам, размышляя, что делать: бежать за капитаном Сергеевой по этой стороне этажа или навстречу ей. Бежать не пришлось – из-за поворота появилась Светлана, изучая редких посетителей за стеклянными витринами. Увидев меня, она вскинула брови в немом вопросе: «Ну что?» Я указал пальцем в сторону суши-бара и одними губами произнёс: «Она там». Сергеева достала телефон, поговорила с кем-то, после чего подошла ко мне, мельком глянув за стеклянную витрину заведения.

– Вижу, – произнесла она. – Сделаем так: я сейчас пойду, сама с ней поговорю, чтобы она глупостей не наделала. А вы пока здесь подождите. Наряд я уже вызвала.

После чего зашла в кафе. А я стал украдкой наблюдать за тем, как будут разворачиваться события.

Сергеева подошла к Кире, начала что-то говорить с милой улыбкой, потом села напротив, рядом с покупками Киры, которые она оплатила моей картой. Что она говорила Кире, я слышать не мог, но было видно, как она от слов капитан Сергеевой стала меняться в лице, а потом вообще разрыдалась, прикрывая ладонями лицо. И так мне стало жалко Киру, и стыдно за эти десять тысяч, которые она успела потратить и из-за которых я устроил целую погоню, хорошо, что без стрельбы.

Они сидели минут пятнадцать. Всё это время милиционер Сергеева ей что-то говорила. А потом появился милицейский наряд: двое здоровенных парней в форме, со шлемами на головах, в бронежилетах и с автоматами наперевес. Они зашли в кафе и встали с грозным видом у столика, за которым сидели Кира и капитан Сергеева. Кира совсем раскисла: она положила руки перед собой на стол и, уткнувшись в них лицом, содрогалась от рыданий. Капитан Сергеева встала, подхватила пакеты с покупками Киры и вышла из кафе.

– Ну, вот и всё, – сказала она.

– И куда её теперь? – спросил я рассеянно.

– В отделение. Утром оформим.

– Может... Не стоит... – промямлил я.

– Не поняла? – озадаченно переспросила капитан Сергеева.

– Ну, отпустите её. Она уже, наверное, всё осознала. Ребёнок дома ждёт.

– То есть по вашей милости сначала вызвали следственную бригаду, потом наряд на задержание. А теперь давайте её отпустим?!

– Ну, не знаю, как там у вас заведено: помилование какое-нибудь...

– Вот что, Александр, – раздражённо сказала милиционер Светлана, – не морочьте мне голову! Я устала сегодня как собака. Завтра приеду в отделение и буду сама с ней разбираться.

– Но, послушайте, потратила она не так много денег, вещи вы мне все вернёте. Сажать человека из-за каких-то десяти тысяч – глупо.

– Иногда и меньшей суммы достаточно.

– Хорошо, давайте сдадим эти вещи обратно в магазин. Сумма ущерба будет меньше...

В это время в сопровождении милиционеров Кира вышла из кафе. Лицо у неё было заплаканным, косметика кое-где поплыла, и вид был совершенно несчастный. Увидев меня, она подошла к нам и, не поднимая головы, полусшёпотом произнесла:

– Александр, извините меня. Не знаю, что на меня нашло. Простите, если можете.

После чего развернулась и пошла к выходу. Милиционеры шли рядом: один сбоку, другой в пяти шагах сзади. «Хорошо, что без наручников», – подумал я.

– Так что, если мы сдадим её покупки, это облегчит ей жизнь?

– Вообще-то – это вещдоки, – сказала Сергеева, но без напора.

– Просто их будет меньше, этих ваших вещдоков. И ущерб – соответственно.

– Ладно, – вздохнув, ответила Светлана, – пойдёмте попробуем сдать, если они ещё открыты.

Я подхватил из её рук пакеты.

«Детский мир» оказался закрыт. Вся надежда была на «Интимисими».

В «Интимисими» не было ни одного посетителя, только молоденькая продавщица беззаботно болтала по телефону. Я с облегчением вздохнул и сразу направился к ней.

– Милая девушка. Жена у вас купила вот это, но мы передумали. Можно вернуть назад?

Светлана неторопливо вошла в магазин и встала со мной рядом.

– Можно, – кивнула милая девушка, – только завтра. Я сейчас уже закрываю магазин.

– Нам бы сегодня...

– Хорошо. Я сейчас менеджеру позвоню.

– Дайте хоть глянуть, что ли, – произнесла вполголоса капитан Сергеева. Я протянул ей пакеты. Она открыла одну коробку и грустно вздохнула. Потом вторую.

– Господи, красота-то какая!.. – сказала она тоскливо.

Продавщица вернулась к нам после того, как созвонилась со своим руководством.

– Вы знаете, никак не получится. Нужно заполнять специальные бланки, а они в сейфе. Ключа у меня нет. Приходите завтра – мы всё оформим.

Я на мгновение задумался, потом посмотрел на коробки, на капитана Светлану Сергееву и выпалил:

– А обменять можно?

– Обменять? Можно, – сказала девушка-продавец, – а на что?

– На другой размер. Вот для этой дамы. – Я указал на стоявшую рядом милиционера.

– Не поняла, – медленно произнесла Сергеева. – Что это за номер?

– Это благодарность за успешно проведённое расследование, за то, что вы нашли мои вещи и, самое главное, телефон и банковские карты. Это меньшее, что я могу для вас сделать.

– Знаете что, Александр! – с вызовом, оперев руку в талию, произнесла капитан Сергеева. – А я не буду отказываться. Вот не буду, и всё!

– Примерять будете? – спросила девушка-продавец.

– Ещё как! – ответила Светлана и отправилась в примерочную.

Я прождал её минут пятнадцать в коридоре. За это время охранники дважды подходили ко мне и просили пройти на выход. Я объяснял, что жду жену, которая «застряла» в магазине. Они сочувственно кивали и уходили.

Наконец появилась Светлана. Она была очень довольна. Хотя и пыталась это скрыть.

– Ну как? – поинтересовался я.

– Нормально, – как можно небрежнее ответила она, а спустя мгновение добавила: – Даже не знаю, куда я теперь в такой красоте ходить буду?

– На работу ходить будете, – пожал я плечами.

– На работу я хожу в форме, – усмехнулась она, с иронией глядя на меня.

– Куда теперь? – спросил я у Светланы, когда мы сели в машину.

– Если на работу ехать – дома буду к часу ночи.

– Тогда давайте я вас домой отвезу. Вы где живёте?

– В Тушино.

– Так это рядом. Через пятнадцать минут будете дома.

– Давайте, – махнула она рукой.

Мы были у её подъезда через десять минут, благо Москва уже стала засыпать и машин практически не было на дорогах.

– Ну, Саша, спасибо вам, – с улыбкой произнесла Света. – А по поводу вашей Киры – хотя никакая она не Кира – вы не волнуйтесь. Завтра её оформлю и отпущу. Отделается каким-нибудь смешным штрафом. Правда, эту ночь ей в камере придётся провести.

– А мои вещи я могу забрать?

– Это же вещдоки.

– Как я сейчас на машине без прав? И без телефона? Вы же со мной связаться не сможете.

– Ну, да, – согласилась она, – но карточки и паспорт пусть у меня пока побудут, я же должна всё это оформить.

– Хорошо, а когда я их смогу забрать?

– Завтра.

– Во сколько вам будет удобно?

– Мне? Я завтра не дежурю, в шесть закончу.

– Тогда я к шести подъеду?

– Давайте. И ещё: вы сейчас приедете домой, включите компьютер и будете удивлены.

– Чем же?

– До того, как вы заметили в кафе эту вашу Киру, она написала вам письмо на сайте. С извинениями и предложением встретиться завтра и всё вернуть, включая те деньги, что она потратила. Вот так-то.

После чего вышла из машины. Я помахал ей рукой и медленно отъехал. И дальше тоже ехал медленно, размышляя о том, что сегодня произошло. Минут через пять ожил мой телефон, я поднял трубку.

– Алло, Александр, извините, это – Света. Тут такое дело, я в магазин зашла за продуктами. Уже на кассе. А сумка с кошельком на работе осталась.

– Мне вернуться?

– Нет-нет, у меня же ваша карточка есть. Можно я с неё оплачу? Завтра всё до копейки верну.

– Конечно, можно, – усмехнулся я.

– Спасибо! – ответила она и положила трубку.

– Смешно, – произнёс я и прибавил газу.

И тут мне захотелось одной вещи. Наверное, не скромно в этом признаваться, но я скажу: мне захотелось увидеть капитана милиции Сергееву в том белье, которое она сегодня приобрела. А что? Мне кажется, я имею право.

СКАЗКА

СКАЗКА.

Один из жанров фольклора: эпическое, преимущественно прозаическое произведение о животных или волшебного, авантюрного или бытового характера. Отличается от других видов художественного эпоса тем, что и сказочник, и слушатели воспринимают её прежде всего как вымысел, игру фантазии; у сказки обычно счастливый конец.

Современная энциклопедия, 2008

– У тебя сегодня три адреса, – инструктировала меня Катя, – сначала поедешь в Тушино. Будь очень вежлив и обходителен – это моя постоянная клиентка, ты там был уже...

– Помню...

– Потом на Беговую – вот эта большая коробка. Там платье для девочки, будь очень осторожен, не помни.

– Когда это я мял?

– Повторяю: будь внимателен, не помни ни платье, ни коробку! – раздражённо повторила она. – И последний пакет – на Преображенку. Строго с пяти до полшестого. Заказчица очень раздражительная, так что молчи и улыбайся.

– Как дурачок?

– Можешь как дурачок. У тебя получится. И ещё: вернись к нам домой до семи. Мне старших надо везти на занятия, а тебе надо будет с Полиной посидеть часов до десяти. Договорились?

– А деньги?

– Каждая доставка – пятьсот рублей. Оплатят, когда привезёшь.

– А сейчас на проезд?

Катя недовольно помотала головой, достала из сумки кошелек и вручила мне сто рублей.

Я забрал коробку и два объёмных, но лёгких пакета и вышел из квартиры.

Катя, моя сестра, была единственным в нашей семье человеком, который мог хоть что-то хорошо делать руками: еда, шитьё – чем она, собственно, сейчас и занималась, и вязание – вторая сторона её доходов, и вообще всё то, что должна уметь женщина в классическом представлении. Лет с двенадцати она готовила на наше семейство, состоявшее из четырёх человек, и мы наконец поняли, что еда может быть вкусной не только в гостях или в ресторане. Мама посчитала это своей личной заслугой, очень гордилась Катей и на несколько лет совершенно забыла о плите.

К пятнадцати годам Катя потребовала купить ей швейную машинку и стала обшивать нас и знакомых, ко всеобщему удовольствию. Это плюс к тому, что она нас обязывала и одаривала свитерами, шарфами, варежками и носками. Но всё это благоденствие закончилось, когда Катя вышла замуж и переехала от нас к мужу. Папа сказал, что теперь наша семья вернётся в каменный век и к полуфабрикатам. Так это и случилось.

Я помогал Кате с доставкой её шедевров «от кутюр» клиентам. Заказов было немного: от трёх до пяти в неделю, но они существенно пополняли мой бюджет. А я учился. Вернее, нет: я получал образование. На последнем курсе уже не учился, а движешься к получению диплома. Твою голову уже и так изрядно забили знаниями, учишься на первых двух курсах, а потом уже доучиваешься. После производственной практики по окончании третьего курса я понял, что не научился ничему, и, если я хочу соответствовать той специальности, которая будет написана в моём дипломе, я вынужден буду учиться всему по-новому, но уже на производстве. Но это всё ерунда. Итак, судя по времени, я спокойно успеваю везде, у меня даже в запасе будет часа полтора на лёгкий перекус и чашку кофе. Но чем быстрее я «отстреляюсь», тем быстрее пополнится мой кошелек на полторы тысячи рублей, так что стимул вполне существенный. И я рванул в Тушино.

Поездка заняла чуть больше сорока минут, потом ещё пешком минут пятнадцать – и вот я на пороге своей первой пятисотрублёвой премии.

– Здра-авствуйте, – распевно приветствовала меня клиентка, которая значилась под именем Ирина Филипповна.

– Здравсьте, – вежливо произнёс я и улыбнулся.

– Наконец-то! – искренне обрадовалась хозяйка квартиры. – Вы брат Кати? Как это мило. Ваша сестра – просто волшебница. У меня было много портних, но она... Она – просто чудо. Что тут у нас?

Она достала из предназначенного ей пакета ещё один, а из него длиннее платье из портьерного красного бархата.

– Какое чудо! – продолжала восхищаться она и посмотрела на меня.

Я многозначительно кивнул, приподняв брови, при этом продолжал улыбаться.

– Надо срочно примерить! Подождёте?

– Конечно, – скривился я, продолжая стоять у входной двери.

– Я быстро, – сообщила она и скрылась в комнате.

– Вот зачем мне это шоу? – тихо пробурчал я, когда дверь в комнату закрылась.

Конечно, в жизни женщины какая-то тряпичная обновка может действительно являться событием, но этой даме уже под пятьдесят. Почему она радуется этому дурацкому платью, тем более из такой пошлой ткани?

Ирина Филипповна переделалась быстро и под триумфальное «Та-да-да-дам!» вышла в прихожую.

– Ну как?! – провозгласила она, подняв руки вверх и полусогнув правую ногу.

Платье было ужасным. Нет, шито оно было безупречно и сидело на ней в соответствии с рельефами тела. Но цвет и фасон были отвратительными. Она, наверное, заказала его у Кати по каким-то модным журналам прошлого века.

– Потрясающе! – искренне соврал я.

– Ваша Катя – прелесть! – чуть ли не по слогам произнесла Ирина Филипповна, словно вбивая в мою голову прописную истину, о которой я и так знал. – Через два дня я иду в театр. Будет полный фурор.

– Не сомневаюсь, – согласился я.

– Я вам что-то должна?

– Ну, да... – виновато подтвердил я, переминаясь с ноги на ногу.

– Вот! – достала она из кошелька и протянула мне тысячу рублей.

– У меня нет сдачи.

– Пятьсот рублей за доставку, а на сдачу купите сестре цветов. От меня.

– С удовольствием! – обрадовался я, пряча деньги в задний карман джинсов. – Я пойду?

– Спасибо вашей замечательной сестре ещё раз. Успехов ей.

– До свидания, – раскланивался я, пятясь из квартиры и закрывая входную дверь.

Пока ехал в лифте, набрал Катю.

– Слушай, твоя Ирина Филипповна выдала мне тысячу рублей, с условием, что я на пятьсот рублей куплю тебе цветов.

– Вот ещё! – буркнула Катя. – Лучше, когда будешь к нам возвращаться, купи сметаны и пару огурцов-помидоров для салата. Хотя, насчёт цветов... Знаешь что, купи Полине розу. Красную. Но только одну. Ладно?

– Ещё остаются.

– Считай, что это твой дополнительный бонус. – И положила трубку.

Лишние двести-триста рублей – приятно, когда ты ещё продолжаешь перебиваться родительскими карманными деньгами. Теперь можно на Беговую. Вдруг там тоже одарят? «Наверное, я не прав насчёт платья», – размышлял я, пока ехал в метро на встречу со следующим клиентом: «Ну какая мне разница, какое платье у этой Ирина Филипповны. Может, она действительно произведёт фурор среди своих знакомых. Вот в театр человек ходит. А ты когда был в театре последний раз? Уже и не помню. А может, так в театр и нужно ходить: чтобы производить фурор на зрителей, на то он и театр».

На Беговой нужный дом оказался в двух шагах от метро, но... Новая высотка оказалась со всех сторон опутана длинным и высоким забором, калитки открывались только на карточки жильцов, и мне пришлось идти

к въездным воротам со шлагбаумом. Сторожа подозрительно осмотрели меня, потребовали паспорт, записали мои данные в амбарную книгу, после чего позвонили хозяевам и доложили, что к ним идёт курьер. Но это не всё: как только я зашёл в нужный подъезд, эта же процедура полностью повторилась у консьержа с суровым взглядом, огромными кулачищами и бритым затылком.

После того как я поднялся на двадцать третий этаж и позвонил в нужную квартиру, дверь открыла очень приветливая хозяйка лет тридцати.

– Ой, как замечательно, что вы приехали! Настенька, беги быстрее, нам платье привезли.

Из одной из комнат с криком «ура» выбежала девчушка лет четырёх.

Я передал коробку с заказом миловидной маме.

– Мне, мне, мне... – радостно запрыгала девочка вокруг нас.

– Тебе, тебе, – усмехнулась она, а потом прокричала куда-то в бесконечные дебри квартиры. – Женя, принеси пятьсот рублей. Мне с курьером нужно рассчитаться.

Откуда-то слева появился Женя, в тренировочных штанах и болтавшимся на голой груди массивным золотым крестом. В руке он держал портмоне размером с небольшой портфель.

Подойдя ко мне, он взглянул на меня исподлобья и поинтересовался:

– Курьер?

– Да, вашей дочке платье привёз, – на всякий случай отчитался я и улыбнулся.

– Дай ему пятьсот рублей за доставку, – сказала ему жена и вместе с дочкой и коробкой, которую я привёз, направилась в комнату.

Женя, не сводя с меня глаз, открыл свой огромный «кошелёк» и извлёк из него пяти тысячную купюру.

– У меня сдачи нет, – сказал я, глянув на банкноту.

– Плохо, – сказал Женя, потом пошарил в кошельке и наконец нашёл пятьсот рублей.

После того как я забрал деньги, он опять спросил.

– Так ты курьер?

– Да, – подтвердил я.

– У меня тут срочный заказ есть, отвезёшь?

– Смотря куда.

– На Юго-Западную.

– Боюсь, я не успею, у меня ещё доставка.

– Сколько?

– Что сколько?

– Не тупи, сколько стоит твоя доставка?

– Пятьсот рублей.

– А по срочному тарифу?

– Тысяча, – обнаглел я.

– Дам полторы. Но чтобы ты там был через час.

«Полторы тысячи – неплохо», – подумал я.

– Я согласен.

– Паспорт есть?

– Есть. А вам зачем?

– Давай, – произнёс Женя и протянул руку.

Я достал паспорт и передал его хозяину квартиры. Он взял его и ушёл по коридору, свернув в одну из комнат. Я остался ждать на пороге квартиры.

Минут через десять он вернулся, сжимая в одной руке небольшую коробку, а в другой – мой паспорт и приготовленные для меня деньги.

– Вот, – протянул он мне коробку, – адрес я написал. Это отделение милиции. Пойдёшь к начальнику, подарок для него. Отдашь только ему в руки, попроси, чтобы он при тебе его открыл. Понял?

– Понял, – сказал я, принимая из его рук коробку и пробуя её на вес.

– Ты должен быть там через час. Не привезёшь или пропадёшь с концями – я переписал твои паспортные данные. Понятно?

– Не пропаду, – дрожащим голосом промямлил я.

– Тогда давай дуй! – пожелал мне «добрый» Женья, затолкав мой паспорт и деньги в нагрудный карман моей куртки.

Из квартиры я вышел на ватных ногах.

– Какого чёрта! – проорал я дрожащим голосом в кабине лифта, когда двери закрылись и он поехал вниз. – Что он себе позволяет – этот бандюган?! «Я переписал данные твоего паспорта». Вот урод!

Я перестал чертыхаться и ругаться, как только лифт остановился на первом этаже. Но эта терапия мне не помогла – неприятный холодок страха, только что посеянный и взращённый Женей, остался во мне. Оставалось бежать к метро как угорелому, чтобы не дай Бог не опоздать к назначенному времени.

Я добрался к указанному отделению милиции через пятьдесят три минуты. Но начальника не было. Дежурный сказал мне, чтобы я подождал. Прошло полчаса. Его не было. Потом ещё полчаса. Я уже начал нервничать. Везти заказ обратно не рискнул – а вдруг в это время появится начальник этого грёбаного отделения милиции и они созвонятся? Считаю, что приговор мне уже вынесен.

Наконец начальник появился. Я это понял, когда в отделение зашёл крепкий рослый дядька с лысой головой, а суетившиеся в отделении милиционеры повыскакивали с мест и вытянулись.

Я тоже вскочил со своего места и пошёл за ним следом. Когда он вошёл в свой кабинет на втором этаже я, пока он не успел закрыть дверь, нервно прокричал:

– Извините, к вам можно?

– Чего тебе? – спросил он, пренебрежительно осмотрев меня.

– У меня доставка. Для вас.

– Давай, что там у тебя.

Я протянул ему коробку. Он взял её встряхнул в руках и вопросительно посмотрел на меня. Я в ответ пожал плечами.

Он подошёл к столу, разорвал упаковку. Под ней оказалась блестящая металлическая коробка. Он открыл её, и его лицо расплылось в умилении.

– Женёк прислал? – поинтересовался он.

– Да, – подтвердил я.

– Молодца...

Он стал поглаживать то, что лежало в коробке, а потом достал... Пистолет! Сразу вскинул его, прицелился в стол. Потом в стену. Потом в меня! У меня все внутренности сбежали в пятки. А он – щёлк! И из ствола выпорхнул маленький огонёк. Как у зажигалки.

– Хорош! Как настоящий! – восторгался начальник, продолжая прицеливаться куда попало и пощёлкивая курком. Потом достал сигарету и прикурил от только что полученного подарка.

– Больше ничего не передавал?

– Нет, – осипшим голосом ответил я, – можно я пойду?

- Давай. Привет Жене!
- Обязательно передам, если увижу.

После чего я вышел из кабинета и осторожно прикрыл за собой дверь. «Никаких денег не захочешь от таких придурков», – думал я, торопливо покидая стены милиции. На часах было полпятого, и было совершенно понятно: я опаздываю.

В пять я был на Лубянке, позвонила Катя.

- Ты где? Клиентка мне уже телефон обрывает.
- Буду на месте до полшестого. Не волнуйся. – И положил трубку.

От Преображенки нужно было ещё проехать на трамвае три остановки, но трамвая не было. Я прождал его пять минут, а потом кинулся бегом по указанному адресу.

У домофона подъезда я был в 5.37.

- Кто? – раздражённо прохрипел женский голос из динамика.
- Это курьер... – ответил я, запыхавшись от бега.
- Пятый этаж, – так же бесцеремонно донеслось из домофона.

Дверь открыла... просто красавица. С ясными глазами, длинноволосая блондинка, с милым лицом и улыбкой на нежных губах...

– Это что? Явился наш непутёвый курьер? – раздался ворчливый рокот, и в прихожую из комнаты вывалилась недовольная старуха. – Вам какое время было указано?

– Тётя Галя, подождите, он опоздал всего на несколько минут... – застучалась за меня отворившая мне дверь красotka.

– Не надо! – одёрнула она её. – Время было указано точно. Люди сидят ждут его весь день, а он опаздывает. Это нормально?

– Извините, – подал я голос, – больше этого не повторится.

– Конечно, не повторится, – громыхала тётя Галя, – потому что я позволю портнихе и скажу, чтобы она не нанимала таких разгильдяев.

Если бы не Катя, я бы швырнул пакет этой тётке в... Но я улыбнулся и как можно сдержаннее произнёс:

– Можете не платить за доставку. Я опоздал, признаю свою вину. Пакет кому отдать?

Девушка взяла посылку из моих рук и виновато посмотрела на меня.

– Конечно, мы не будем платить за доставку, – как само собой разумеющееся подтвердила тётя Галя. – Что это за доставка такая, если не вовремя?

Я сжал зубы и торопливо толкнул входную дверь, вышел на площадку и захлопнул её. Нет, без истерики и грохота, но с чувством.

На улице окончательно пришёл в себя. Как только подошёл к трамвайной остановке, тут же появился трамвай. «Как всегда», – ухмыльнулся я про себя.

«Какая милая девушка! А её тётка просто ведьма какая-то... Интересно, а для кого из них шила Катя? Было бы неплохо, если для девицы. Может, у Кати телефон её попросить? А она на меня хорошо посмотрела. Наверное, я ей понравился. Допустим, я позвоню, ну встретимся мы с ней, потом в гости – а там тётя Галя тут как тут. Да...»

К Кате я не опоздал – приехал вовремя. По дороге, как было велено, купил продукты и пурпурную розу для Полины. Через несколько минут после моего прихода Катя отправилась с близнецами на занятия в какой-то кружок. А мы с Полиной поставили розу в большую вазу, поужинали, посмотрели мультфильмы по телевизору, а в полдесятого я уложил её в кровать.

- Давай сказку рассказывай, – велела мне Полина, взбивая подушку.

- Я не знаю сказку.
- Все знают, а он не знает! – возмутилась племянница.
- Я присел на край её постели.
- Хорошо. Какую сказку рассказать?
- Ну, про доброго молодца.
- Ладно, – усмехнулся я. – Жил-был добрый молодец, и отправился он...
- Невесту себе искать, – подсказала Полина, ёрзая головой по подушке.
- Почему невесту? – ухмыльнулся я.
- Потому что время пришло, – объяснила Полина.
- Ладно. Оправился добрый молодец невесту искать. Взял с собой подарки и поехал. Сначала пришёл он в дом...
- К купеческой дочери, – опять сделала уточнение Полина.
- Да, к купеческой. Подарил он ей шикарное красное платье. Но купеческая дочь оказалась намного старше, и он решил на ней не жениться. Потом поехал он дальше, и оказался в доме...
- У боярской дочери...
- У боярской дочери, – повторил я. – Но она оказалась ещё совсем маленькой, и ей было рано замуж выходить. Правда, ей он тоже подарил красивое платье, которому боярская дочка очень обрадовалась. Но добрый молодец не расстроился и поехал к дому королевской дочери.
- Царской. У нас в России только царские дочери, королевские – за границей, – пояснила Полина.
- Хорошо, к царской. Оказалось, что царская дочь настоящая красавица. И добрый молодец ей понравился. И она ему понравилась. Царевна подарок, конечно, взяла тоже, но даже на него не взглянула, только на доброго молодца смотрела. Но он не смог жениться, потому что вместе с царевной в одном доме жила злая ведьма, которой добрый молодец не понравился, и она его выгнала. Вот такая вот сказка.
- Что же это получается? – начала рассуждать Полина. – Он ездил, ездил. Всем подарки развёз, но так и не женился?
- Получается, что так.
- Какой же он после этого добрый молодец? Он просто Иванушка-дурачок.
- Много ты понимаешь, – усмехнулся я. – Спи давай...
- Глупая сказка, – сказала Полина и отвернулась от меня, устранившись на правом боку.
- Я вышел из её комнаты и выключил свет.
- Сестру я дождался, бесцельно перебирая каналы телевизора. Когда от двери раздались пощёлкивания ключа, отпирившего замок, я уже был в прихожей.
- Полусонные племянники ввалились в квартиру и, раздеваясь на ходу, направились в свою комнату, видимо, совершенно обессилив и от занятий, и от поздней поездки. Катя молча шла следом за ними, подбирала брошенные на пол штаны и майки.
- Ты не говорил, как у тебя день прошёл... – поинтересовалась она.
- Как в сказке, – отмахнулся я с усмешкой.
- Мне девушка позвонила, с Преображенки, извинилась, сказала, что они забыли тебе доставку оплатить.
- Да, забыли. Я опоздал, а они забыли.
- Так она попросила, чтобы ты ей перезвонил. Готова встретиться в любое удобное для тебя время.

**Александр
ДИВЕЕВ**

НЕЗРИМЫЙ СВЕТ

УТРО

По-над прудом донник.
Воздух волгл и прян.
Молоком в подойнике
Пенится туман.

Листьев робкий трепет.
Рос поблѣкший цвет.
Солнце, словно репу,
Вытянул рассвет.

И хозяйки, Милок
Покормив чуть-чуть,
Провожают мило
В добрый Млечный путь.

МЕСЯЦ

Словно в океане
Ледокол во льдах,
Облака таранит
Месяц в небесах.

Нет в пушистых льдинах
Жѣлтому преград.
Звѣзды, как пингвины,
На него глядят.

-
- Александр Алексеевич Дивеев родился в 1951 году в деревне Ундольщино Кистендейского (ныне Ртищевского) района Саратовской области. Окончил Саратовский экономический институт. Составитель и редактор сборников стихов ртищевских авторов «Цветы и пепел» и «Эхо Души» (Саратов). Публиковался в журналах «Волга–XXI век», «Странник» (Саранск), «Новая Немига литературная» (Беларусь), «ДОН новый» (Ростов-на-Дону), «Наш современник» (Москва), «Приокские зори» (Тула), «Сибирь» (Иркутск), «Подъѣм» (Воронеж), «Александръ» (Тамбов), в альманахах «Стрежень» (Тольятти), «Литературный Саратов», «Земляки» (Нижний Новгород), на сайте «Российский писатель». Автор поэтических книг «Звезда Антарес», «Плащаница Души», «На кресте любви». Лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси-2014». Член Союза писателей России. Живѣт в г. Ртищево.

Облаков торосы.
Мельтешенье стран...
Славные матросы,
Мудрый капитан...

ТИХИЙ ДЕНЬ

Ворчливой памяти упрёки...
Бог дал погожий, тихий день...
Деревня.. Избы кособоки,
Цветёт дурнушкою сирень.

Забор валяется, как пьяный,
От пруда скрип противных жаб.
И хоть уже совсем не рано –
Ни мужиков окрест, ни баб.

Тут богачи живут: на душу –
По дюжине убогих изб.
Печальной аурой надушен
Мой край. Всевышнего каприз?

Тут чаще быть – платить за вредность
Душе и сердцу. Много лет
Жила, плясала. Незаметно
Погас её незримый свет.

И по стяжательному праву
На месте изб, садов, берёз
Посеет фермер на халяву
Пшеницу, свёклу или рожь.

Гневить не стану Бога, хая
Мой край от грязи и до звёзд.
Инфраструктура? Вековая:
Польнь седая да погост...

НЕЗАБУДКА

Не услышишь на зорьке побудки.
Где ж ты, мой золотой петушок?
Увядает в степи незабудка –
Светлой родины скромный цветок.

Не чета он голландским тюльпанам,
Ему ближе во ржи васильки.
Его корни – простые сельчане,
А их судьбы – цветка лепестки.

Но не помнят здесь тучные травы,
Что такое косарь и стада.
И кого-то привычно гнусаво
Отпевают опять провода.

По какому, скажите мне, праву,
Без лукавства ответьте, молю,
Эти избы, берёзы, купавы
Не услышат святое: «Люблю»?

Ты заморских врагов, Русь, не бойся,
С зельем горе-орда, не с мечом –
На деревне последний пропойца
Ныне первым слывёт мужиком...

Если снова невмочь затоскую –
К незабудке приеду своей.
Обниму тихо тётку чужую –
Никого не осталось родней.

Ну, а если такое случится,
Что все тропы забьёт лебеда,
Я, возможно, тогда стану птицей,
И опять прилечу я сюда.

И, покой с тишиною послушав,
Улечу, озареньем гоним.
Что при жизни терзало мне душу –
Было вовсе, увы, не моим...

НА ПОХОРОНАХ

*Памяти
Евгения Самохина*

Дождь затихал слепой из тучи скорби.
Купались капли редкие в пыли.
Могильщики кидали землю, горбясь.
Ты дёрнул за рукав меня: «Пошли...»

С погостом рядом в вотчине колючек
Цветов весенних табор расписной.
К манерам тонким с детства не приучен –
Ты рвал цветы, не мешкая, с травой.

Повёл туда, где старые могилы –
Забвенью с боем отданная пядь.
Букет на холмик.
С бледных губ скатилось
Слезой скупой чужое слово: «Мать...»

ВЕЧЕР

Вечер. Солнце обогнуло
Небосвода бок
И в закате утонуло,
Словно поплавок.

От мороза почерствела
На пруду вода:
Ночью звёздною оделась
Тонкой коркой льда.

Ив плакучих плечи хрупки.
В серой дымке даль.
Ждёт пушисто-снежной шубки
Озими янтарь.

К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К «ДНЕВНИКУ ПРОФЕССОРА С. Р. МИРОТВОРЦЕВА» (1943–1945 гг.)¹

В фондах ГАУК «Саратовский историко-патриотический комплекс «Музей боевой и трудовой славы» хранится мемориальная коллекция профессора Саратовского медицинского института Сергея Романовича Миротворцева (1878–1949). Коллекция формировалась с 2001 по 2009 г. В настоящее время она насчитывает свыше 400 единиц хранения. Это подлинные документы, фотографии, научные труды, почтовые карточки, предметы домашнего обихода из семьи Миротворцевых. Комплектование коллекции осуществлялось путём поступления материалов непосредственно из семьи С. Р. Миротворцева.

Сергей Романович Миротворцев – действительный член Академии медицинских наук СССР, заслуженный деятель науки РСФСР, профессор, заведующий кафедрой факультетской хирургии лечебного факультета Саратовского медицинского института. Блестящий хирург, яркий представитель русской хирургической школы, Сергей Романович проявил свой талант как замечательный клиницист, врач, организатор медицинского дела и видный общественный деятель. Жизнь его вместила участие в пяти войнах XX века.

Особая страница его жизни – Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В день начала войны С. Р. Миротворцев находился в г. Сталинграде. Он был председателем Государственной экзаменационной комиссии в Сталинградском медицинском институте. 22 июня была послана телеграмма на имя главного хирурга Красной Армии академику Н. Н. Бурденко: «Грядущих боях за Родину за Сталина прошу использовать мой богатый опыт четырёх войн на фронте или в тылу по вашему усмотрению. Профессор Саратовского медицинского института, заслуженный деятель науки Миротворцев». Через три дня он получил ответ: «Ваша просьба достойная подражания патриотов нашей Родины Генштабом Красной Армии удовлетворена. Немедленно явитесь распоряжение начальника госпиталей». С учётом его богатого опыта в военно-полевой хирургии, профессор С. Р. Миротворцев был назначен главным хирургом отдела эвакогоспиталей Саратовского областного отдела здравоохранения Народного комиссариата здравоохранения. Несмотря на преклонный возраст, он ежедневно оперировал, проводил обходы, консультировал, принимал участие в конференциях, совещаниях, обобщал опыт хирургической работы госпиталей.

Деятельность его в годы войны была поистине широка и многогранна, он работал без выходных с утра до вечера, не давая себе ни в чём поблажки. Усилия профессора С. Р. Миротворцева по организации эвакогоспиталей в г. Саратове и Саратовской области, в лечебной помощи раненым, обучении врачей основам практической

¹ В журнале опубликованы выдержки из «Дневников...» 1943 года (прим. – Ред.).

хирургии были достойно оценены медицинским сообществом и руководством страны. В 1945 г. профессор С. Р. Миротворцев был избран в действительные члены Академии медицинских наук СССР, награждён государственными наградами: орденом Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Научные работы С. Р. Миротворцева представляли большой практический интерес для современников. Им опубликовано свыше 30 работ по военно-полевой хирургии с 1940 по 1946 г. Заслугой Сергея Романовича является обобщение громадного опыта военно-полевой хирургии. Он изучал особенности ранений конечностей и методы их лечения на всех этапах эвакуации. В серии работ на эту тему он выступил последовательным защитником применения гипсовой повязки при лечении таких ранений. Большой фактический материал о лечении огнестрельных ранений крупных суставов, собранный С. Р. Миротворцевым в 1941–1943 гг., лёг в основу статьи, вышедшей в 1944 г. Большое значение для улучшения организации хирургической помощи раненым имели его отчёты о работе госпиталей на территории Саратовской области в период Великой Отечественной войны.

За период войны Сергей Романович прочитал более 150 докладов по разным вопросам военно-полевой хирургии на конференциях, съездах врачей, пленумах Госпитального совета Народного комиссариата здравоохранения СССР и в разных городах Поволжья. Это, несомненно, способствовало повышению эффективности лечения раненых в эвакогоспиталях, скорейшему возвращению их в строй. Как председатель Саратовского хирургического общества он провёл 50 научных заседаний по вопросам военно-полевой хирургии. С. Р. Миротворцев принимал активное участие в разработке планов научно-исследовательской работы Саратовского медицинского института, был членом Учёного медицинского совета Министерства здравоохранения РСФСР, председателем Саратовской комиссии помощи раненым и больным.

Но самая главная благодарность – от тысяч больных, которым помог доктор С. Р. Миротворцев. В одном из писем раненые пишут: «Нет слов выразить благодарность проф. Миротворцеву С. Р. Он как отец, как друг окружил нас вниманием и заботой». В другом письме читаем: «Вы, только Вы, наш дорогой учитель, можете так чутко, тепло, сердечно и внимательно отнестись к «маленькому винтику», который действительно не знал усталости, не щадя себя работал на благо народа». В стихотворении сержанта Ф. С. Назаренкова такие проникновенные строчки: «Всю науку, заботу и силы отдаёшь ты на помощь стране. Ты своей медицинской наукой умножаешь успехи в войне».

Имя С. Р. Миротворцева увековечено в нашем городе. Улица в Саратове в районе клинического городка названа в честь выдающегося хирурга, бронзовый бюст и Памятная доска установлены в факультетской хирургической клинике Саратовского государственного медицинского университета. Мемориальные коллекции профессора С. Р. Миротворцева составляют золотой фонд саратовских музеев и архивов.

В Музее боевой и трудовой славы хранятся дневники профессора С. Р. Миротворцева, которые он вёл в 1943–1945 годах. В них отражена его напряжённая работа. Торопливые, подчас скудные строки содержат в себе громадный, разносторонний материал – как в профессиональном, так и в чисто человеческом плане. Это поистине правдивая летопись тех суровых дней и ночей, позволяющая зримо представить многогранный самоотверженный труд хирурга.

Составитель
Г. В. Давыдова,
Главный хранитель
ГАУК «Саратовский историко-патриотический
комплекс «Музей боевой и трудовой славы»

С. П. Миротворцев. 1943 год

ДНЕВНИК ГЛАВНОГО ХИРУРГА ОТДЕЛА ЭВАКОГОСПИТАЛЕЙ САРАТОВСКОГО ОБЛЗДРАВ ОТДЕЛА ПРОФЕССОРА С. П. МИРОТВОРЦЕВА

1943 год

Январь 1. Был в госпитале 39–39 (н. г.¹ Федюкович). Тепло, уютно, раненых много, но переполнения нет. Жалоб на плохую пищу нет. Лечебный процесс поставлен удовлетворительно, истории болезней пишутся грамотно.

Январь 2. Был в госпитале 39–39. Смотрел больного, у которого после перевязки (...) через месяц образовался тромбоз вен переднего средостения. Видел больного с сепсисом после ампутации правого бедра.

Январь 2–3. В ночь на 3-е был вызван в госпиталь 16–82 (н. г. – Окунь) по поводу вторичного кровотечения из ран правого бедра. Сделал провизорную лигатуру (...) 4/1 больной не кровоточит, чувствует себя удовлетворительно.

Январь 3. Осматривал госпиталь 13–05 (н. г. – О कोरोков). Тепло, чисто, хотя большая перегрузка и в одной палате раненые лежат на полу – 15 человек. Кормят хорошо. Есть недоразумения с ведущим хирургом Котовой П. В. Недостаточно внимательно наложены некоторые гипсовые повязки и лонгеты. Журнал операций ведётся хорошо.

Январь 4. Госпиталь 16–82 (н. г. – Окунь). Видел больного с острым расширением желудка после ранения в конечность. Левосторонняя пневмония.

Вечером с 8 ч. до 11 ч. 30 м. – совещание в эвакуоотделе по докладу о Госпитальном совете. Выступал с докладом.

Январь 5. Посетил госпиталь 39–34 (н. г. – Домбе). Госпиталь переполнен (1150 чел.), обратной эвакуации нет уже несколько дней. Контингент раненых тяжёлый, больные лежачие. Осмотрел ряд больных о/тяжёлых. Гипс есть, но плохо сохнет, и гипсовые повязки имеют неопрятный вид. Накурено, грязновато, но тепло. Жалоб на питание нет. Дал указание провести срочно ремонт операционной и перевязочной (в недельный срок). Осмотрел и проверил операционный журнал – в порядке. От 8 ч. вечера до 1 ч. ночи был в заседании Комитета помощи раненым в обкоме.

Январь 6. Был в госпитале № 32–84 (н. г. – Зубковская). В госпитале тепло, хотя накурено и грязновато. Был на операции проф. Эйбера – он сделал сегодня 24 операции, главным образом некретомий с глухим швом. Получается хорошо: видел таких больных

¹ н. г. – начальник госпиталя (Прим. – Ред.)

на перевязке – получается grima... В прошлый операционный день Эйбер сделал 17 некротомий.

Бельё производит жуткое впечатление – получено из прачечной. Оно грязно, имеет неопрятный вид и часто по швам завшивлено. В операционной холодно и темно. Сделал распоряжение на зимнее время перевести её в палату № 8, где и светло, и тепло, и есть сток воды, и можно поставить два операционных стола. Жалоб больные не заявляли ни на холод, ни на питание, хотя в последнем есть перебои с базы Н.К.О. (Народного комиссариата обороны. – Г. Д.). Утвердил карточку обследования обмороженных, которых на сегодня в госпитале 227. Проф. Эйбер делает некротомии под местной анестезией (тугой инфильтрат) чётко, хорошо, уверенно, безболезненно и быстро. Больной шутит во время операции. Почти все врачи делают все операции самостоятельно. Некротомии производят хорошее впечатление.

Январь 7. Был на консилиуме в госпитале 13–06 (нач. госп. Бершицкий) по поводу нахождения ружейной пули в переднем средостении. Больной в тяжёлом положении и умер 8/1 без операции.

Был вызван на осмотр поврежденных тела Героя Советского Союза М. М. Расковой, погибшей в результате воздушной катастрофы 4/1 т.г.

Январь 8. Принимал участие во вскрытии и восстановлении лица и головы М. М. Расковой для отправки её в Москву и захоронения там. Над этим работал вместе с бригадой врачей (М. Н. Кушева, Е. Н. Попов) 11 ч. Закончили работу ночью. 9/1 1943 тело Расковой М. М. поездом направили в Москву.

Январь 11. Был в госпитале 13–05 (н. г. – Огороков). Осматривал госпиталь. Одновременно принимал участие в остановке вторичного кровотечения (...) Оказалась аневризма в Гунтеровском канале; в операции участвовали: д-р А. Я. Демидов, д-р И. В. Кирмиганский, д-р Бешкенева, проф. И. М. Рабинович.

Январь 12. Был в госпитале 16–78 (н. г. – Антонов). Осмотрел отделение д-ра Луниц и её гипсовые повязки. Нет чёткости в работе, чувствуется отсутствие общего руководства. В палатах на солнечной стороне +16°C, а на теневой стороне +7°C. В госпитале накурено, кое-где грязно.

В 16 ч. – собрание начальников госпиталей, помощников и начмедов. Делали доклад Соломатин и я на тему: «Лечебные проблемы по данным II Госпитального совета» (остеомиелит, отморожения, вторичные кровотечения). В 20 ч. был на заседании пленума горсовета и ушёл домой в 23 ч.

Январь 13. Был в госпитале 13–06 (н. г. – Бершицкий). Госпиталь переполнен, в палатах накурено, холодно, неуютно. Света нет, дров нет. Видел (...) случай каузалгии. От 19 ч. до 24 ч. был на заседании пленума (XVI) Горсовета по поводу госпиталей.

Январь 14. Был в госпитале 16–74 (н. г. – Шкенёва). Госпиталь переполнен – 608 раненых. Лежат четверо на двух кроватях, однако в палатах тепло, уютно и почти не накурено. Перевязочная в полном порядке. Операционный журнал в порядке. Большой запас перевязочного материала. Контингент раненых тяжёлый, хотя преобладают раненные в верхнюю конечность. В коридорах очень холодно, хотя госпиталь топится круглые сутки. Сколько я ни наблюдал жизнь этого госпиталя, меня всегда поражают хорошая дисциплина в нём, чёткость работы, бесшумное администрирование начальника Натальи Шкенёвой. Госпиталь один из лучших в Саратове.

Январь 15. Был вызван в госпиталь 16–82 (н. г. – Окунь). Раненый красноармеец 19 лет категорически отказался дать сделать ампутацию левого бедра, несмотря на то, что имелись жизненные показания для такой операции. У больного был открытый инфицированный перелом левого бедра в средней 1/3 (...) все попытки закончить лечение консервативно не увенчались успехом. Врачи

госпиталя, основываясь на ложном представлении, что без согласия раненого отнимать ногу нельзя, думали перевести разрешение вопроса в плоскость прокурорского надзора. Однако было достаточно просто переговорить с больным, как он дал согласие, и тут же в палате был мною усыплен эфиром, затем перенесён в операционную, и там ему была сделана ампутация. Мне кажется, что очень советоваться с больным о качестве и размерах операции не следует, а в случае, где заболевание угрожает смертью, делать то, что подсказывают опыт, знания и наука, если даже раненый не соглашается на отнятие ноги. У меня в этой войне не было случая, чтобы раненый не согласился на операцию после разумной беседы с ним. Надо только проще подходить к такому больному и пояснить ему цель и значение операции.

Январь 16. Посетил госпиталь 39–39 (н.г. – Федюкович). Громадное переполнение сверх нормы – 208 человек ($400 + 208 = 608$). Лежат трое на двух кроватях и, кроме того, много 2-ярусных кроватей. В палатах тепло, но сильно накурено и дымно. Посмотрел нескольких больных. Есть кое-кто из залежавшихся (майор с радикулитом). В перевязочной холодно, а в операционной, кроме того, и сыро. Коллектив хороший, сплочённый, ведущий хирург Е. К. Яцимирская готовит кадры хирургов. Много уделяется внимания культурному обслуживанию раненых (кинопередвижка).

Январь 17. Заседание хирургического общества с моим докладом «II пленум Госпитального совета в Москве. Решения пленума по вопросам лечения остеомиелитов, отморожений, вторичных кровотечений». Проф. К. Н. Третьяков и проф. Н. В. Захаров. Лечение повреждений центральной и периферической нервной системы. От 1 до 4 ч. дня. От 4 до 5 ч. дня – совещание с ведущими хирургами о нуждах госпиталей в перевязочном материале, гипсе и аппаратуре. Наиболее плохо снабжены госпитали 995 (...) 16–78 – гарнизонный госпиталь Гиршберга.

Январь 18. Был в госпитале 16–83 (Колодяжин). В госпитале микстов – 85, дизентерии – 220, сыпной тиф – 29, брюшной тиф – 52, провизорных – 65. Всего 451. В госпитале холодно: в коридорах $+2^{\circ}\text{C}$, в палатах $+8^{\circ}\text{C}$, больные лежат под двумя одеялами и тюфяками. В госпитале нет воды и света. Отопление печное – 100 печей (ежедневный расход – 15 кубометров). Необходима срочная помощь. Вечером состоялось заседание Госпитального совета с моим докладом о II пленуме Госпитального совета.

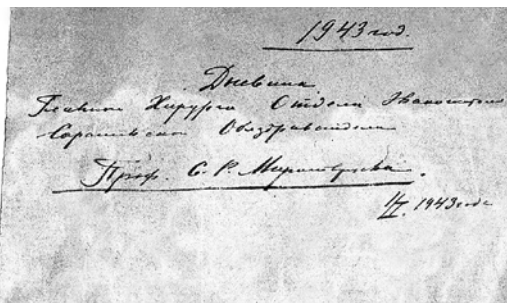
Январь 19. Заседание в кабинете зампреда областного совета Орешина А. М. (Хенкин А. И., Горский, Лаврищев, Соломатин, Щукарев, я) по вопросу расширения сети на 6000 коек и о противоэпидемических мероприятиях.

Январь 20. Выехал в г. Энгельс. Остановился в госпитале № 18–48 (...) В госпитале тепло, есть свет и вода. Вечером собрал совещание начальников госпиталей и получил от них полную информацию о положении дел в госпиталях – в общем, мало топлива, в госпиталях холодно, затруднения с провизией и т.д.

Январь 21. Осмотрел госпиталь № (нач. госпиталя – Алексей Иосифович Галактионов). В госпитале оборудуется новый санпропускник, под который занимается весь нижний этаж, где были расположены склады. Идёт ремонт, ставятся перегородки и переборки, и оборудуется душевая. В госпитале тепло, больные скудены, переполнение огромное, но санобработка проводится регулярно. Операционная комната заново отремонтирована, окрашена и обставлена мебелью. Есть отдельная гипсовальная комната. Много раненых в гипсовых повязках. Широко применяется скелетное вытяжение. С приходом ведущего хирурга д-ра Симпсона резко оживилась оперативная деятельность и количество переливаний крови резко возросло. Так, например, в I квартале было переливаний крови 26, во II – 24, в III – 22, в IV квартале – 335. Количество

операций от 93 в I квартале, 96 во II квартале и 171 в III квартале возросло до 355 в IV квартале. Движение раненых на 22/1: по плану коек – 700, лежат 885 раненых, перегруз – 185, нетранспортабельных – 69, подготовлен к эвакуации 151 человек. По I корпусу такая картина: ранобольных – 406, из них тяжелораненых – 236, особо угрожающих по тяжести – 12, нетранспортабельных – 54, подлежащих эвакуации – 235. В 3 ч. дня в здании Горсовета состоялся мой доклад начальникам госпиталей, их заместителям по политической, начмедам, ведущим хирургам и врачам эвакуогоспиталей на тему: «Итоги II Госпитального пленума в Москве и задачи хирургов в деле лечения остеомиелитов, отморожений, вторичных кровотечений, ранений центральной и периферийной нервной системы». Доклад продолжался 2 часа – было около 70 слушателей. В 7 ч. 30 мин. состоялось траурное заседание, посвящённое памяти Владимира Ильича Ленина в гортеатре. Был в президиуме.

Январь 22. Был во втором отделении госпиталя № 36–59 (начальник госпиталя – Л. Н. Полянский) и застал следующую картину: госпиталь помещается в светлом, просторном помещении парткурсов. Здание захламлено, запущено, закопчено. В помещении холодно и сыро. Раненые в количестве более 500 человек лежат 6–7 дней в нетопленном помещении, отопительная система заморожена, раненые, как правило, проходят санобработку через 3–4 недели, гигиеническое купание и умывание за отсутствием воды не проводится, в 16, 15, 14-й и других палатах, а также в театральном зале больные жалуются на поголовную завшивленность и демонстрируют это тут же, «избивая вшей». От всех больных имеются жалобы на неудовлетворительное и неполноценное питание: ужин (горячий) в виде каши или подобного отменён и заменён сухим пайком (чай, хлеб и масло), и сделано это якобы для экономии дров. Культурно-массовая работа с больными не ведётся, большинство больных не видело командования, которое не говорит с ними и не разъясняет создавшееся положение с топливом, лампочек нет, хотя ток имеется. Уборная (одна в нижнем этаже) представляет собою клоаку, пол и прилегающая лестница заполнены замёрзшей мочой, больные ходят туда без тапочек, босыми ногами и т. д. Подобного госпиталя не видел за всю войну ни разу. Предложил: в 3-дневный срок вывести корпус из прорыва, рассортировать раненых по другим госпиталям, снять с должности начальника корпуса Щегоруева, предать суду виновных в замораживании отопительной системы, снять с должности т. Хвесина и доложить о состоянии госпиталя 27/1 1943 г. Жалоб на врачей не поступало, но по изложенным причинам лечебный процесс поставлен на низком уровне: так, больные вынуждены лежать, чтобы не терять тепла, и ни о каких вспомогательных лечебных процедурах (МК, ФТ) не может быть и речи, а корпус предназначен в общем для выздоравливающих, ходячих.

ДНИ НЕД.	ЯНВАРЬ	ФЕВРАЛЬ	МАРТ	АПРЕЛЬ	МАЙ	ИЮНЬ
ПОНЕДЕЛ.	4 11 18 25	1 8 15 22	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31	7 14 21 28
ВТОРНИК	5 12 19 26	2 9 16 23	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25	1 8 15 22 29
СРЕДА	6 13 20 27	3 10 17 24 31	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26	2 9 16 23 30
ЧЕТВЕРГ	7 14 21 28	4 11 18 25	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27	3 10 17 24
ПЯТНИЦА	1 8 15 22 29	5 12 19 26	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28	4 11 18 25
СБЫБОТА	2 9 16 23 30	6 13 20 27	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29	5 12 19 26
ВОСКРЕСЕН.	3 10 17 24 31	7 14 21 28	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30	6 13 20 27

ДНИ НЕД.	ИЮЛЬ	АВГУСТ	СЕНТЯБРЬ	ОКТАБРЬ	НОЯБРЬ	ДЕКАБРЬ
ПОНЕДЕЛ.	5 12 19 26	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27
ВТОРНИК	6 13 20 27	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28
СРЕДА	7 14 21 28	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29
ЧЕТВЕРГ	1 8 15 22 29	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30
ПЯТНИЦА	2 9 16 23 30	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31
СБЫБОТА	3 10 17 24 31	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25 31
ВОСКРЕСЕН.	4 11 18 25	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26

22 января 1943 г. в Москве в И. Ленин и 9 января 1905 года. 1-2 мая – День Белого Праздника. Международный день работников здравоохранения – 7 ноября 1948 г. 1-2 декабря – День Сталекоса, 1-2 декабря – День Сталекоса, 1-2 декабря – День Сталекоса, 1-2 декабря – День Сталекоса.

Вечером выступал в закрытом партийном собрании госпиталя по поводу создавшегося во втором отделении госпиталя 36–59 положения.

Январь 23. Провёл совещание с ведущим хирургом (госпиталь 18–48) д-ром Угрюмовым по поводу научно-исследовательского плана работ нейрохирургического госпиталя. Утвердил план работы Угрюмова и Черевко (огнестрельные повреждения позвоночника и спинного мозга). В 2 ч. дня возвратился в Саратов.

Январь 24. Проводил патологоанатомическую конференцию в госпитале № 16–79 (н. г. – Антонов). Разбирались случаи запоздалой ампутации бедра и случай расхождения диагноза клинического и патологоанатомического. Клинический диагноз: ампутация плеча, туберкулёзный перитонит. Патологоанатомический – дизентерия. Выяснили причины расхождения диагнозов.

Январь 25. Посетил госпиталь 16–82 (н. г. – Окунь). Госпиталь переполнен, все коридоры заняты ранеными, которые прибывают в тяжёлом состоянии из Камышина, без достаточной транспортной иммобилизации, завшивленные и немые. На врача приходится 100–120 раненых. Посмотрел ряд больных и раненых. Гипс есть, но марли мало, и она аппретированная. Сравнительно тепло.

Январь 26. Консультант госпиталя 10–56 (н. г. – Миркин) показал мне бронбойный снаряд величиной в 10 см, а шириной в 2 см, который неразряженный вынут им через Пироговский разрез из правого (...)

Январь 27. Посетил госпиталь челюстно-лицевой № ... (начальник госпиталя – Давидсон). Госпиталь переполнен. Налицо 640 раненых по профилю ухо-горлонос, челюстно-лицевой и общехирургический. В палатах тепло, раненые лежат на койках под одним одеялом, сравнительно чисто, но на двух койках лежат четверо, в силу чего переполнение получается огромное. В коридорах и в общих помещениях холодно. Начальник госпиталя, только что назначенный, переоборудует санпропускник и амуничник, который раньше был в исключительно плохом положении (...) Хуже дисциплина, отсутствием которой отмечен этот госпиталь. Хирурги: ведущий – Перельман, и консультант – доцент П. Л. Раппопорт. Консультировал с д-ром Курзон (Энгельс) по поводу её диссертации (докторской). Остановились на наиболее актуальной теме современности: «Клиника и лечение огнестрельного остеомиелита». В отношении кандидатской диссертации для её ординатора остановились на теме: «Столбняк и его лечение по данным эвакогоспиталей Саратова, Энгельса и Вольска». Рекомендовал план и литературу.

28, 29, 30 января был участником VII сессии областного Совета депутатов трудящихся Саратовской области.

29 января в 8 ч. вечера был на совещании хирургов-коммунистов эвакогоспиталей Саратова, собранном горкомом ВКПб, с повесткой: «Работа хирургов-коммунистов в госпиталях».

Январь 31. Посетил эвакогоспиталь 13–06 (н. г. – Бершицкий). Ранбольных – 855. Перегрузка – 400 человек. 5 палат в госпитале закрыто вследствие недостаточного отопления их. Переполнение исключительное, тем более что госпиталь имеет профиль «для лёгочных ранений». В палатах тепло, а в некоторых больные жалуются, что «даже жарко». Однако (...) в некоторых палатах сыро. ¼ ранений профилированные. Осмотрел несколько раненых, дал указание об ампутации бедра по поводу апатического состояния больного на почве перелома бедра. Осмотрел несколько случаев перевязки больших сосудов (...) с хорошим результатом. Бельё плохо вымыто, скученность огромная, в палатах накурено. Госпиталь нуждается в особом наблюдении и помощи. Лёгочные ранения протекают хорошо. Применяются широко позднее закрытие пневмоторакса и разгружающая терапия (д-р И. И. Рыбак). Был вместе с главным терапевтом Щукаревым, проф. Шварцем и инспектором Фростом. Температура наружного воздуха – минус 15°С.

Февраль

Февраль 1. Был в госпитале 16–82 (н. г. – Окунь). Госпиталь переполнен. Лежат на полу и в палатах трое на двух кроватях. Профиль не выдерживается. Раненые тяжёлые. Консультировал раненого, у которого осколок находится в шее глубоко, на уровне III шейного позвонка. Больной отмечает неудобство при движении шеи, особенно грубом.

Был в госпитале № 32–87 (н. г. – Давидсон). Госпиталь выходит из прорыва, в палатах тепло и уютно, хотя переполнение огромное. В одной палате лежит 45 человек «друг к другу», пройти между койками невозможно, и если возникнет пожар, то все раненые сгорят дотла. Начинает давать себя знать дисциплина, которую заводит Давидсон С. Б. В коридорах всё же холодно и сыро. Амуничник начинают приводить в порядок, строят новый санпропускник. Консультировал больного, у которого обнаружен отломок от тела III шейного позвонка, который секвестрируется и как остеомиелитический процесс даёт температуру. Видел ещё нескольких больных в тяжёлом состоянии. Вечером был в заседании в обкоме ВКП(б) по поводу выработки резолюции по докладу «О положении в саратовских эвакуогоспиталях».

Февраль 2. Был в госпитале № 16–74 (н. г. – Шкенёва). Против штатных коек в госпитале лежат 750 человек. Уплотнение огромное – лежат двое на одной кровати «валетами». В палатах тепло (+21°C), хотя накурено. Уютно, занавески, свежее бельё. Хороший санпропускник. В перевязочных чисто и тепло. Консультировал больного с поддиафрагмальным абсцессом, ранением лёгкого, слепым ранением коленного сустава. Ведущий хирург Зайцева хорошо справляется со своим новым назначением. Видна хозяйка.

В 5 ч. вечера (17.00) был в заседании бюро обкома, где обсуждалось положение в эвакуогоспиталях Саратова и области в связи с их уплотнением и наличием большого числа поездов на подходе. Во многих госпиталях нет воды и света. Лечебный процесс естественно ухудшается.

В 20.00 был в заседании Учёного совета Саратовского медицинского института. Выступал новый директор И. Т. Богословский.

Температура наружного воздуха – минус 15°C.

Февраль 3. Был в госпитале 39–34 (начальник госпиталя – Вайнгольц Д. Е.). Госпиталь сортировочный, состоит 1450 раненых. Переполнение огромное. Санпропускник не готов и не приспособлен, воды горячей не было. В коридорах и на лестничных клетках холодно, в палатах вследствие переполнения относительно тепло, но одна половина госпиталя заморожена. Накурено, шумно. Госпиталь производит впечатление «ночлежки». В перевязочной холодно, сыро и грязно, на полу валяются шины, снятые с вновь прибывших больных, марля, вата. В операционной, совершенно непригодной, холодно, сыро, темно, от больных и операторов «валит пар», оперировать в ней нельзя.

Февраль 4. Был в госпитале 16–74 (н. г. – Шкенёва). Госпиталь переполнен – 795 раненых, переполнение огромное, но чисто, сухо, тепло. Делал операцию извлечения осколка в области левого колена. Несмотря на Р-снимок, на котором осколок проецируется снаружи коленного сустава и лежит, по-видимому, в мягких частях, я должен был вскрыть верхний заворот, из которого вытекло около 1 ст. ложки мутной синеватой жидкости, и всё-таки осколка не нашёл. Промыл сустав риванолом и зашил его наглухо кетгутowymi швами, а кожу оставил частично незашитой. Гипсовая повязка. Операция была под общим обезболиванием. Одновременно делали (Рыбак и Зайцева) операцию под местным обезболиванием – вскрытие поддиафрагмального абсцесса. Утвердил консультантом д-ра Рыбака в госпитале Шкенёвой.

Температура наружного воздуха – минус 27°C.

Февраль 5. Знакомился с положением дел в сортировочном госпитале № 36–32 (н. г. – Москвин). Госпиталь переполнен до предела. Обратная реэвакуация задерживается. В госпитале тепло, жалоб на питание нет. Температура воздуха – минус 22°С.

Февраль 6. Был в госпитале 39–34 (н. г. – Вайнгольц). Переполнение огромное, но в общем удовлетворительно размещены раненые. Поступила жалоба, что больные плохо обслуживаются, редко перевязываются и повязки пропитаны гноем. Жалоба поступила от врача Петренко. Обследовал эту сторону. Но 6/II в аптеке оказалось марли 2500 метров, бинтов 1200 штук, ваты гигроскопической 40 кило, ваты серой 5 кило. Перевязочный материал расходуется экономно, бинты стирают, а потому повязки имеют неопрятный вид. Гипс отпускается серый, грязноватый, и потому гипсовые повязки выходят неряшливыми. Но в общем грубых нарушений в лечении ран не отметил. Больные в 59-й палате отзываются о врачах и лечении с похвалой, то же констатировано и в 10-й палате. Но, конечно, какое может быть серьёзное лечение, если в госпитале 1400 раненых, в большинстве тяжёлые, а особенно если нет света и воды. Вспоминаются времена Н. И. Пирогова в Севастополе и Симферополе, когда он ехал из Петербурга. Это можно было ожидать и у нас, и об этом в своих лекциях по военно-полевой хирургии читал в 1939–1940 гг. я на военном факультете, но тогдашнее начальство военного факультета – Герасименко и Филиппов – остались мною недовольны. Герасименко сказал мне: «С.Р., те времена прошли бесповоротно, и зачем расстраивать слушателей такими картинами прошлого». Я сказал, что всякая война – это «разруха в кубе». А он говорил мне: «Ведь у нас больше отступлений не будет, и потому всё это к современности не приложимо».

А через год слушатели военфака писали мне с фронта и неоднократно: «Каждый день и много раз вспоминаем Вас, С.Р., и Ваши лекции по в-п хирургии. Вы говорили нам жизненную правду, учили нас настоящему и не приукрашивали действительность, а Г. и Ф. «втирали нам очки». Как правы оказались студенты, своей молодостью почувствовавшие всю фальшь казённых руководителей и правду в моих лекциях. Студенты писали мне, что, возвращаясь с моих лекций, «часами в общезитии дискуссировали по поводу темы лекции и всё время задумывались, «почему С.Р. это нам говорит?»».

Когда ко мне приходят начальники госпиталей и жалуются на современное переполнение госпиталей и на невозможность работать при этих условиях (Колодяжин, Давидсон, Коваленко), мне хочется им сказать: «Жалкие люди, не понимающие современности, мещанки, наседки, но не орлы! Надо понимать грандиозность современного момента и всё величие его – ведь это войдёт в историю мира, ведь это постройка новой хирургии, новой доктрины, нового хирурга, нового человека». Жить в такое время радостно, а работать сложно. В 1914 году я в Люблине (Варшавская губерния) с небольшим отрядом, так называемым «Сборным перевязочным пунктом» в течение 13 дней перевязал 44000 раненых, эвакуировал их и оказал им всем научно-обоснованную помощь, а между тем только ко мне одному ежедневно прибывало около 3 тысяч раненых. Я ничего не имел, ни к кому не обращался, а всё организовывал на месте. В Люблине организовал шефство населения города над ранеными. Они поили, кормили их, делали мне бинты из шёлка, рубашек, белья, носили больных (а они лежали на привокзальной площади, на соломе, при дожде – дело было в сентябре 1914 года), укрывали их соломою от дождя и т.д. 12 суток я не уходил с площади и спал на носилках 3–4 часа в сутки. Все врачи Люблина добровольно пришли ко мне (25–30 человек), установили круглосуточное дежурство в перевязочной и перевязывали непрерывно круглые сутки. И ни одного стога, жалобы на невозможность работать не было. За 12 дней я понял, что такое

война, как она предполагается и как проводится, и как надо работать на войне, в военное время. Мои теперешние наблюдения – это слабое повторение прошлого, совершенно меня не пугающее и только показывающее, что «так было, так есть, так будет». Это и есть война. А наши «бариньки» в военных тужурках» ждут войну в нормальной клинике для избранных.

Февраль 6. Посетил госпиталь 13–04 (н. г. – Елекоев). Челюстно-лицевой госпиталь. Штатное кол. (...) 400. Но 6/II лежат 685 человек. Готовятся к эвакуации в тыл 100, а в часть 10 человек. Тяжёлых раненых – 75. Терапевтических – 55. Врачей в госпитале – 12, всех служащих – 210 человек. Госпиталь переполнен и не по профилю, лежат по 35 в палатах. В палатах относительно тепло, но в коридорах холодно. Больные жалуются на малое количество пищи и хлеба. Жалоб на плохое лечение нет. В госпитале хорошие специалисты (проф. Карташев, Метлицкий, Доценко, Марси, Перченоч, Жукова), поставлено протезно-челюстное дело. Хороший обед для служащих. Елекоев – хороший хозяин. Переполнение огромное, а занять коридоры невозможно – очень холодно.

Температура наружного воздуха – минус 22°С.

Февраль 8. Был в госпитале 13–04 (начальник госпиталя – А. Г. Елекоев). Посмотрел одну палату – провизорную. В небольшой сравнительно палате помещаются 46 раненых. В палате холодно, темно, со стен течёт; стены покрыты плесенью, накурено «до отказа», больные лежат без простыней, подушек, наволочек. В одном углу на куче разбросанного кирпича поставлена громадная печь, которая отапливается самими больными, причём пилят дрова, колют их сами больные в палате. Многие раненые лежат с 28/I, а есть иногда со 2/I. Принцип провизорности потерян. От холода многие раненые укрываются тюфяками, лежат в грязном белье, не купаясь по две недели. Зачем читать мемуары Пирогова Н. И., если их можно наблюдать в Саратове 8/II 1943 года. Дал срок к 11/II исправить положение в палате № 1.

В 20.00 состоялось совещание в отделе эвакогоспиталей начальников госпиталей, на котором Главный терапевт проф. Щукарев делал доклад: «Борьба с сыпным тифом в условиях работы эвакогоспиталей».

Февраль 9. Был в терапевтическом госпитале № 39–31 (н. г. – Скафытклевский). Госпиталь имеет 860 больных на 400 штатных койках. Госпиталь переполнен, но благодаря умелому руководству переполнение это не бросается в глаза; в палатах тепло, светло, уютно. Больные в чистом белье, халатах, всюду расставлены дежурные из больных в коридорах, палатах, этажах, которые рапортуют отчётливо: «В палате 32 больных, коек 16, тепло, происшествий нет». Всюду видны белые простыни, наволочки. Врачи знают своих больных. Истории болезней ведутся чётко, анализы оформляются, у всех сидячих делается измерение кровяного давления. Претензий со стороны больных нет, жалоб тоже. Начальник госпиталя в курсе всего, что делается в госпитале, интересуется работой, живёт интересами госпиталя и требует этого от всех служащих. Госпиталь должен быть отнесён к числу лучших в Саратове.

Февраль 10. Консультировал с врачом И. В. Шмелёвым по поводу темы его докторской диссертации. Он имеет большой материал по поводу огнестрельных ранений сосудов (150 случаев). Остановились на изучении изменения температурной кривой при перевязке больших сосудов. Консультировал с д-ром В. Е. Миловидовым по поводу докторской диссертации – остановились на урологической теме. Он сообщил мне о своих наблюдениях (около 10) по поводу применения мотков кетгута при кровотечении из печени. Кровотечение останавливалось всегда и проще, и лучше, чем при применении кусков изолированного сальника. Он считает этот способ лучшим в борьбе с кровотечениями.

Посетил госпиталь 36–32 (н. г. – Москвин А. А.). Госпиталь сортировочный «от себя», на 400 штатных койках содержат на сегодня 996 раненых. В госпитале тепло, уютно и не так уже скученно, хотя лежат «валетами» трое на двух койках и много на полу. Бельё чистое, больные лежат часто под одними простынями. Есть жалобы на малое количество пищи и отсутствие сахара. Больших жалоб нет. Попробовал пищу из котла – пшённый суп с мясом, и достаточно. Штат 14 врачей. Хирурги Диканский и Михайлин – ведущие, Шаряшна – рядовой работник. Диканский при мне делал некрэктомию под местной анестезией 1/2% раствора новокаина. Анестезия оказалась неудачной – больной жаловался на боли. Надо делать такие операции под жгутом и к раствору новокаина прибавлять адреналин. Посмотрел больного, которому Диканский три дня назад вскрыл абсцесс мозга в правой теменной области и дренировал его резиновой полоской. Температура у больного не упала, но я думаю, потому, что полоска была вложена «гармошкой» и закупорила отверстие. При извлечении потёк обильный гной. Рекомендовал промыть полость гнойника 2% раствором формалина. Начальник госпиталя и помполит интересуются госпиталем, всё время находятся там и пользуются авторитетом у служащих. Больных знают. Необходимо срочно эвакуировать 200–300 раненых.

Февраль 11. Был в госпитале № 13–05 (н. г. – Бершицкий), во 2-м корпусе – здании Горпартактива. В госпитале (2-е отд.) лежат 350 раненых, а вообще во всём госпитале более 1000 раненых. Профиль тяжёлый, главным образом, ранения лёгких. Во 2-м корпусе тепло, уютно и не переполнено в сравнении с другими госпиталями. В перевязочной и операционной холодно. Этот абсурд наблюдается во всех госпиталях. В палатах и кабинетах тепло, а в сердце всей организации – в перевязочных и операционных – холодно, а между тем перевязывать раненых можно только раздетыми и спокойно лежащими, иначе очень важные подробности могут ускользнуть. Видел больного с гематомой в середине бедра в стадии организации пульсирующей гематомы. Ранен в октябре, гематома стала образовываться в конце ноября. Видел раненого – Колесник, 20 лет, – у которого развивается септическое состояние после резекции коленного сустава в результате огнестрельного ранения его. Пульс 140. Кровяное давление 65/40, лейкоцитов 7000. Перевязал его. В области колена ничего существенного, зато имеется огромная гематома в области икроножных мышц. Выпустил гематому – вытекло около одного стакана гноя, смешанного с кровью. Пока ограничился лангетом, капельным переливанием крови, витамином К и выжидательным лечением. При безуспешности его – ампутация бедра. Больной эвакуирован из Камышина, где он долго лежал и где ему делали все операции. Больной в состоянии сильнейшего истощения, авитаминоза и сердечной слабости. Аппетита нет. Сон плохой. Тревожный признак.

Температура наружного воздуха – минус 15°С.

Февраль 12. Был в госпитале 360 (н. г. – Плеханов). Основной военный госпиталь. Тепло, просторно, хорошо. Есть переполнение (1000 кроватей), но оно незаметно. Бельё, подушки, одеяла, кровати в исправности. В перевязочной тепло, перевязочного материала много, недостатка нет. Видел больного Г. С. Мухина, ранен 14/XII, прибыл в госпиталь 11/I 1943-го из Камышина. ...15/I 1943-го по поводу огнестрельного перелома шейки правого бедра. Вынут секвестр, и очищена рана. Больной лежит в костяной гипсовой повязке. Последние 4–5 дней лихорадит до 38°. Больной в хорошем состоянии и может быть эвакуирован в Москву. Видел применение вторичных швов на гранулирующие поверхности с хорошим результатом (проф. А. А. Оглоблин), и ряд больных после резекции желудка чувствуют себя хорошо.

Был в госпитале 13–04 (н. г. – Елекоев). 1-я провизорская палата в таком же антисанитарном состоянии, как и 8/II (см. мои записи). Ничего не сделано.

Февраль 18. Был в 16–82 (н. г. – Окунь). Смотрел раненого, у которого пуля лежит в нижнем синусе левой плевральной полости. Были попытки извлечь её через поясничный разрез, но попытки не увенчались успехом. По времени у него появляется инфильтрат в области передней грудной стенки между V и VII рёбрами. По-видимому, здесь и будет лежать пуля.

Вечером был на конференции в госпитале 39–39 (н. г. – Федюкович). Докладчики – проф. А. С. Шварц и доцент И. И. Рыбак. Тема – диагностика и лечение ранений лёгкого. Конференция прошла оживлённо и на большом научном уровне. У доцента Рыбака более 1000 наблюдений по поводу ранений грудной клетки. Автор стоит за массивную разгружающую терапию и за вторичное закрытие открытого пневмоторакса.

Февраль 19. Был в госпитале 16–82 (н. г. – Окунь). Смотрел нескольких раненых. Был на консилиуме в железнодорожной больнице по поводу предполагаемой саркомы б/берцовой кости. Дал заключение о воспалительном характере опухоли (...)

Был в госпитале 13–05 (н. г. – Окороков). Вечером началась конференция эвакуотдела и эвакуационного пункта. Состоялись доклады: начальника санокруга тов. Хенкина, Щукарева, мой, проф. В. О. Бик, Каждан, хирургов сортировочного госпиталя Демидова, Каншина, Фроста и моё заключительное слово. Конференция была посвящена одному программному вопросу – ранение коленного сустава – и прошла на высоком уровне.

Февраль 20. Посетил госпиталь 16–80 (н. г. – Поляков А. Г.). Госпиталь помещается в 14-й школе и старом здании. Раненых 1350. Госпиталь производит очень хорошее впечатление. При огромном переполнении нет особенной скученности, в палатах тепло, раненые лежат под летними одеялами или под простынями, в перевязочной и операционной тепло, поставлены добавочные железные печи. Что особенно приятно в этом госпитале – это особое ощущение «тепла и сухости», которым охватывает вас при посещении госпиталя. Удивляет в наших условиях то, что больные регулярно купаются и лежат в чистом белье. Жалоб нет. Хороший, спаянный коллектив врачей: хирург Чернякова И. С. – заботливая хозяйка, болеющая за хирургию, асс. Попов Е. Н., консультант госпиталя, ведёт большую работу по внедрению новых методов хирургического лечения и очень предан госпиталю. Присматриваясь к работе уролога Собацкого В. Е., я убеждаюсь в его положительных качествах как остроумного и вдумчивого хирурга и заботливого хозяина отделения. Все урологические больные, по-моему, в достаточной степени обслужены, он знает всех и оказывает им правильную помощь. Видел письмо больных к тов. Митереву (37 подписей), в котором они благодарят Собацкого за оказываемую им помощь и повседневные заботы. В общем, госпиталь крепкий и хороший. Начальник Поляков – большое приобретение. Без шума и крика, без истерик. Крепко управляет госпиталем. Надо побольше помогать этому госпиталю. Значит, можно и в наших условиях вывести госпиталь из прорыва и вести его на хорошем уровне.

22 февраля 1943 года

Точные слова Н. И. Пирогова:

- 1) «Не медицина, а администрация играет главную роль в деле помощи раненым и больным на театре войны».
- 2) «Не операции, спешно произведённые, а правильно организованный уход за ранеными и сберегательное (консервативное) лечение в самом широком размере должны быть главной целью хирургической и административной деятельности во время войны».

(Н. И. Пирогов «Военно-врачебное дело и частная помощь на театре войны в Болгарии и в тылу действующей армии в 1877/1878 г. С-Пб. 1879 г.)

Всё время убеждаешься в правильности этих слов. Надо быть администратором сперва, а хирургом потом. Хирурги нужны, и плохо было бы, если все хирурги сделались бы администраторами и никто не занимался бы хирургическим лечением раненых. Но в известном возрасте, при известном положении и имени – надо быть всё-таки организатором работ для других, памятуя, что 10 больше сделают, чем 1, а 100 тем более. Надо создавать условия для работы хирургов, помогать им и поддерживать их в трудную для них минуту, а не бесцельно охаивать их, ругать их и унижать. (...)

Февраль 22. Был в госпитале № 13–06 (н. г. – Бершицкий) и присутствовал на операции, которую делал проф. С. Х. Архангельский по поводу аневризмы левой подключичной артерии. Была перевязана (...) и соименная вена, после чего был разрезан аневризматический мешок и вычерпаны сверстки крови (сгустки). Несмотря на перевязку центрального конуса и периферической (...) появилось сильнейшее кровотечение, от которого раненый и умер на столе. Операция произвела на меня тяжелейшее впечатление. Надо подумать о замене её другой модификацией.

Консультировал больного с частичной непроходимостью кишечника после огнестрельного ранения верхней 1/3 живота. Рекомендовал пробное чревосечение.

Был в гортеатре на торжественном заседании по поводу 25-летия РК Красной Армии. Был в госпитале № 360 (н. г. – Плеханов).

Февраль 23. Был в госпитале №... (н. г. – Левчановский). Штатных коек 800. Лежат на 23/II 1423 человека. Перегруз – 623 человека. Хирурги – Л. А. Занн и А. А. Крылов. Врачей – 9, заведующих отделениями – 3, ординаторов – 6. Врачебных вакансий – 7 лечащих врачей. Сестёр не хватает 23. Тяжелораненых – 399, отяжелевших – 10, обмороженных... Госпиталь для легкораненых: верхняя конечность, плечо, предплечье, кисть. Запасы аптеки: гипс 400 кило, ваты белой 25 кило, серой 12 пудов, марли редкой 1000 метров. Госпиталь перегружен, светло, тепло. Больные в чистых халатах или чистом белье. Жалоб нет. Есть двойные койки (двухъярусные). Лежат и на полу. С хирургической стороны обслужены хорошо. В лечении промахов нет. В госпитале заботливые шефы. Был на вечере встречи шефов и персонала госпиталя.

Был в госпитале 13–05 (н. г. – Огороков) и произвёл операцию удаления осколка аэропланной бомбы из левого лёгкого. Ранен 12/XII 1941 г. в положении лёжа осколком; после ранения было кровохарканье. Имеется свищ сзади в области VI–VII рёбер. При рентгеновском исследовании осколок хорошо виден, он расположен в лёгком ближе к рёбрам. Общее обезболивание (эфиром). Разрез между VII и VIII рёбрами слева сзади. Резекция части VII и VIII рёбер на задней аксиллярной линии; вскрыт инфильтрат в лёгком и извлечён осколок 7х6 см. Тампонада. Глухое послойное зашивание (...) мышц и кожи. Тугая асептическая повязка. Натуральный рисунок осколка. Вес 62,0.

27/II. Больной чувствует себя хорошо. Кровохарканье. Температура – 38,5. Температура наружного воздуха – минус 3°С.

Февраль 25. Был в госпитале 16–78 (н. г. – Гиршберг). Госпиталь гарнизонный, переполнен. Много тяжёлых раненых. Уход хороший. Смотрел больного – молодой человек. Надо оперировать. Обещал в среду 3/III произвести ампутацию пр/кишки.

Вечером 25/II провели в Энгельсе межгоспитальную конференцию врачей эвакогоспиталей. Были: Горский, Гуревич, проф. Оглоблин, проф. Шляпников, Герасимов, Шлятчик, Фрост, Морушко, я и Михельсон. Конференция состоялась в 6 ч. вечера в зале заседаний горсовета. Тема: «Ранения суставов и их лечение». Выступали с докладами я, Морушко, Оглоблин, Герасимов, Шляпников и Фрост.

Из местных ведущих хирургов выступали Курзон, Лисовенко, Шмелёв, Симпсон, Некращенко. Конференция прошла на большом подъёме.

Посетил сортировочный госпиталь (н. г. – Полянский) и госпиталь (н. г. – Галактионов). Оба переполнены до отказа. Положение в госпиталях улучшилось. Температура наружного воздуха – минус 3°С.

Февраль 26. Был в сортировочном госпитале 39–34 (н. г. – Вайнгольц). Госпиталь имеет 1400 раненых. Переполнение. Больные лежат на полу и на топчанах. Проверил жалобу на госпиталь, что там грязно, больных не купают, тяжёлых больных не моют, плохо кормят. Часть жалобы совершенно справедлива.

Температура наружного воздуха – минус 3°С.

Февраль 27. Был в госпитале 16–82. Грязновато, накурено, суматошно. Консультировал нескольких раненых. Интересно отметить, что последние партии раненых из Камышина прибывают в очень тяжёлом состоянии и с плохой обработкой раны. Очень много переломов бёдер без должной фиксации в шинах Дидерикса и Крамера. Из последних поступлений при мне сделали две высокие ампутации бедра (д-р Демидов и д-р Моськин). Ампутации были по поводу осложнённых переломов бедра с громадными затёками и при явлениях сепсиса. При мне переливали кровь сестре Лиде (post abortum). У неё II группа. Перемешали: II группы 250 к.с. + I группы 250 к.с. (ампульной). Во время переливания никаких осложнений. Через ½ часа потрясающий озноб, сильнейшая боль в пояснице. Больная говорит: «Сковало всю поясницу, грудь, диафрагму, дышать не могу». Озноб, пульс 120, T – 40,1° С. Положил грелку на поясницу и впрыснул 1,0 раствора морфина (1%). Больной стало лучше. Мне кажется, что тут было много психогенных наслоений, больная сильно перепугалась и ждала постоянно трансфузионных осложнений.

Температура наружного воздуха – минус 3°С.

Февраль 28. Был в госпитале № 32–84 (н. г. – Зубковская). Раненых 807 на 400 штатных койках. Обмороженные из них 662. Последние поступления были ночью 21/II. Профиль госпиталя для лечения обмороженных выдерживается. Впечатление от госпиталя, что обмороженных в эту зиму меньше, чем в прошлую. Обморожения 3–4-й степени и в основном стоп (за всё время было 6 кистей!).

Госпиталь нуждается в медикаментах. За январь госпиталь израсходовал 5000 бинтов. Широко поставлено изготовление корпии силами самих раненых. Нужен новый автоклав. Тепло, светло. Бельё бязевое имеет неопрятный вид. Нет плёнок и бумаги для R-снимок. Гипосульфит есть. Перевязочным материалом госпиталь обеспечен в достаточном количестве. Жалоб на питание не поступало. Кормят хорошо и вкусно. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что приказ от 6/I о переводе операционной в тёплую палату № 8 не выполнен. Командование пытается изобразить это так, что госпиталь переполнен и если сделать операционную в палате № 8, то придётся сократить госпиталь на 30 кроватей. Просят официального разрешения на это. Конечно, такого разрешения никто не даст, но из этого не следует, что можно раненых оперировать в операционной, в которой холодно и сыро. 28/II в 3 часа дня в ней было +7°С. Всё впечатление о госпитале портится этим одним обстоятельством. Консультировал больных с отморожением и кровотечением из грануляции. Дал совет сейчас же ампутировать голень в среднем 1/3, что и было сделано проф. Эбертом.

Март

Март 1. Был в госпитале 39–34 (н. г. – Вайнгольц). Смотрел одного лейтенанта, раненного в правый коленный сустав ружейной пулей 3 месяца назад. Рана была не проникающая, но у больного развилась контрактура, и больной не мог сгибать голень. Его начали подозревать в симуляции, тем более что

заметили, что однажды во сне он согнул свою ногу и спал с согнутой ногой. После этого опытные врачи (асс. Кушева и Гродко) дали ему эфирный наркоз и под наркозом согнули ноги. Меня пригласили вместе с проф. Третьяковым и д-ром Квицевым для окончательного установления диагноза симуляции и принятия соответствующих мер. Невропатолог и психиатр высказались за физиопатическую контрактуру на несколько истеричной почве у юноши 19 лет. Вот как был развенчан миф о симуляции. Интересно отметить, что, когда врачи насильно давали наркоз больному, он протестовал и не хотел этого. Кто дал право так поступать с больным и в качестве средства выяснения виновности применять наркоз? Категорически запрещаю это делать!

Вечером был в комиссии по выяснению странного происшествия. На протяжении 2–3 дней после переливания крови в Саратове умерло 5 человек, и перенесли тяжёлую реакцию – 3. Интересно отметить, что все случаи, вне зависимости от группы крови, произошли с кровью, отпущенной из Института переливания крови 22 февраля 1943 года. Случай тяжёлой реакции по переливанию крови отмечен мною 27/II в госпитале 16–82 у сестры милосердия Лидии Постниковой относительно к крови, отпущенной Институтом 22/II. Комиссия в составе меня, Шляпникова, Оглоблина, Каншина, Шварца, Герасимова могла констатировать, что в трёх случаях смерть произошла после переливания крови, но вскрытие трупов не обнаружило картины гемолитического шока, а картину глубоких изменений органов, свойственных введению денатурированной крови. Можно думать, что отпущенная 22/II кровь была или при взятии, или при хранении заражена микробами и в ней произошла денатурация белков. У всех пострадавших реакция была бурная, а смерть наступила через 2–4 часа. У Лидии Постниковой на другой день наблюдали анурез, моча с белком и кровью, судороги, паралич конечностей (временно), боль под ложечкой, обильная влажность на губах... и явления сывороточной болезни. 4/III больная ещё не вполне оправилась от последствий переливания крови. Случай загадочный. Запретил переливать кровь от 22/II.

Март 2. Был во вновь открываемом госпитале «Дворец труда» (н. г. – А. А. Ильин). Госпиталь только что принял раненых. Здание удобное, светлое, тёплое. Больные расположены удобно и без большого переполнения. Мало белья и главным образом простыней. Хирурги – Макарова С. П. и Власова Н. А. Раненые не тяжёлые, но требуют гипсовых повязок. Кормят хорошо, достаточно и вкусно.

Был в госпитале 16–82, навестил сестру Л. Постникову после переливания крови. Она ещё не оправилась после переливания, хотя, по-видимому, опасность миновала.

Март 3. Был в гарнизонном госпитале № 16–78 (н. г. – Гиршберг). Делал под наркозом *amputatio recti* по классическому способу. По-видимому, удалось отойти от уретры и хорошо... Зашил без натяжения, хотя поворота кишки по Вредену не сделал.

Вечером проводил совещание с начмедами и заведующими аптеками, а также представителями аптекоуправления по вопросу нуждаемости госпиталей в перевязочном материале и медикаментах. А выяснилось, что с медикаментами дело обстоит удовлетворительно, а в перевязочном материале госпитали нуждаются.

Март 4. Был в госпитале «Клинический городок». Госпиталь только что начал разворачиваться и сразу же 3/III в ночь получил 200 раненых, затем ещё 200 раненых, а затем ещё 75 человек, а всего 475. Здание ещё не прогрето, холодно, сыро, неуютно. Белья почти нет, одеял тоже, простынь не хватает, халатов нет. Нет электроламп, а потому и в коридорах, и в палатах холодно и темно. Госпиталь в процессе развёртывания, и поступление такого большого количества больных его лимитирует. Плохо налажен служебный и хозяйственный

аппарат. Ведущим хирургом там Р. Р. Жукова – врач опытный, но не ведущий хирург. Госпиталь долго будет лихорадить, и пока желательно его не загружать.

Март 5. Был в госпитале 16–82 (н. г. – Окунь) и делал операцию извлечения пули из левого лёгкого. Большой ранен 12/ХІІ 1942 г. пулей сзади под лопатку с левой стороны. В М.С.Б. делали попытку извлечь пулю сзади, но пули не нашли. За это время у больного образовался инфильтрат на передней стенке грудной клетки, слева между VII и VIII рёбрами, который то увеличивался, то уменьшался, а временами давал даже флюктуацию. Рентгеновский снимок показал наличие абсцесса нижней доли левого лёгкого величиной с кулак и в нём находящуюся пулю. (Далее – схематичный рисунок.) Разрезав под наркозом (эфир) инфильтрат между VI–VII рёбрами слева и спереди 2, подошёл к 6-му межрёберному промежутку, вскрыл его и попал в полость нарыва, причём вытекло около $\frac{3}{4}$ стакана густого гноя черновато-бурого цвета. Обследовав полость гнойника пальцем, я в плотных грануляциях нащупал пулю, которая лежала носиком кпереди. Корнцангом мне удалось захватить пулю и извлечь её. Оказалась большая термитная, или, как её называют, трассирующая пуля. При исследовании пальцем удалось ощущать биение сердца кнутри и сверху. Полость нарыва была промыта раствором риванола (1,0–1000,0) и затампонирована тальком. Редкие кожные кетгутовые швы, так как мне пришлось зашивать стенки инфильтрата, плотного как доска и напоминающего собою спинку карбункула после разреза. Больной спал хорошо и операцию перенёс удовлетворительно.

Т. наружного воздуха – минус 8°C.

Вес моего тела 81, 300 кило. В день начала войны было 106 кило. Потерял в весе 26 кило!

Извлечённая пуля должна быть отнесена к разряду трассирующих, или термитных. Она имеет следующий вид (рисунок – Г.Д.). Во всяком случае, при трении бойка о свинцовый сердечник идёт дым и начинает распространяться запах горящего фосфора.

Март 6. Есть распоряжение ГКО передать часть госпиталей в ведение НКО. Намечается список таких госпиталей, а вместе с тем мы и сейчас формируем новые госпитали – Дворец Труда, «Астория», Клингородок, школа № 45, и оборудования для них нет. Интересно отметить, что добрые отношения с начеваком 45 Горским начинают разлаживаться, и не с нашей стороны. Во всяком случае, ряд дерзких выпадов произошёл с его стороны, а не с нашей. Я думаю, что, получив в своё ведение часть госпиталей, он немножко оботрётся и почувствует, что значит управлять теперь без врачей, персонала, имущества.

Температура наружного воздуха – минус 10°C.

Март 8. Был в госпитале 39–39 (н. г. – Федюкович). Осмотрел больного с огнестрельным остеомиелитом левой берцовой кости и большого (...) Госпиталь переполнен, но сохраняет внешне хороший вид. Наблюдал приём новой партии раненых из Ленинска-Камышина. Все раненые уже пролежали 30–40 дней в госпиталях ближнего тыла, плохо иммобилизованы и с плохими повязками. Раны в запущенном состоянии.

Март 9. Был в госпитале №... (н. г. – Виноградов). Госпиталь переполнен – 1600 раненых. Переполнение огромное.

Март 10. Был в госпитале №... (н. г. – Шкенёва). Проводил конференцию по поводу сыпного тифа. Госпиталь переполнен, врачей мало, перевязочный материал есть.

Март 11. Был в госпитале 16–79. Осмотрел больного после перевязки art. et vena... у которого начались через 1½ месяца после операции трофические расстройства на предплечье (кровоизлияния). По-видимому, больной начал рано работать своей рукой и «натрудил» её. Осмотрел больного с 4-месячной

аминомой и задержкой гноя. Рана расположена слева между V и VI рёбрами. Расширил рану и ввёл дренажную трубку, через которую выделилось около 3 стаканов гноя. Рекомендовал держать дренаж долго.

Вечером был в конференции 360-го госпиталя по поводу «Вторичного шва». Докладчиками были д-р Каншин, проф. Оглоблин, д-р Юницкая, д-р Пастухова. Конференция прошла оживлённо и тематически выдержанно.

Март 12. Вечером состоялось очередное заседание Саратовского хирургического общества с докладами: Е. Н. Попов: «Лечение газовой гангрены»; проф. Н. И. Голубев «Пиелография как метод дифференцированной диагностики заболеваний внутренних органов». Председательствовал главный хирург ПриВО – Каншин Н. Т. Присутствовали 35 членов. Были демонстрации: проф. С. Х. Архангельский – лечение каузалгий (4 больных); проф. С. Р. Миротворцев – слепое ранение шеи осколком мины; студент военфака – заворот кишок на почве Меккелевого дивертикула.

Март 13. Был в Энгельсе, в госпитале (н. г. – А. О. Галактионов) и № ... (н. г. – А. Г. Пап). Госпитали переполнены. Тепло. В госпитале А. Г. Пап (нейрохирургический) в основном корпусе особо тяжёлых больных нет. В корпусе тепло, больные обслужены хорошо. Дежурство поставлено чётко, дежурный врач знает больных, дежурство проводит без сна.

Март 14. Был на открытии госпиталя № 39–31 (н. г. – Бороненко). Выступал с докладом: «Роль и задачи эвакуогоспиталей на новом этапе Отечественной войны». Госпиталь готов к открытию, хорошо оснащён, оборудован и имеет ведущего хирурга М. Н. Кушеву.

Тезисы моего доклада: 1) Увеличение процента выписанных в строй (92–95%); 2) Уменьшение койко-дня (58 – по РСФСР); 3) Введение в практику позднего вторичного шва; 4) Ранняя операция секвестротомии; 5) Ранняя операция при отморожениях (некректомия); 6) Лечение переломов бедра скелетным вытяжением при поздних, сращенных переломах бедра; 7) Развитие сети специализированных госпиталей.

Март 15. Совещание в отделе по вопросу смертности в эвакуогоспитале 13–06 (н. г. – Бершицкий). Докладчик проф. И. М. Рабинович взял 25 случаев смерти при лёгочных ранениях за октябрь 1943 (так в тексте. – Г. Д.) года, причём в одном случае было сделано вскрытие, и на этом материале пытался сделать обобщения, попутно взяв под сомнения работу консультанта проф. А. С. Шварца, но встретил категорический отпор с моей стороны, стороны И. И. Рыбака, Щукарева и Антонова. Доклад оказался неудачным, тенденциозным и ненужным.

Днём был в госпитале 16–82 (Окунь) и посмотрел нескольких больных. Госпиталь переполнен, грязно, накурено.

Март 16. Был на конференции в госпитале 16–79 (н. г. – Антонов). Делал доклад начальник отделения д-р Луниц «О показаниях к удалению инородных тел». Доклад теоретический и не оснащённый цифрами, мало проработанный. На клинко-анатомической части конференции доложили об одном случае нераспознавания туберкулёза лёгкого как осложнения тяжёлого ранения. Проф. Н. Ф. Шляпников указал на рост смертности от нераспознанного туберкулёза лёгких, который вообще как причина смерти начинает конкурировать с сепсисом. Госпиталь передан в НКО.

Март 18. Конференция двух челюстно-лицевых госпиталей №№ 13–04 и 32–87, на которой была проработана подробная инструкция – резолюция конференции челюстно-лицевых хирургов. Одновременно прорабатывался приказ № 55 Наркомздрава СССР тов. Митерева, явившийся результатом II пленума Госпитального совета. Результат работы госпиталей вполне удовлетворительный. Выписка в строй увеличивается, количество койко-дней уменьшается.

Март 19. Был в госпитале 16–80 (н. г. – Поляков). В госпитале штатных коек 700. Лежит на 19/III 1943 г. 1221 человек. Урологических – 106, кожно-венерических – 216, общехирургических – 899. В основном здании – 770. Во 2-м корпусе – 235. Хирург в основном корпусе: И. С. Чернянова. Урологи: В. Е. Миловидов, Субоцин В. Е. Во 2-м корпусе – Руднев и Котова.

Выписка в часть выздоравливающих: январь 1942 года – 80,7%, январь 1943 года – 94,7%; койко-дней на больного – 41.

Госпиталь переполнен, урологические больные лежат по двое на одной койке, даже командный состав. В госпитале тепло. Кормят хорошо, жалоб нет. Применяются скелетное вытяжение, гипсовые повязки. Урологическое отделение обставлено бедно – нет катетеров, бужей, эсмарховских кружек, кенотрона, плёнок. Общий контингент урологических раненых – свищи после огнестрельных ранений. Консультировал больного, у которого в результате ранения правого лёгкого 22/XII 1942 г. ружейной пулей образовался гемоторакс, как следствие его развились шварты, которые перетянули сердце в правую сторону, а также трахею тоже вправо. Рентгенолог Маркина думает, что в левом лёгком у него имеется абсцесс. Случай загадочный и трудный. Необходимо посоветоваться с д-ром Рыбаком.

Март 20. Был в госпитале 39–39 (начальник госпиталя – Федюкович Н. Н.). Смотрел больного. Терапевтическое лечение не дало успеха. Рекомендовал операцию. Госпиталь производит такое же хорошее впечатление, хотя переполнен: 800 раненых на 400 койках. Госпиталь получил Переходящее Красное Знамя горкома ВКП(б). Госпиталь перешёл в систему НКО.

Март 21. Получил телеграмму из Сталинграда, которой проф. П. Н. Николаев и я приглашаемся в Сталинград для срочной консультации. Ответил о возможности такого полёта, но только не на «У-2», а в закрытом самолёте.

Март 22. Был в госпитале 39–31 (н. г. – Старон). Смотрел двух больных, подозреваемых в симуляции. Один больной, узбек по национальности, жалуется на то, что он не может сгибать ноги в коленных суставах, и ходит всё время «на цыпочках». Объективно на рентгеновском снимке виден очаг разрежения в верхней 1/3 правой голени по типу абсцесса Brodie, им и можно объяснить изменения походки. Второй больной жалуется на невозможность ходить, боли в суставах и пояснице. Объективно ничего нет, проф. Николаев и Стычинский тоже ничего ненормального не находят. При исследовании имеется небольшое уплощение ягодичной складки справа. Атрофии, анкилозов в суставах нет, коленные рефлексы нормальные; общее впечатление, что больной симулирует и неумело, хотя симулировать болезнь вообще легче, особенно в тех случаях, когда основным фоном болезни является боль в суставах или пояснице «болит поперёк, ходить не могу». Больного выписали в часть, а он отошёл от двери госпиталя и говорит: «Везите меня на лошади, я не дойду» – сел и не пошёл. Я рекомендовал ему 5 сеансов парафинотерапии поясницы со внушением, что все боли должны пройти и он должен быть выписан в часть.

Госпиталь переполнен, но производит хорошее впечатление чистотой, порядком и чёткостью в работе. Хорошо работает лаборатория.

Март 23. Был у прямого провода и вызывал Наркома здравоохранения РСФСР А. Ф. Третьякова. Разговор не состоялся, Москва не отвечала.

Март 25. Конференция по лёгочной хирургии в госпитале 13–06 (н. г. – Бершицкий). Докладчики: Рабинович С. И.; Вайнштейн М. Н. (расширение (раскрытие) ... пневмоторакса); Уварова (о «немых» гнойниках плевральной полости и «Обзор пневмоний после огнестрельных ранений лёгкого»). Выступал с заключительным словом по поводу ранения лёгкого и высказал своё мнение о травматической пневмонии на почве сотрясения тканей лёгкого.

Март 26. Утром для военных врачей Татищевского соединения читал полутора-часовую лекцию на тему «Лечение инфицированных ран на войне». Одновременно проф. К. А. Щукарев читал им лекцию о заболеваниях сердца. Лекции прошли хорошо. Слушателей было 30 человек.

Вечером состоялось 2-е заседание Саратовского хирургического общества с демонстрацией проф. Н. И. Голубева – Рибельский зуб, и проф. С. Х. Архангельского – демонстрация двух раненых, у которых извлечены осколки: у первого в районе III шейного позвонка, и у второго – в районе I позвонка. Извлечение удалось хорошо. Больные поправляются. Затем состоялись прения по докладу Е. Н. Попова – «Лечение газовой гангрены». Выступали проф. И. М. Рабинович, П. Т. Углов, Диканский, Н. И. Голубев и Е. П. Макарова. Я выступал с сообщением «о достижениях Британской медицины» и реферативно сообщил о рекомендуемом ими методе лечения инфицированных ран – в общем, ничем не отличающемся от наших методов. Было 25 человек. Составили график заседаний общества: в апреле намечены на 9 и 30 апреля в 8 ч. вечера, в кабинете главного хирурга в эвакуоотделе. Завтра, 27/III, обещал поехать на автомобиле в Татищево для операции по поводу аневризмы в госпитале Октябрьский Городок.

Март 28. Проводил конференцию в Энгельсе по приложенной повестке, которая была выполнена. В прениях освещалась важность и актуальность разбираемых вопросов. Темы для диссертационных работ были утверждены, и поручено диссертантам продолжать работу в том же направлении.

Вклейка: «Эвакогоспиталь № 3375. Коммунальная площадь, дом № 12.

Межгоспитальная конференция врачей-хирургов эвакогоспиталей г. Энгельса.

Повестка дня:

1. Профессор С. Р. Миротворцев. *Задачи вторичного шва.*
2. Ведущий хирург Ю. М. Симпсон. *Анализ хирургической деятельности Энгельсского хирургического объединения госпиталей за 1942 год – 15 мин.*
3. Кандидат меднаук Е. И. Курзон. *Огнестрельный остеомиелит – 15 мин.*
4. Кандидат меднаук И. В. Шмелёв. *Опыт изменения кровяного давления при перевязке крупных сосудов – 15 мин.*
5. Кандидат меднаук Угрюмов В. М. *Изменения кожной температуры при мозговых ранениях.*

Главный хирург эвакогоспиталей профессор С. Р. Миротворцев».

(Пункты 3–5 – Тезисы и планы диссертационных работ. – Г.Д.)

Март 30. Был в Октябрьском Городке, знакомился с госпиталем № ...

(н. г. – Максимов, ведущий хирург – Ф. И. Столетов). Из Саратова ехал через Татищево на автомобиле три часа. Дорога совершенно не приспособлена для транспорта. Госпиталь помещается в здании сельскохозяйственного техникума имени Тимирязева, здание с прочными стенами, хорошее, но захламлённое госпиталем. Раненых 700. Палаты и содержание в них раненых удовлетворительно. Консультировал больных с аневризмой, больного с повреждением таза и разрывом мочевого пузыря и несколько других больных. Ночевал в госпитале и утром 31/III вернулся в Саратов на автомобиле, затратив на поездку четыре часа. Госпиталь помещается в 12 километрах от Татищева и 6 километрах от Никольского, поэтому доставка раненых по просёлочным дорогам туда затруднительна.

Апрель

Апрель 2. Совещание всех начальников госпиталей по вопросу ранений и досрочной выписки раненых и больных в часть. В доме инвалидов (8 ч. вечера).

В 10 ч. вечера совещание по тому же вопросу у зампреда облсовета В. А. Сотникова. Были начсанокр Хенкин, нач. Богоявленский, Лаврищев, Соломатин, я и другие. Принят ряд организационных мероприятий.

Апрель 3. Заседание исполкома облсовета в присутствии секретаря обкома Комарова с участием всех начальников госпиталей, облздора, отдела эвакуогоспиталей по вопросу работы госпиталей и критики её. Основным докладчиком являлся председатель горсовета А. И. Ключников. В общем, хозяйственная и организационная работа признана неудовлетворительной. Лечебная работа признана удовлетворительной (выступления тов. Хенкина, Богоявленского и других).

Апрель 6. Был в госпитале 51–28 «Клинический Городок» (н.г. – Ярославцев). Больных и раненых 850, одних раненых – 450. Ранения средней тяжести, запущенные, переведённые из разных госпиталей. Особо тяжёлых ранений нет. Ведущий хирург Р. Р. Жукова вполне справляется с наличными контингентами. Госпиталь в удовлетворительном состоянии, хотя самая большая дефектура в хозяйственном оборудовании и снабжении. Так, например, в двух зданиях на 850 раненых нет ни одной электрической лампочки, не действует электрический автоклав, здания не отапливаются, обслуживающего персонала нет.

Вечером в 7 ч. состоялось заседание оргкомитета по созыву 3-й сессии эвакуогоспиталей Саратова и области. Намечены следующие темы:

1) Вторичный шов; 2) Итоги лечения отморожений за 1942/43 год; 3) Лечение огнестрельных ранений больших суставов; 4) Лечение ранений центральной нервной системы; 5) Физкультура в госпиталях; 6) Лечение авитаминозов и дистрофий в условиях эвакуогоспиталей.

Собрались сессию провести 21–23 мая совместно с санотделом ПриВО и начэваком 45. Утверждён оргкомитет. Иллюстрация к моей записи от 6 апреля (докладная записка ведущего хирурга и начмеда Жуковой).

Апрель 8. Был в госпитале 51–28 (н.г. – Ярославцев). Больных и раненых в госпитале 850. Перегружа нет. Консультировал нескольких больных и присутствовал в перевязочной на перевязках. Обращает на себя внимание огромное количество авитаминозных ран или, проще говоря, цинготипия. Раны не заживают, покрыты синими грануляциями, свищи длительно гноятся, сине-багрового цвета у них грануляции, кожа покрыта тёмными пятнами и типичными кровоизлияниями, имеются гематомы в икроножных мышцах, такие же гематомы имеются и в других местах, особенно подвергающихся давлению. Зубы расшатаны, дёсны разрыхлены, кровоточат. К сожалению, это обычная картина у многих раненых. Видел больного с септическим состоянием после ранения коленного сустава с цинготипными грануляциями, крайне истощённого – пульс 120 в минуту как нитка. Дал совет сделать высокую ампутацию бедра. Видел больного с полным разрушением локтевого сустава, с резкой болезненностью и с цинготипными грануляциями. Дал совет ампутировать левую руку в плече. Больные обслуживаются д-ром Жуковой неплохо, она очень внимательный врач и опытный хирург.

Апрель 8. Состоялось заседание нового комитета содействия раненым и больным при обкоме ВКП(б). Г. Алфёров – председатель, зампредседателя – Сотников. Члены: Миротворцев, Рабинович, Лаврищев, Денисов (военный отдел ВКП(б)), Мамуев, заместитель начальника РУЖД, начэвак 45 Горский, пред. медсантруд Воронкова. Распределены роли между отдельными членами и очерчены сферы деятельности. Я прикреплен к госпиталям Соколова Н. В., Давидсон С. Б. и Коган.

Апрель 9. Прошло заседание хирургического общества. Состоялись демонстрации нескольких больных после перевязок крупных сосудов и лечение аневризм и ряда больных после наложения вторичных швов на гранулирующие раны. Д-р Сobotский демонстрировал камни почки, развившиеся в течение перелома бедра. Возникли интересные прения.

Апрель 12. Посетил госпиталь № 32–87 (дописано карандашом. – Г.Д.), где начальником С. Б. Давидсон. Госпиталь хотя и переполнен, но резко изменился

к лучшему. Чисто, тепло, светло. Консультировал одного больного, у которого определил жировую эмболию лёгких и мозговых сосудов. Больной после перелома бедра в процессе выздоровления вдруг сразу ослеп, стал жаловаться на удушье, тяжесть в груди и слабость, пульс доходит до 140 в минуту. Затемнение сознания. Расширенные зрачки на свет не реагируют. Лечение. Покой, морфий...

Апрель 10–11. Был в Энгельсе на нейрохирургической конференции в госпитале 18–49 (так в тексте. – Г.Д.) (н. г. – А. Г. Пап), которая проходила по намеченной повестке. Доклады вызвали большие прения по всем актуальным вопросам черепно-мозговой хирургии. Решено конференцию повторить на другие темы в мае.

Вклейка: Пригласительный билет на имя Тамплон на научную госпитальную конференцию в нейрохирургическом госпитале № 18–48.

Апрель 13. Был в госпитале 33–13 (нач. госпиталя – Н. В. Соколова). Госпиталь имеет профиль для легкокораненых, ходячих, с ранениями верхних конечностей. Госпиталь переполнен. Осмотрел больного с ранением шеи и с явлением инфильтрации и больного с изъязвившимся рубцом с тыльного поворота правой стопы. Дал заключение о необходимости долечиваться.

Апрель 12–13. Был в госпитале 360 на конференции по поводу отморожений.

Вклейка: Программа заседаний на 12 и 13 апреля.

Конференция продолжалась два дня и прошла на высоком уровне.

Апрель 14. Совместно с инспектором Управления эвакогоспиталей НКЗ РСФСР Пресняковым осмотрел госпиталь 16–80 (н. г. – Поляков). Госпиталь переполнен на 147 человек. В общем, госпиталь производит хорошее впечатление. Есть дефект в историях болезни, в видах лекарств, уходе.

Был в госпитале 51–29 (н. г. – Бороненко). Осмотрел одного больного, у которого после извлечения большого осколка (2x1 см) из бедра развились через одни сутки бессознательное состояние, явления пневмонии, пульс 140, дыхание 34 в минуту. Состояние больного крайне тяжёлое. Рана – артротомия коленного сустава двумя разрезами, из которых один наружный разрез длиной до 30 см.

Мой диагноз: жировая эмболия. Назначил лечение – морфий как болеуспокаивающее и нервно-психическое средство – и запретил впрыскивать камфорное масло (по Г. И. Тураеру).

В дальнейшем течении болезни (15, 16, 17) выяснилась правильность диагноза; больной несколько оправился.

Апрель 15. Был вместе с инспектором Пресняковым в госпитале 995 (нач. госпиталя – Ковылина). Госпиталь перегружен на 150 коек (500 вместо 350 коек). Верхний этаж госпиталя отведён под легкокораненых, которых имеется до 200 человек. В одной палате за отсутствием топчанов больные лежат на полу, на тюфяках. Во втором этаже лежат больные с переломом бедра на скелетном вытяжении – 150 человек.

В общем госпиталь производит хорошее, «крепкое» впечатление. Ведущий хирург П. Т. Углов является хорошим руководителем молодёжи и пользуется у ней исключительным авторитетом. Больные претензий не заявляют, кроме жалоб на однообразное питание и отсутствие сыра и масла.

Был в госпитале 51–30 (н. г. – Ильин). Госпиталь переполнен немного, но вообще производит неопрятное впечатление при прекрасном здании. Шумно, накурено, топчаны не убраны, больные жалуются на плохой стол и однообразное питание. Видел больного после сделанной Макаровой Е. П. аппендектомии, осложнившейся нагноением операционной раны, и явления общего разлитого гнойного перитонита, который начал стихать. В это время обнаружился инфильтрат в левом паховом канале, где имеется паховое задержание яичка. Высказал подозрение на возможность ущемления грыжи в левом паховом канале с образованием калового свища или ущемления яичка.

Дал совет разрезать инфильтрат и расширить рану.

Апрель 16. Был в госпитале 51–28 (н.г. – Ярославцев). Обошли хирургические отделения. Консультировал ряд больных и раненых. Видел больного с инородным телом грудной клетки, расположенным за грудиной, и ряд других больных. Госпиталь постепенно крепнет и расширяется и приобретает вид серьёзного госпиталя.

Апрель 18. Был в госпитале 29–82 (н.г. – Афруткин). Госпиталь помещается в здании Сталинской поликлиники, немного переполнен, но производит хорошее впечатление. Ведущий хирург Вельтищев проконсультировал со мной ряд больных (Abscenus...). Госпиталь 29–82 является моим подшефным по Комитету содействия раненым.

Апрель 19. Был в госпитале 16–82 (н.г. – Окунь). Смотрел несколько больных и дал указания к разгрузке госпиталя.

В 4 ч. дня состоялось заседание комиссии помощи раненым при обкоме ВКП(б). Разбирался вопрос о подсобных хозяйствах эвакуогоспиталей.

Апрель 20. Был в госпитале № 32–87 (н.г. – Давидсон). Госпиталь резко изменил свою физиономию и из плохого госпиталя стал хорошо удовлетворительным. Каждое отделение моется через 10 дней, бельё чистое, в палатах не курят, рапортуют старшие палат. Операционная переносится в другое помещение. Ведущий хирург Перельман и консультант Раппопорт вполне справляются с делом. Видел больного после жировой эмболии лёгких. Он поправляется и чувствует себя хорошо.

Вечером состоялось заседание совета СМИ. Диссертацию на тему «Посттрансфузионный шок» защищал Касо (...) Прошёл на всех белых.

Апрель 21. Был в госпитале 36–31 (н.г. – Левчановский). В госпитале было 825 раненых. Госпиталь производит крайне благоприятное впечатление во всех этажах. Чисто, не накурено, всюду рапортуют старшие. Перевязочные и операционные вполне удовлетворительные. Больных моют регулярно. Обращают на себя внимание слабая работа лаборатории (недогрузка) и плохая работа кабинета АФК. В госпитале лёгкого профиля только 40 процентов охвачено лечебной гимнастикой. А между тем госпиталь предназначен для выздоравливающих. Мало применяют вторичных швов на гранулирующую поверхность, хотя Зан и Крылов – молодые энергичные хирурги. Госпиталь вышел на положение хороших. Жалоб на питание не поступало. Соблюдается внутри госпиталя сортировка по анатомическому признаку. Больные довольны и жалоб не заявляют.

Вечером 21/IV у начэвака 45 Горского было заседание консультантов эвакуогоспиталей по вопросу работы консультантов в системе НКО. Были: проф. Николаев, Варшамов, Щукарев, Рабинович, Краузе, Кутанин, Третьяков, Захаров, Стычинский, Беляев, Шварц, Эйбер и другие.

Апрель 22. Был в госпитале 51–28 (н.г. – Ярославцев). Госпиталь продолжает улучшаться. Просмотрел под рентгеном пулю у одного бойца, которая вошла слева на уровне IV межрёберного промежутка и находится позади грудины справа, на месте соединения хряща с грудиной. Пуля большая трассирующая. По моему мнению, пулю можно извлечь. Видел больного с ампутированной рукой, который чувствует себя лучше, хотя Нв у него 26 процентов, а эритроцитов 2 миллиона. Рекомендовал делать переливание крови, до массивных включительно. Поступило 45 новых раненых.

Апрель 23 (пятница). Был в госпитале гарнизонном 16–78 (н.г. – Гиршберг). Смотрел больного (...) после ранения коленного сустава (...) Рекомендовал направить для трудотерапии. Госпиталь перешёл в НКО, но особого улучшения не заметно.

Вечером 23/IV был в госпитале №... (н. г. – Давидсон), проводил совещание с шефами госпиталя с инструктажем от Комитета содействия раненым и больным. Были представители 9 шефских организаций. Сообщил о задачах шефства и роли шефских организаций в устройстве госпиталей. Все выступавшие согласились со мной, что шефство надо понимать не как голую материальную поддержку госпиталя, а как идеологическое руководство рабочих, крестьян, интеллигенции над ранеными, находящимися в госпитале.

Апрель 24. Был в госпитале №... (н. г. – Спирина) на операции, которую делал С. Х. Архангельский. Дело касалось больного, который был ранен осколком мины в область левого плечевого сустава, в результате которого развилась аневризма левой подключичной артерии. Разрезом слева, начиная от грудиноключичного сочленения и идя сверху кнаружи и вниз, были обнажены хрящи II и III рёбер, которые и были удалены после освобождения от надхрящницы. Артерия была перевязана между двумя лигатурами, но не перерезана между ними. С. Х. Архангельский не считал это нужным, а я думаю, что это неправильно, и боюсь, что в этом случае может наступить вторичное кровотечение вследствие пролежня на месте перевязки артерии. За каждым деянием С. Х. Архангельский говорил, не замечая этого: «Чёрт возьми», «Чёрт знает», «Чёрт бери». Больной, оперированный под эфирным обезболиванием, это ещё ничего. Но хуже, когда больной оперируется под местным обезболиванием, слышит эти возгласы, которые вряд ли его могут успокоить. Во всяком случае, у меня в ф.х. клинике был ассистент, кажется Ветулин В. В., который (всё время) во время операции поминал чёрта. Я старался его отучить от этой вредной привычки и в конце концов отучил. Однажды он оперировал большую грыжу у диакона и классически её нагноил. Дьякон стоически выносил это осложнение, а когда я, желая его утешить, сказал, что эти нагноения у этого ассистента случайные явления, дьякон мне возразил: «Так-то это так, С.Р., но когда во всё время операции доктор призывал к себе чёрта... то какой же чёрт – помощник в таком деле? Вот и получилось от этого таки осложнение – разве «чёрт знает», как лечить раны.

По-своему он прав. Когда ругают, кричат и поминают чёрта во время операции – повышается возможность капельной инфекции от разбрасывания слюны. Во всяком случае, надо следить за собою и не говорить ненужных, не относящихся к делу слов во время операций, и как это хорошо – видеть спокойного хирурга за работой. В своё время проф. М. С. Субботин – лидер Петербургской хирургии – так ругался, кричал, разгонял ассистентов во время операции, что в конце операции оставался один. Но этого никто из Петербургской школы хирургов не одобрял и на Субботина «указывали пальцем».

Там же присутствовал на операции, которую делал д-р Зиновьев, в ассистентах – Н. В. Герасимов и С. Х. Архангельский, – высокая ампутация бедра по поводу гангрены его после перевязки art. (...) по поводу аневризмы.

Апрель 25. В госпитале 51–29 (н. г. – И. П. Бороненко) выбросился из окна 3-го этажа раненый и разбился насмерть. Подробности не знаю. Рапорта от н.г. до вечера я не имел, хотя по телефону он мне доложил об этом. Только что был случай самоубийства в госпитале 16–83 (н. г. – Колодящина), где больной повесился, и командование не нашло его, хотя труп висел 12 дней в женской уборной в здании госпиталя. Надо собрать начальников госпиталей и серьёзно переговорить об этом. Весна – время весенних психозов; в это время надо быть особенно внимательным и наблюдать за больными.

Апрель 26. Был в госпитале № 32–87 (н. г. – Давидсон). Консультировал двух больных: один с иридоциклитом. Несмотря на авторитетное мнение специалистов, раненый не хочет, чтобы ему удаляли глаз. Решил вызвать проф. И. А. Беляева

для консультации. Второй больной – неправильно сросшийся перелом нижней челюсти с контрактурой сустава.

Апрель 27. Читал лекции студентам 4-го курса на тему «Желчнокаменная болезнь. Эхинококковая болезнь печени и лёгких».

Был в госпитале 51–29 (н. г. – Бороненко). Оперировал Бунеева Алексея Георгиевича. Сержант, комвзвода. Ранен он 11/III осколком артснаряда в Харькове. В верхней 1/3 левой голени с наружной стороны сделал разрез 6–7 см и в глубине мышц нашёл осколок 2x2 см. Рану промыл хлорацидом и не зашивал. Больной говорит, что он племянник Бурденко Н. Н.

Апрель 28. Был в госпитале 16–82 (н. г. – Окунь). 1) Консультировал больного с остропротекающим сепсисом после ампутации левой голени. Больной в полубессознательном состоянии, t° повышенная до 39° , пульс 132. Культи сухая, без грануляций, кровоточит. Больной производит впечатление тифозного. Однако, считая это заболевание раневым истощением, дал согласие на высокую ампутацию бедра, что и было выполнено А. Я. Демидовым;

2) Смотрел больного после ампутации левого бедра, у которого развился абсцесс на правой кисти. Больной в тяжелейшем состоянии (19 лет) – раневое истощение. Дал указание о переливании крови дробными дозами не более 100 куб. см;

3) Смотрел больного лейтенанта, у которого имеется перелом бедра 4-месячной давности и у которого за последние две недели начала подниматься температура (...) напоминает брюшной тиф. Однако, принимая во внимание проливание пота по ночам, после которого он должен менять рубаху, общее хорошее самочувствие и отсутствие каких бы то ни было жалоб, поставил диагноз «бруцеллёз» и просил сдать реакцию Райта.

В госпитале грязновато, две большие палаты имеют неопрятный вид, особенно паркетные полы, которые никогда не моются (я не видел) и паркет не натирается. Думаю, что общая грязь в этом госпитале служит причиной плохого лечения ран. Я не виню командование, но думаю, что само здание, грязное, захламлённое, служит причиной плохого его содержания. Госпиталь всегда переполнен самыми тяжёлыми ранеными, которых дают без всякой санитарной нормы и всегда пользуются центральным положением госпиталя в городе и удобством транспорта.

Днём было совещание по организации госпиталей восстановительной хирургии. Были: я, Тамплон, Н. В. Герасимов, П. Т. Углов, В. Е. Миловидов, Доценко, Никитина. Решили: организовать 3-месячные курсы врачей-ортопедов без отрыва от производства с 50-часовым теоретическим курсом (еженедельно одна 4-часовая лекция).

Апрель 29. Был в госпитале 360.

Консультировал: 1) Полковника с сепсисом после огнестрельного перелома левого бедра. Жалобы на боли нет. Решил подождать с ампутацией и обратить внимание на общее состояние раненого;

2) Больного, у которого после аппендектомии через 4 месяца развился правосторонний поддиафрагмальный абсцесс, который прорвался в бронх и частично был выкашлен больным. Однако больной продолжает лихорадить и слабеет. Диагноз «поддиафрагмальный абсцесс» подтвердился, и потому рекомендовал вскрыть его;

3) Полковника Мещерякова, которого 18/II 1943 г. оперировал проф. А. А. Оглоблин и сделал ему резекцию желудка. В результате образовалась пептическая язва тощей кишки. 24/IV у полк. Мещерякова было пищевое отравление; по приезде в госпиталь ему дали в вену раствор сульфидина, а через несколько часов внутрь... Возможно, что дальнейшее ухудшение произошло в связи дачей солевого слабительного (Magn. Sulfur.), т/к дача солевого слабительного при сульфидине воспрещена.

Был в госпитале 51–28 (н. г. – Ярославцев). Оперировал бойца, у которого пуля вошла слева в область соска и при рентген-просвечивании была определена справа на уровне III рёберного хряща. Разрез продольный длиной до 15 см начинается от правого грудино-ключичного сочленения прямо вниз к основанию хрящевой части IV ребра, в месте прикрепления его к грудной кости. По вскрытии подкожной клетчатки были обнажены хрящи IV и V рёбер. Хрящ IV ребра попутным разрезом был рассечён, надхрящница на нём вскрыта и отделена от хряща, а последний резецирован. Тут через надхрящницу и мышцы удалось войти в полость большого гнойника, расположенного в глубине переднего средостения за грудиной, больше справа, чем слева. При попытках расширить рану была вскрыта плевра, и наступил пневмоторакс. Обследование пальцем показало, что в правой половине гнойника, расположенного в лёгочной паренхиме, находилась большая, по-видимому, трассирующая пуля, которая без труда извлечена корнцангом. Полость гнойника была затампонирована двумя большими тампонами, которыми и был закрыт пневмоторакс. Больной перенёс операцию хорошо и поглотил 150,0 эфира. Помогали Р. Р. Жукова и И. М. Говоренкова.

Консультировал около 15 больных по разным разделам военно-полевой травматологии и много таких раненых, которые фактически были не обследованы и в моей консультации не нуждались.

Апрель 29. Вечером в 6 ч. состоялось заседание Госпитального совета с докладами ст. инспектора Фроста «О мероприятиях на весенне-летний сезон» и доц. Л. А. Куликова «Новый прибор для дачи кислорода». Членами Госпитального совета были: Рабинович, П. Н. Николаев, Третьяков, Стычинский, Захаров, Голубев, Щукарев, Тамплон, Соломатин, Огородникова, Боярская, Миротворцев и 10 начальников госпиталей. Заседание прошло вяло, скучно, видно было, что оно надумано.

Апрель 30. Был в госпитале 16–82 (н. г. – Окунь), куда был срочно вызван по поводу «газовой гангрены», развившейся срочно у ампутированного больного. Три дня тому назад Демидов А. Я. сделал высокую ампутацию левого бедра по поводу огнестрельного перелома и сепсиса. Вчера рану у больного смазали можжевеловым маслом, а сегодня с 12 часов начал бурно развиваться отёк культи. На глазах культи раздувалась, повязка врезалась в кожу, которая вплоть до пупартовой связки покрылась бронзовыми пятнами, была как подушка и при пальпации оставляла ямку. Не было сомнения, что бурно развивалась газовая гангрена в той форме, которая называется бурая или бронзовая рожа. Когда я пришёл, я застал следующую картину. Больной бледен, предсмертная тоска на лице, мечется, кричит «болит сердце», показывает на сердце, просит облегчить состояние. В art. radially пульса нет, есть пульс в art. femorally – как нитка. Культи в положении, описанном выше. Сняв повязку, обнаружил ампутационную рану в хорошем состоянии, покрытую свежими розовыми грануляциями. Решил впрыснуть сразу же морфий, Ol. camphae, холод на сердце и нести больного в операционную. Пока больного перенесли в операционную, пульс исчез, и, когда я думал приступить к нанесению нескольких разрезов, больной был уже в агональном состоянии и тут же, на столе, в 10 ч. вечера скончался. Картина тяжёлая и забываемая даже для опытного и испытанного человека.

Апрель 30. Заседание облисполкома и горсовета по поводу 1 Мая в 7 ч. вечера. Доклад: «1 Мая и задачи советского народа в Отечественную войну» секретаря обкома ВКП(б) по пропаганде И. П. Трифонова.

Май

Май 2. Был в госпитале 16–80 (н. г. – Поляков). Осматривал площадку для ранбольных, щели, двор. Весь госпиталь может поместиться в щелях.

Май 3. Заседание организационного комитета по созыву 3-й сессии эвакогоспиталей в 7 ч. вечера. Собрались: Миротворцев, Николаев П. Н., Третьяков, Варшамов, Щукарев, Шляпников, Герасимов, Шмелёв, Богословский, Краузе. Утвердили повестку заседания и назначили начало сессии на 26/V.

Май 4. Был в госпитале (16–82). Нач. госпиталя Окунь вместе с представителем Главсанупра Н. А. Захарченко. Им обращено внимание на: 1) Санпропускник, который не отвечает совершенно требованиям санитарной службы – три потока встречаются вместе: грязные больные, чистые больные и больные стационара; 2) То, что перевязочные и операционные не переоборудованы на лето (отвести столы от открытых окон, откуда попадает пыль городская); 3) Не проверяются гипсовые повязки после наложения при переломах бедра. Мало применяется витамин Д. Мало лечат раненых хлористым кальцием, массаж и т.д.; 4) В пищевом блоке не обследуются на бактерии (...) служащие.

Май 5. Был в госпитале № 36–30 (н. г. – Спирина) и оперировал лейтенанта Анкундинова. Ранен он был 3 месяца т/назад осколком мины в область левого бедра навывлет. Ясно слышимый шум «кошачье мурлыканье». Разрез продольный слева, начинается от пупартовой связки вниз по ходу art. femoralis длиной до 15 см. Прижатие бедренной артерии выше аневризма не уничтожало «мурлыканья», прижатие глубокой бедренной артерии сразу же прекращало шум «мурлыканья». Перевязка глубокой артерии бедра, туалет раны и послойное зашивание ран кетгутотом в глубине и шёлком кожу. Резиновый дренаж. Операция произведена под спинномозговой анестезией, причём анестезия была удачная. После операции пульс хорошо прощупывался. Ночью больной плохо спал, у него была несколько раз рвота и начала болеть голова. Утром (5/V) пульс 64, температура 37,8. Сильная головная боль. Конечность тёплая, пульс прощупывается.

Вечером 5/V состоялось заседание начмедов, ведущих хирургов всех госпиталей. Явка была полная. Докладчики: Герасимов Н. В., Миротворцев С. Р., Гуревич П. А. Тема: дефекты в организации и оказании хирургической помощи.

Выступали: Макарова, Рыбак, Диканский, Углов – все они критиковали организацию эвакоотдела.

Май 7. Был в госпитале 51–28 (н. г. – Ярославцев). Консультировал несколько больных. Госпиталь развернул отделение для выздоравливающих на 300 человек, в котором введены воинский порядок и дисциплина. Всего в госпитале около 1050 раненых и больных.

Вечером 7/V в 8 ч. состоялось заседание Саратовского хирургического общества с докладом И. М. Рабиновича: «Хирургическая мысль до Пироговского периода». Были демонстрации д-ра Короткова – лечение каузалгий левой кисти удалением (...) и два больных с наложением сосудистого шва после удаления аневризм (д-р Герасимов и д-р Зиновьев). Случаи, демонстрированные в заседании, представляют большой интерес.

Май 8. Был в Энгельсе на конференции в госпитале № 3375.

Вклейка с программой конференции.

Доклад Андрушко представлял большой интерес. 150 случаев оперативного лечения отможенных 3-й и 4-й степени по способу некрэктомии – 75 процентов первичного заживления. Доклад Горской был отложен. Ночевал в Энгельсе. 9/V утром консультировал ряд больных – sarcoma colli (lympho-sarcoma).

Май 12. В 2 ч. дня совещание по авитаминозу. Были Г. Ф. Барбанчик, П. Н. Николаев, К. А. Щукарев, П. А. Гуревич, М. М. Эльконси, Тамплон, С. Р. Миротворцев, К. К. Соломатин. Приняли ряд организационных мер.

Май 13. Был в госпитале 16–82 (н. г. – Окунь). Оперировал по поводу кровотечения из раны правого бедра. Перевязал art. femoralis (...) и перерезал её.

Перевязал V. femoralу двумя лигатурами, но не перерезал её. Кровотечение остановилось.

Май 14 осмотрел больного и нашёл у него: нога тёплая и розовая, болей нет, чувствует себя хорошо. 18/V нога цела, чувствует себя хорошо.

Вечером 14/V состоялась заседание хирургического общества с докладом проф. С. Р. Миротворцева «Н. И. Пирогов – основоположник современной военно-полевой хирургии».

Май 15. Был в госпитале 13–07. Консультировал: 1) больного Котова, раненного в марте в правую половину грудной клетки осколком снаряда. При рентгеноскопии обнаружено следующее: осколок 6x8 см лежит в правом лёгком, возле ворот лёгкого (hulus). Никаких объективных и субъективных жалоб нет. Температура нормальная. Кровотечения нет. Решено временно воздержаться от извлечения осколка; 2) больного, у которого после ранения брюшной полости с 5/V началось общее инфекционное заболевание типа инфекционного гепатита. У больного имеется сепсис.

Май 17. Понедельник. Был в госпитале (н. г. – Вайнгольц). Осмотрел главный корпус и консультировал ряд больных. В палатах чисто, больные купаются в срок, жалоб нет, больным оказывается должная хирургическая помощь.

Вечером 17-го совещание начальников э-госпиталей НКЗ. Доклад Щукарева К. А. Авитаминозы. Мой доклад. Новый этап в жизни э-госпиталей в связи с перегрузкой их и задачи госпиталей. Цедрольная фракция можжевелевого масла и его применение.

Май 18. Вторник. Был в ф. х. клинике и делал операцию (...)

Май 19. Среда. Был в госпитале 51–28 (н. г. – Ярославцев). Осмотрел госпиталь и консультировал нескольких раненых, дал указание относительно можжевелевого масла (...) Госпиталь производит хорошее впечатление, чисто, палаты в порядке, больные купаются, жалоб на питание не поступало.

Май 20. Четверг. Был в госпитале 16–82 (н. г. – Окунь). Перевязывал больного Стороженко, у которого после огнестрельного ранения правого бедра, почти зажившего, образовалась флегма бедра, вскрытая несколько дней тому назад. Сепсис. Вскрытые затёки на внутренней поверхности правого бедра. Положение больного тяжёлое. В 4 часа дня началась конференция медицинских сестёр.

Май 21. Конференция в госпитале 13–06 (н. г. – Виноградов). Разбирались три случая смерти. 1-й случай: слепое ранение лёгкого с наличием пули в лёгком. Удаление пули из правого лёгкого и смерть через 10 дней от сильнейшего кровотечения из hulusa. Связи кровотечения с операцией нет никакой. В смысле ухода до и после операции дефектов нет.

2-й случай: смерть раненого, недавно прибывшего в госпиталь после ампутации бедра, с явлениями авитаминоза и алиментарной дистрофии. Расхождений в диагнозе нет. Проф. А. С. Шварц высказывался за возможность эндогенной и экзогенной алиментарной дистрофии, что более соответствует действительности.

Май 22, суббота. Был в госпитале №... (н. г. – Левчановский). Госпиталь переполнен, но раненные легко, а потому порядок полный. Назначенные физкультурные упражнения не состоялись из-за холодной погоды.

Был в госпитале 16–82 (н. г. – Окунь). Делал ампутацию правого бедра Стороженко по поводу газовой гангрены, обнаруженной у него в мазках гноя (...) Сперва были сделаны перевязки art. femoralу et v.

Май 23, воскресенье. Был в госпитале 16–82 (н. г. – Окунь). Навестил больного Стороженко. После операции он чувствует себя хорошо: t° нормальная, пульс 120, хорошего наполнения.

Вечером прилетели из Тбилиси: проф. А. П. Цулукидзе, нарком здравоохранения Грузии Магавариани и инспектор здравоохранения СССР.

Май 24, понедельник. Госпиталь 16–82. Операция и перевязка Стороженко. В результате ползучего гнойного процесса больному была сделана высокая ампутация правого бедра. Больной перенёс операцию хорошо.

Май 26, среда. Госпиталь 16–82. Операции (2 ампутации, резекция (...) разрезы). В 6 ч. вечера открытие конференции эвакуогоспиталей. Выступал с докладом на тему... (Далее – вклейка с программой конференции на 26 мая 1943 г. и темой доклада С. Р. Миротворцева «От сохраняющей хирургии первых этапов до восстановительной хирургии настоящего периода Отечественной войны»). – Г.Д.)

Май 27, четверг. Был в госпитале № 33–13 (Соколова). Осматривал госпиталь. Полный порядок. Проконсультировал ряд больных. Вечером продолжение конференции.

Май 28, пятница. Был во 2-й сов. больнице на консультации у проф. Л. А. Варшамова: метастатический ползучий инфильтрирующий гепатит...

Вечером III пленум конференции. Был председателем конференции по вопросу «Черепно-мозговая хирургия».

Май 29, суббота. Был в госпитале 51–30 (н. г. – Иткин). Извлекал пули из пяточной кости (...) дугообразный разрез сзади по пятке на уровне лодыжек длиной до 12–15 см, проём до кости. Большим долотом, поставленным поперечно, кусок кости отбит, и полученную рану растянул крючками. Место прикрепления Ахиллова сухожилия не затронуто. Острой костной ложкой в верном сегменте пяточной кости выскоблен... и в глубине... кости обнаружена большая трассирующая пуля с медной оболочкой.

Май 30, воскресенье. Вклейка программы конференции на 30 мая 1943 г.

Июнь

1/VI, вторник. Заседание совета СМИ совместно с К. Я. Шквацобоя.

2/VI, среда. Заседание хирургического общества совместно с д-ром Ландо, командированным из Москвы по вопросу лечения ран по способу Краузе. Выступали я, Ландо, Заюрев, Рабинович, Николаев, Демидов, Краузе. Общее заключение: надо наблюдать и документировать наблюдения.

3/VI, четверг. Был в госпитале 51–28 (Клингородок).

4/VI, пятница. Был в госпитале № 36–30 (начальник госпиталя – Спирина). Осмотрел больного Анкундинова, оперированного по поводу аневризмы левой бедренной артерии. Возобновилось журчание – рецидив.

5/VI, суббота. Был в госпитале 16–82. Вскрывал затёк на бедре после ампутации у турка.

6/VI, воскресенье. Был в госпитале 36–31 (н. г. – Левчановский). Консультировал ряд больных. В госпитале недогруз – 300–400 больных.

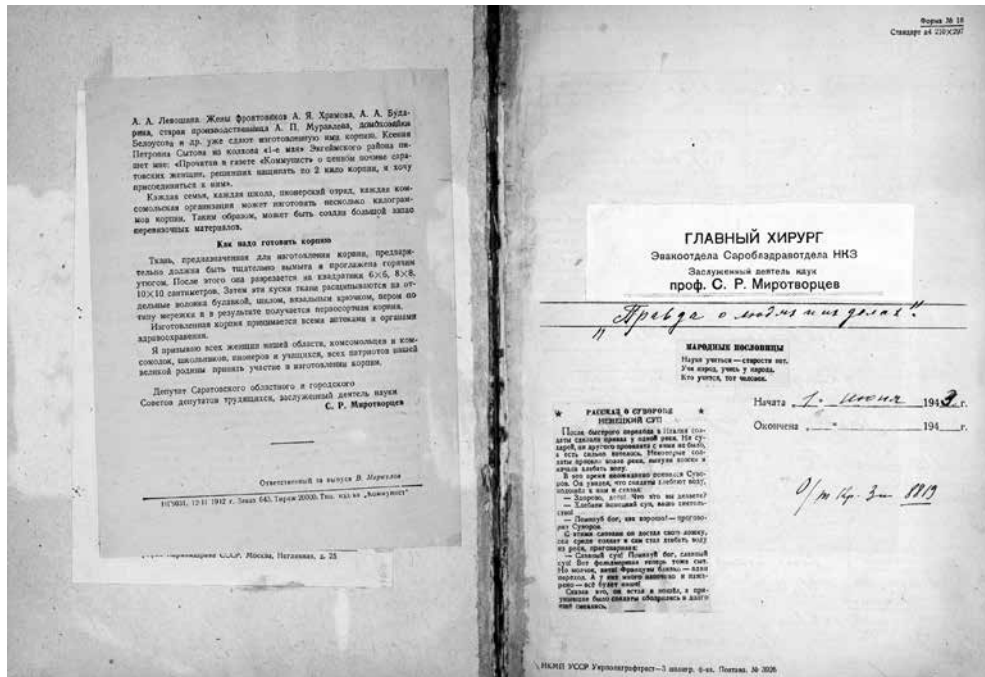
7/VI, понедельник. Перевязка Гликману в госпитале 16–82.

Был в госпитале 995 вместе с командированным из Москвы Блохиным. Раненых 275 чел. Физкультурный кабинет разрушен. Баландин этим разделом работы не интересуется.

8/VI, вторник. Был в госпитале 16–82 вместе с Блохиным. В клинике делал операцию: резекция желудка по поводу рака.

9/VI, среда. Был в госпитале 16–82. Перевязал турка после ампутации. В 8 ч. вечера в госпитале 16–78 состоялось заседание редколлегии сборника работ эвакуогоспиталей (были Хенкин, Гиршберг, Николаев П. Н., Шляпников).

10/VI, четверг. Был в госпитале 51–28 (Клингородок). Консультировал ряд больных и был на операциях.

11/VI, пятница. Был в госпитале 16–80. Оперировал Носовского – вскрывал затёк по промежности. Вечером состоялось заседание хирургического общества с докладом Р. Р. Жуковой «О влиянии на заживление ран цидрольной фракции можжевелевого масла». Доклад сделан плохо.

12/VI, суббота. Был в госпитале 13–06. Консультировал 15-тилетнего сына врача Флеровой, раненного случайно в санитарном поезде. Комбинированная рана брюшной и грудной полости. Состояние больного удовлетворительное.

14/VI, понедельник. Был в госпитале 13–04 на врачебной конференции.

15/VI, вторник. Был в госпитале 51–28 (Клингородок). Консультировал больных. Смотрел с проф. А. Е. Штерном, Н. А. Николаевым больного Желиля – рак глотки после р-терапии. Больному субъективно и объективно лучше.

16/VI, среда. Был в госпитале 51–28 (Клингородок) вместе с зам. наркомом Жигиным и Соломатиным.

17/VI, четверг. Был в госпитале 51–28. Был на операции Evertratio.

18/VI, пятница. Был в госпитале 39–31 (Левчановский). В госпитале 16–82 делал операцию Я. А. Гликману – Reamputatio... Зашил наглухо с 2 резиновыми полосками. Наркоз – эфир.

19/VI, суббота. Был в госпитале 13–04. Был в госпитале 16–82. Перевязал Гликмана. Всё хорошо.

20/VI, воскресенье. Перевязка Гликману. В ночь на 21/VI в 11 ч. 30 м. вечера 8-й налёт на Саратов. Было 14 атак.

21/VI, понедельник. Был в госпитале № 32–87 (н. г. – Давидсон). Обошёл отделение восстановительной хирургии по уху, горлу и носу.

22/VI, вторник. Заболел Enterocolitis.

23/VI, среда. Enterocolitis. Т – 38,50.

24/VI, четверг. Enterocolitis. Т – 37,50.

25/VI, пятница. Был в госпитале 13–06. Консультировал больных с д-ром Рыбаком.

Июль

6/VII, вторник. Совещание в отделе эвакуогоспиталей совместно с Никоморовой, Фридом, Герасимовым, Новиченко по вопросу восстановительной хирургии.

7/VII, среда. Был в госпитале 16–82. Перевязал Гликмана.

8/VII, четверг. Был в госпитале 13–04.

11/VII, воскресенье. Мой доклад «XXV лет Советского здравоохранения».

14/VII, среда. Выехал в Энгельс. Ночевал в госпитале № 34–53 (н. г. – Провоторов). Обошёл отделение с Курзон и другими врачами. Госпиталь приобретает хороший вид.

15/VII, четверг. Обход и консультация больных. Перевязка раненых. Гипсовая повязка М. С. Соллогубу. Доклад на конференции врачей «XXV лет Советского здравоохранения и задачи эвакуогоспиталей на данном отрезке Отечественной войны». Ночевал в Энгельсе.

16/VII, пятница. Уехал из Энгельса. В 6 ч. вечера открытие сессии областного совета депутатов трудящихся.

17/VII, суббота. Продолжение сессии. Закрытие сессии.

18/VII, воскресенье. На пароходе «Баранов» выехал в Хвалынский на конференцию в Черемшаны.

19/VII, понедельник. Вместе с Фростом, Герасимовым, Спиридоновым прибыл в Хвалынский и в 8 ч. вечера в Черемшаны.

20/VII, вторник. Открытие конференции в Черемшанах. Делал доклад на заседании конференции «XXV лет Советского здравоохранения и задачи эвакуогоспиталей на данном отрезке Отечественной войны».

21/VII, среда. Делал доклад на конференции в Черемшанах «Огнестрельные остеомиелиты и их лечение».

22/VII, четверг. В 12 ч. дня прибыл в Саратов на пароходе «Баранов».

23/VII, пятница. Был в госпитале 16–82, перевязка Гликману.

24/VII, суббота. Выехал в 9 ч. утра на аэродром в Разбойщину. Целый день ждал отлёта самолёта в Москву, но туда перелёта не было. Ночевал в палатке на аэродроме в Разбойщине.

25/VII, воскресенье. Целый день провёл в Разбойщине в ожидании самолёта. В 6 ч. вечера вылетел на самолёте в Москву. В Пензе самолёт был остановлен ракетами, мы сели ввиду того, что Москва не принимала, и ночевали в Пензе в общежитии. Летели от Саратова до Пензы – 1 час.

26/VII, понедельник. Утром в 8 ч. утра вылетели из Пензы и через 3 часа через Рязань прилетели в Москву, где и приземлились на центральном аэродроме (станция метро – Аэропорт).

В 2 часа дня прибыл в заседание Учёного совета Наркомздрава РСФСР в здание ГИФО, где и остановился, Петровка, 25.

27/VII, вторник. Заседание Учёного совета Наркомздрава РСФСР.

28/VII, среда. Заседание в кабинете наркома здравоохранения РСФСР тов. А. Ф. Третьякова. В 4 ч. дня приём у председателя Совнаркома РСФСР тов. Косыгина. Моё выступление у председателя Совнаркома.

29/VII, четверг. Заседание у председателя Учёного совета А. И. Нестерова в 4 ч. дня. Изложена программа работы провинциальных членов Учёного совета. Следующее заседание намечено в Свердловске на конец сентября.

30/VII, пятница. В 12 ч. 10 мин. Поездом № 49 выехал в Саратов, куда и прибыл 31/VII, в субботу в 10 ч. вечера без всяких происшествий.

Август

3/VIII, вторник. Был вместе с К. К. Соломатиным в госпитале 51–28. Осмотрел, проконсультировал и частично перевязал женское отделение (41 женщину).

Серьёзных ранений нет. Осмотрел кабинет физкультуры (заведующий – Максимов). Один из лучших кабинетов, где приборы сделаны самими сотрудниками, много остроумных моделей и важных приспособлений. В госпитале до сих пор нет воды, и прибывающих раненых моют «вручную».

4/VIII, среда. Заседание Контрольной комиссии по смертности в эвакуотделе. Были Фрид, Драпкин, Шляпников, Рабинович, Соломатин, Колодяцин, Спирина.

В 10 ч. вечера состоялась комиссия по выработке тезисов моего доклада на III пленуме Госпитального совета НКЗ СССР на тему «Клиника и лечение огнестрельных повреждений больших суставов по материалам эвакуогоспиталей тыла». Были в заседании проф. Шляпников, А. Я. Демидов, П. Т. Углов, Н. И. Голубев.

5/VIII, четверг. Был в госпитале № 32–87 (н. г. – Давидсон). Консультировал вместе с проф. Н. А. Николаевым и И. М. Рабиновичем раненного в лицо 22/VII возле Ворошиловграда, у которого сегодня началось сильнейшее кровотечение из раны на лице. Дал указание перевязать art. carotis..., что и было произведено д-ром Б. А. Перельманом и проф. И. М. Рабиновичем.

Обсуждал вопрос о назначении заведующим отделением восстановительной хирургии по уху, горлу и носу вместе с проф. Н. А. Николаевым. Остановились на кандидатуре Шапиро.

В 12 ч. ночи радио сообщило о занятии городов Орла и Белгорода.

6/VIII, пятница. Был в госпитале 16–82. Присутствовал на показательных операциях для ведущих хирургов отделений восстановительной хирургии. Делал проф. Н. П. Новаченко экономную резекцию левого коленного сустава по поводу заднего подвывиха его при закрытой травме сустава, и А. Я. Демидов делал руку Крукенберга инвалиду, лишённому двух рук и двух ног. Сделал операцию чётко, хорошо, а главное асептично. Несколько видоизменённая методика классического способа.

7–8/VIII, суббота. Был в госпитале 16–80. Обошёл урологическое отделение. Больных 48 человек. Жалоб на плохое лечение, грубость или невнимательное отношение врачебного персонала не поступало. Консультировал ряд больных с проф. Рабиновичем, д-ром Чернецовой и Субоцким (апостематозный нефрит, карбункул почки). Осматривал отделения для приёма при газотравлениях. Санпропускник выдержан. В госпитале 320 раненых. Отделение для каловых свищей решил организовать в госпитале 13–06. Встретился с проф. Новаченко и д-ром Герасимовым, которые осматривали госпиталь.

8/VIII, воскресенье. Осматривал гражданскую больницу для инвалидов Отечественной войны, расположенную в школе № 5 по Коммунарной улице. Главный врач – д-р А. С. Виноградов. Больница в стадии формирования. Идёт ремонт. Здание мало приспособленное, грязное и неудобное. Много надо ещё работать, чтобы сделать подобие больницы.

9/VIII, понедельник. Осматривал больного в госпитале 16–82, оперированного 6/VIII Новаченко (резекция коленного сустава), у которого обнаружилась гематома коленного сустава, которая пульсировала и ниже симулировала пульсирующую гематому (аневризму). Однако после снятия одного шва и освобождения (...) пульсация прекратилась. Дренаж. Глухая гипсовая повязка.

10/VIII, вторник. Учёный совет медицинского института. Отчёт двух председателей государственных испытательных комиссий.

Вечером – открытие межобластного совещания по работе местных ПВО.

11/VIII, среда. Продолжение работ Межобластной конференции по медико-санитарной службе МПВО.

Моё выступление в прениях по поводу опыта войны 1914–1917 и первого применения немцами БОВ (фосген) под Равой-Русской, когда под действие БОВ попала одна наша дивизия (8000 человек).

12/VIII, четверг. Был в сортировочном госпитале 39–34 (Вайнгольц). В госпитале (челюстно-лицевом – Давидсон) было отравление раненых (15 человек) мясом. Дело обошлось благополучно.

С 16/VIII по 1/IX 1943 г. был в санатории лётчиков в Смирновском ущелье (госпиталь 41–46, н.г. – Гродицкий). Дело поставлено хорошо, кормят сытно и обильно, но невкусно, хотя продуктов имеется в избытке. Работа медсестёр и младшего медперсонала чёткая, серьёзная и деловая.

Сентябрь

1/IX. Совещание в отделе эвакуогоспиталей с РЭП 110 и главным хирургом ПРИВО Новаченко по вопросу: «Новый этап хирургической деятельности госпиталей». Моё вступительное слово и три основные задачи: 1) Заключительное лечение в тыловых госпиталях; 2) Специализированное лечение в госпиталях; 3) Восстановительная хирургия. Доклад Н. В. Герасимова. Прения: Каждан, Рыбак, Углов, Голубев... неудачное выступление Н. П. Новаченко. Собрание готовилось без меня, и докладчик (основной) Новаченко не был предупреждён о теме его выступления, в силу чего его выступление было скомканно и носило неопределённый характер.

2/IX. Был в госпитале №... (н.г. – Антонов Б. Н.). В госпитале 432 раненых средней тяжести. Здание переполнено, коридоры заняты кроватями. Больные – раненные в период 19–25 июля возле Ворошиловграда, Изюма, Харькова. Очень тяжёлых раненых нет (один случай смерти за один месяц). На предыдущих этапах раненые получали хирургическую обработку, почти все иммобилизованы (20 процентов без фиксации) и, главным образом, глухими гипсовыми повязками, наложенными хорошо. Документация на этапах хорошая, чего нельзя сказать о госпитале №..., где документация отстаёт. Обращает внимание большое количество раненных в бедро и голень. Нашёл трёх бойцов, которые ранены земляными минами, вернее сказать, воздушной волной от земляных мин, начинённых «толом» – взрывчатым веществом. На эти мины люди наскокивают случайно. Видел оторванную такой волной голень, раздробленные стопы. Большое раздробление и размозжение костей, причём осколки металла снаряда нет. Эти мины заключены в деревянную оболочку – ящик, а потому миноискателями не улавливаются. В госпитале хороший рентгенолог – Масловский. Плёнки и химикаты для Р-снимков есть. Марли, ваты, гипса достаточно. Дефектуры в аптеке нет. Кормят хорошо. Жалоб на питание нет. Начальник госпиталя во всё вникает сам и пользуется большим авторитетом у персонала.

6/IX. Был в госпитале 15–28 (н.г. – Ярославцев). Обычный обход и консультация раненых. Госпиталь переполнен довольно тяжёлыми ранеными.

7/IX. Был в госпитале 995 (н.г. – Ковылина). Обход и консультация раненых. Большое количество больных с переломом бедра на скелетном вытяжении.

8/IX. Был в госпитале 33–13 (н.г. – Соколова Н. В.). Обход и консультация раненых. Госпиталь переполнен тяжёлыми ранеными, лежат на полу, что производит тягостное впечатление. Жалобы на плохую еду.

9/IX. Был в госпитале 16–78 (н.г. – Французова). Обход и консультация раненых. Жалоб нет. Чисто, опрятно, уютно.

10/IX. Был в госпитале 16–80 (н.г. – Поляков). Госпиталь переполнен тяжёлыми ранеными. Консультация и обход.

Был на консилиуме в госпитале № 16–83 (н.г. – Колодяшин) по поводу двух больных с явлениями непроходимости кишок (основная болезнь – паратиф). Рекомендовал выжидательную терапию.

НВ. В дальнейшем дело обошлось благополучно, без операции.

10/IX. В 8 ч. 20 мин. вместе с начэваком 110 полковником Фридом уехал в Аткарск на ревизию госпиталя 51–31 (н. г. – Алешков А. А.). Госпиталь заполнен, имеется около 1000 раненых. Раненые обслужены удовлетворительно, жалоб на лечение нет. Кроме начальника госпиталя, хирурга, есть молодой хирург Завгородняя. Много недостатков хозяйственных, недостаёт топлива и продуктов питания. Был в райкоме и райсовете.

11/IX. Был в Аткарске в госпитале 51–31. Вечером вернулись в Саратов.

14/IX. Был в факультетской хирургической клинике на обычных занятиях.

16/IX. Был в госпитале 36–30 (н. г. – Спирина) с комиссией горкома по присуждению Переходящего Красного Знамени. Госпиталь удовлетворяет всем требованиям на Красное Знамя.

17/IX. Был в госпитале 16–83 по поводу больных с непроходимостью кишечника.

Вечером – Хирургическое общество.

18/IX. Был на консультации в ж.д. больнице с проф. Н. И. Голубевым.

Был вместе с РЭП 110 (Драйкиным, Герасимовым, Шляпниковым) в госпитале 36–31 (н. г. – Левчановский) на конференции по поводу травмы от кровотечения из art. tibialis post при аневризме. Большой неправильно трактовался как лёгкий, ходячий больной, и аневризма у него не была распознана.

19/IX. Был в отделе эвакогоспиталей от 12 ч. утра до 5 ч. дня.

20/IX. Был в госпитале 51–29 (н. г. – Васильчук). Положение в госпитале тяжёлое – 1050 раненых, главным образом в грудную клетку. Ведущий хирург – Рыбак. Госпиталь расположен в малоприспособленном здании гостиницы «Астория», уход не обеспечивается, света нет, топлива тоже. Много жалоб на обслуживание, запаздывание с питанием.

23/IX. Был в госпитале 51–28 (н. г. – Ярославцев). Сделал обход и осмотрел отделение для раненых женщин. Особо тяжёлых ранений нет. Оригинальное впечатление оставляют женские палаты: они лежат в одних трусиках, в телодвижениях не стесняются, в выражениях тоже, громко поют, все курят, грызут семечки и т. п.

24/IX. Был в факультетской хирургической клинике на обычных занятиях.

Вечером – «Хирургическое общество».

25/IX. Был в госпитале 16–80 (н. г. – Поляков). Госпиталь переполнен, но больные обслужены хорошо. Жалоб нет. Госпиталь представляется на премирование Переходящим Красным Знаменем.

28/IX. Был в факультетской хирургической клинике на обычных занятиях.

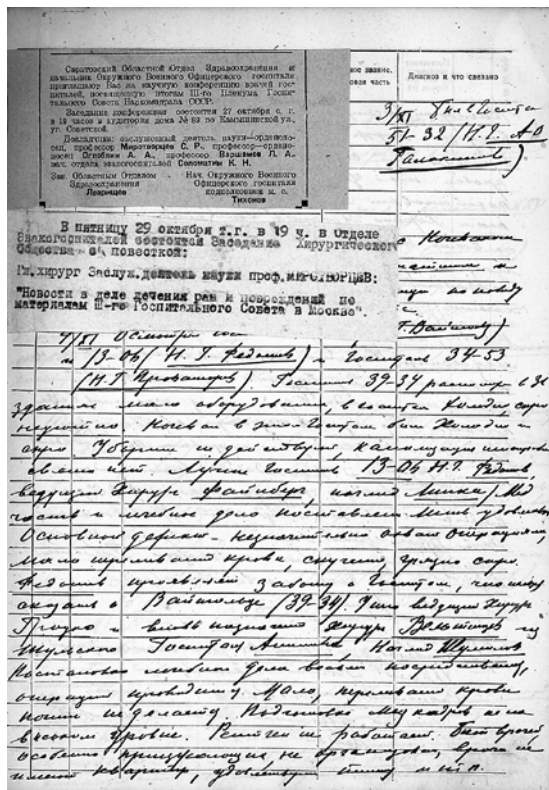
Вечером – «Учёный Совет СМИ».

30/IX. Был в госпитале 29–82 (н. г. – Антонов). Госпиталь переполнен, больные лежат в коридорах. Хирургическое обслуживание отстаёт, есть жалобы на продовольствие и однообразное питание. Однако в общем порядок. Провёл вместе с Шляпниковым и Герасимовым конференцию по поводу разбора ряда историй болезней, больные умирали в госпитале. Имеется определённый недостаток со стороны персонала.

Октябрь

1/X. Был в госпитале 29–82 (н. г. – Антонов). Сделал обход и провёл ряд консультаций.

2/X. Был на консилиуме в госпитале 16–82 (н. г. – Окунь) по поводу раздробленного перелома бедра у раненого Володи Н. Общее состояние тяжёлое, пульс нитевидный, без напряжения и почти без наполнения. Несколько дней тому назад было профузное кровотечение из раны. Затёки. Больной лежит на скелетном вытяжении. Бледен, худ и слаб. Можно ожидать повторного

кровотечения. Септическое состояние. Дал указание на ампутацию. Большой согласился. Д-р А. Я. Демидов быстро сделал ампутацию под эфирным наркозом, но больной (в состоянии шока) скончался через несколько часов. Переливание крови сделать не удалось ввиду неблагополучного состояния почек.

NB: Сын умирал в госпитале, а мать сидела на вокзале, не имея возможности пройти по городу без пропуска и не зная, где расположен госпиталь в Саратове.

2–8/X. Подготовка материалов для 3-го пленума Госпитального совета в Москве.

10/X. На самолёте «Дуглас» вылетел в Москву и прибыл туда в 2 ч. дня.

10–20/X. Был в Москве на 3-м пленуме Госпитального совета. (Вклейка – повестка 3-го пленума Госпитального совета Наркомздрава СССР и Наркомздрава РСФСР. Октябрь 1943 г. Москва. – Г.Д.)

20/X. Поездом выехал из Москвы в международном вагоне и 22/X приехал в Саратов.

27/X. Конференция в Саратове по поводу 3-го пленума Госпитального совета.

28/X. Был в госпитале 51–28 (н.г. – Ярославцев). Сделал обход всех отделений и провёл ряд консультаций. Госпиталь переполнен. Вода и свет есть. Жалобы есть, но на питание нет.

29/X. Заседание Хирургического общества.

30/X. Был в госпитале 29–82 (н.г. – Антонов). Сделал обход и провёл ряд консультаций. Госпиталь переполнен.

Ноябрь

1/XI. Был в госпитале 29–82 (н.г. – Антонов). Провёл ряд консультаций. Положение с переполнением тяжёлое.

Был в госпитале 51–29 (н.г. – Васильчук). Провёл обход и ряд консультаций. Больные тяжёлые, госпиталь переполнен, но жалоб на обслуживание и на лечебную работу нет. Диетическое питание налажено, имеется (...) стол для офицеров. Коллектив хороший, крепкий, сплочённый. Помещение трудное для обслуживания. Аптека хорошая.

3/XI. Был в госпитале 51–32 (н.г. – А. О. Галактионов).

3–4/XI. Был в Энгельсе вместе с начэваком МЭП 86 Корневым, и Соломатиным, и Фростом и проводил конференцию по поводу 3-го пленума Госпитального совета.

4/XI. Осмотрел госпитали 39–34 (н.г. – Вайнгольц), 13–06 (н.г. – Федотов) и госпиталь 34–53 (н.г. – Провоторов). Госпиталь 39–34 расположен в 3-х зданиях,

мало оборудованных, в госпитале холодно, сыро, неуютно. Ночевал в этом госпитале, было холодно и сыро. Уборные не действуют, канализация неисправна, света нет. Лучший госпиталь 13–06 (н. г. – Федотов, ведущий хирург Файнберг, начмед Липка). Медчасть и лечебное дело поставлены лишь удовлетворительно. Основной дефект – незначительный охват операциями, мало переливаний крови, скученно, грязно, сыро.

Федотов проявляет заботу о госпитале, что нельзя сказать о Вайнгольце (39–34). У него ведущий хирург Гродко и вновь назначенный хирург Вельтищев из Тульского госпиталя Антонова, начмед Шумилов. Постановка лечебного дела весьма посредственная, операций проводится мало, переливаний крови почти не делается. Подготовка медкадров не на высоком уровне. Рентген не работает. Быт врачей, особенно приезжающих, не организован, врачи не имеют квартир удовлетворительного типа, и т. п. Наоборот, госпиталь 34–53 (нач. госп. П. Н. Провоторов, ведущий хирург Е. И. Курзон, начмед Фонберг) производит самое отрадное впечатление. Я провёл там целый день, детально ознакомился с постановкой лечебного дела, которое организовано там хорошо. Я обошёл все отделения и ознакомился почти со всеми больными. Там ведётся большая научно-практическая работа, используются все новейшие методы лечения (парафино- и грязелечение), широко поставлено дело переливания крови, которое делают все врачи, большинство медсестёр. Хорошо подготавливаются врачи и хирурги. Д-р Курзон использует активные методы в деле лечения переломов бедра, проводя энергичную вторичную обработку ран, удаляет повторные, скелетированные осколки костей (метод Юдина) и накладывает бесподкладочную гипсовую повязку. Хирургические вмешательства не запаздывают. Жалоб от больных нет. Врачи знают больных. Хорошая операционная и удобная перевязочная. Большое переполнение госпиталя главным образом тяжёлыми ранеными.

5/XI. Мой доклад в отделе эвакогоспиталей: «26 лет Великой Октябрьской социалистической революции, и наши задачи на современном этапе Отечественной войны».

6/XI. Торжественное заседание в Горсовете «26-я годовщина Октябрьской социалистической революции».

7/XI. Был в госпитале 16–82 и поздравил раненых с XXVI ГОСР.

9/XI. Был в госпитале 39–31 на конференции. Госпиталь по профилю терапевтический, заполнен наполовину, т. к. достаточного количества больных нет. Моё мнение, что чисто терапевтические госпитали не нужны – нужны смешанные госпитали с уклоном хирургическим.

10/XI. Был в госпитале 51–32 (н. г. – Галактионов) на конференции. Выступления прошли хорошо, докладчики подготовились и излагали чётко. Были прения – проф. Рабинович, Лаврищев и др. Ведущий хирург Ивинская. Госпиталь переполнен, но дело поставлено хорошо.

11/XI. 1) Был в госпитале 51–28 (н. г. – Ярославцев). Обход и консультация раненых.

2) Был в СЭГ в институте механизации сельского хозяйства. Смотрел больного с аневризмой *art. Subclavia sinistra* в очень тяжёлом состоянии.

12/XI. В моём присутствии проф. С. Х. Архангельский оперировал больного. Путём резекции левой ключицы и части (...) он подошёл к *art* (...) у места отхождения её от дуги аорты и перевязал её. Затем он перевязал *art.* (...) и вскрыл нагноившуюся аневризматическую гематому величиною в небольшую дыню. В это время больной скончался на столе. Второй раз я присутствую на подобной операции у С. Х. Архангельского и второй раз вижу смерть на столе и думаю, что, раз дело запоздало, нет смысла делать такие операции, а они производят гнетущее впечатление даже на меня, не говоря уже об окружающих, которых

они развращают. Чудес на свете не бывает, а особенно в таких операциях, и потому надо лечить таких раненых консервативно (может быть, даже вводя часовую пружину в аневризматический мешок). На войне или убивают, или ранят, а в тылу есть категория раненых, «умерших от ран», и этого никогда не следует забывать. А многие думают и, к сожалению, из НКЗ, что если не убьют на фронте, а только ранят, то уже должно быть 100-процентное выздоровление. А мне кажется, что количество умерших от ран не меньше убитых, и если бы наша статистика правильно отражала действительность, то она давала бы нам правильные цифры. Не процент смертности характеризует работу госпиталя, а он показывает, какой контингент раненых и с какого фронта прибыл в госпиталь, в какое время, какой сезон, характер эвакуации, предыдущие этапы лечения, возраст раненого и т.п.

13/XI. Был в госпитале 10–56 (н.г. – Миркин, ведущий хирург В. М. Угрюмов, начмед Иванина). Госпиталь нейрохирургический переполнен до отказа (600 человек). Осмотрел лаборатории, где дело поставлено хорошо (проф. Блохин, Дейлинг и т.д.), и был на операциях, которые производились на трёх столах. Д-р Угрюмов оперировал больного с ранениями черепа и развившимся абсцессом мозга. Во время операции он измеряет постоянно кровяное и венозное давление и давление спинномозговой жидкости. Оперирует он строго методически, медленно, но чётко и ясно. Кровь отсасывается водоструйным насосом. Операционный блок состоит из трёх комнат с добавочной печкой, там тепло. Имеется регистратор из лиц немедицинских, которая под диктовку хирурга, пока он моется после операции или перед новой операцией, записывает ход операции. Тогда хирург на свежую память диктует и ничего уже не опустит. Эту практику можно только внедрять и горячо рекомендовать. А как много хирургов, которые сами пишут, а вернее, не пишут, а затем записывают за 10–15 дней сразу. А один хирург в Саратове не записал 100 операций, и что он записал потом? В госпитале порядок, больные обслуживаются хорошо, тепло, больших жалоб нет. Госпиталь выходит на одно из первых мест и должен быть принят во внимание перед следующим туром соревнования на Переходящее Красное Знамя НКЗ СССР.

15/XI. Был вместе с проф. С. Х. Архангельским в госпитале 51–28 (Ярославцев). По поводу проделанных семи операций: извлечения осколка, вторичная обработка ран при переломе бедра, голени, вскрытие затёков и т.д. Госпиталь имеет хорошее оборудование, но ведущий хирург Недочётов заболел, и потому произошёл затор в операциях. В госпитале лежат 1200 раненых.

16/XI. Конференция по поводу вручения Переходящего Красного Знамени Наркомздрава СССР госпиталю 16–80.

19/XI. Хирургическое общество. Доклад мой: «Задачи восстановительной хирургии» и проф. Н. П. Новаченко «Восстановительная хирургия органов опоры и движения». Моё выступление по поводу смерти С. И. Спасокукоцкого.

20/XI. Научная конференция в госпитале 16–80:

1) Переломы бедра; 2) Ранения мочевого пузыря (доц. В. Е. Миловидов); 3) Ранения уретры (доц. Субоцкий). Конференция прошла на высоком уровне и собрала большую аудиторию.

23/XI. Был в больнице восстановительной хирургии для инвалидов Отечественной войны (н.г. – Виноградов). Кадрами больница укомплектована хорошо – Демидов, Алешковская, Кирсанов, Лапин. Больница на 300 коек, но заняты 225. Характер операций разнообразный и серьёзный: инвалиды поступают туда только те, кто нуждается в операции. В операционный день бывает 10–12 операций. Уход хороший, на лечебное дело инвалиды не жалуются. Много жалоб на однообразное питание и малое количество его, тем более что больница

живёт по нормам гражданских больниц. Бедно оборудование операционной мебелью, нет рентгена и нет обычной мебели для поликлиники. В больнице холодно. Командование больницы не проявляет должной энергии в оснащении больницы и живёт иждивенческими настроениями, а между тем всё недостающее оборудование можно достать легко. В научно-методическом отношении – это центр, а в смысле хозяйственного оснащения – захудалая районная больница.

Заболел 23/XI. Думаю, паратиф.

26/XI. Хирургическое общество. Председательствовал проф. Н. П. Новаченко. Были демонстрации больных по восстановительной хирургии.

26/XI. Лёг в постель. По мнению проф. А. А. Варшамова и проф. П. Н. Николаева, у меня паратиф А.

26/XI–10/XII. Болен.

13/XII в 11 ч. вечера скоропостижно скончался проф. П. Н. Николаев.

16/XII. Похороны П. Н. Николаева. Выступление с прощальной речью.

**Артём
КОМАРОВ**

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

Снег за окном, что белее самых белил...
Эту даму напротив я страстно любил.
Этой даме напротив дарил я цветы.
Цвета белого снега. Все чувства просты.

Заметала зима путь обратно, домой.
Я петлял и кружил, не ходил по прямой.
И хотелось мне крикнуть тебе: «Погоди!
Что же было? Что будет у нас впереди?»

ЛИРИЧЕСКОЕ

И это потом, и это потом...
Двое чуть слышно идут под зонтом.

При звуке дождя мне мерещишься ты –
И руки, и плечи. Родные черты.

И тонкие пальцы, и пухлые губы...
Все антикафе и полночные клубы.

А дождик всё лил к середине июля.
И как тебя звали? По-моему, Юля...

...Но лето в разгаре, и дождь за окном.
И это потом, и это – потом.

-
- Артём Олегович Комаров родился в 1990 году в Саратове. По образованию – юрист и переводчик с английского. Культуртрегер, главный редактор журнала о культуре и искусстве «Excellent». Автор двух книг стихов. Член Союза журналистов России. Стихи публиковались в «Литературной газете» и «Новой Юности». Участник Совещания молодых литераторов Союза писателей России в Химках (2020 год).

ЭЛЕГИЯ

Я сидел и смотрел: город цвёл из окна.
Было пусто вокруг, за окном – тишина.
Снились губы, глаза и чужая ладошка.
Я просеивал сон, прислонившись к окошку...

...Поцелуй твой надменный, чужие глаза.
Обронила слова, покатились слеза...
Город плыл и струился, как медленный свет.
Так кончалась любовь и сходила на нет.

Птичьи стаи летят на юг
И зовут меня в отчий край...
Станем мы далеки от вьюг.
Знай: загадывай и желай.

Я у них мастерству поучусь.
Я у них все азы освою.
Но пока по дороге мчусь,
Я хочу быть самим собою.

Далеко мне ещё до птиц.
И до ангелов – долго-долго!
Затерялся среди сотен лиц.
Всё бродил и мечтал без толку.

Я б забросил свои стихи
И скорей в монастырь подался,
Но Господь за мои грехи
Повелел, чтоб я здесь остался.

...Птицы райские пролетят,
Растворятся в осенней дымке.
Не вернуть их уже назад,
Только память на фотоснимке...

О СЕБЕ

Заглянув как-то внутрь себя,
С удивлением я обнаружил
Серебро мной растраченных слов.
Сны о далёком севере.
Белые побеги продрогших растений
В эпицентре суровой зимы.
А по комнате неспешно порхали бабочки,
Иногда припадая к стёклам.
А ещё одиноко на потолке
Тускло светила лампочка
На оголённом проводе...

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ**1.**

Я пытался удержать летний день.
Не смотрел на часы.
Не выходил из комнаты.
Не думал о датах и числах.
Не подходил к календарю –
Время словно застыло...

2.

Делал селфи, смеялся,
Как большой ребёнок –
Том Сойер местного разлива.
Мне казалось тогда, что я вечен,
Как последний обэриут
Или алеут из песни.
Летний солнечный день – последнее,
Что у меня осталось.

**Кселена
ЛИТВИНОВА**

ПОГАДАЙ НА СУДЬБУ, ОСЕНЬ...

ПУТЬ

Пролегает мой путь
Там, где дождь заливаает печали,
Где смеётся Весна
В одеянье своём голубом,
Где легко дышит грудь...
А что сношена пара сандалий –
Не беда:
Сброшу их и пойду босиком.

Я свободою пьян,
А вокруг – разноцветное Лето...
В сердце снова любовь
Полыхает упрямым огнём...
Эх, гитара моя,
Столько песен с тобой уже спето!
И ещё
Столько песен с тобою споём!

-
- Елена Евгеньевна Литвинова (творческий псевдоним – Кселена Литвинова) родилась в 1976 г. в г. Нестерове. Окончила Саратовский государственный медицинский университет; живёт и работает в Саратове. Публиковалась в литературных журналах и альманахах: «Волга–XXI век», «Смена», «Наш современник», «Журнал поэтов», «Невский альманах», «Эрфольг», «Южная звезда», «Литературный меридиан», «Дальний Восток», «Земляки», «Нижний Новгород», «Бельские просторы», «Зов» (Венгрия), «Венский литератор» (Австрия). В апреле 2013 года стала победителем литературного конкурса, организованного Интернет-журналом «Эрфольг». Рисунки в качестве иллюстраций к стихам публиковались в венгерском журнале «Зов», рождественском номере журнала «Иные берега» в г. Хельсинки в 2012 году, использовались для оформления обложки и иллюстрирования сборника современной русской литературы 2012 г. на венгерском языке «Принесённое ветром эхо» (сборник выпущен в 2013 году издательством АМОН, г. Будапешт, Венгрия). Автор книг «Отраженные снов», «Я пришлю тебе солнце» и «Сказочные истории на даче». Дипломант литературного конкурса «Волжская волна» (г. Саратов, 2015 г.)

Листопад и туман,
Вместо солнца – всё чаще ненастье...
И растрёпанный клён
Машет ветками, словно крестясь...
Не положишь в карман
Про запас белым хлебушком счастье...
Да вот жаль,
Это понял я только сейчас.

Километры – года...
Вот и осень накрыло зимою,
Снегом запорошить
Мои волосы ветры спешат...
Но иду я туда,
Где сливается небо с землёю,
И туда
Беспокойная рвётся душа.

МУЗЫКАНТ

Звонит в переходе
Печальная скрипка,
И множатся эхом
В душе моей звуки...
Меняются лица:
Кто взглянет с улыбкой,
А кто равнодушно,
От скуки...

Дрожит под рукою
Мотив позабытый...
Я слушаю ноты
Простого сонета...
Лежит сиротливо
В футляре открытом
Людское «спасибо»
Монетой.

Старик в переходе...
Что взять с музыканта,
Помимо той скрипки
Да ветхой одежды...
Он делится большим:
Особым талантом,
Он дарит мгновенье
Надежды.

Наверно, с годами
Приходит усталость...
Под натиском фальши
Душа зачерствела...

Но что-то осталось...
Но что-то осталось,
Раз музыка тронуть
Сумела.

ПИСЬМО С ФРОНТА

Письмо перед боем...
Тоска горизонта,
И холод продрогшей весны...
Взлетит белой птицей послание с фронта
В седое небо войны.

Длины в ожиданье
Бессонные ночи...
Надежду сменится грусть...
И будут зачитаны строки до точки,
Заучены наизусть.

Письмо перед боем
До горечи просто...
Болезненный шёпот души:
Мол, жив и здоров, ну, а дальше – вопросы
И просьба: «Чаще пиши...»

Слагаются в строчки
Тревоги и судьбы
Химическим карандашом...
Торопятся фразы: вдруг больше не будет...
Не будет больше... «потом».

ПОГАДАЙ НА СУДЬБУ, ОСЕНЬ

Под ногами листвы
Россыпь,
Ветер свет фонарей
Студит...
Погадай на судьбу,
Осень,
Расскажи мне, что есть,
Будет...

Навела ты туман
Сонный,
Под холодным дождём
Кружишь:
Босиком по воде
Тёмной,
По дрожащим огням
В лужах...

Погадай, погадай,
Осень,
Разгони ты мою
Скуку...
Я монетой тебе
Бросил
Летний день золотой
В руку...

Твои карты листвою
Шепчут,
Не понять мне никак
Только:
То ли ждёт впереди
Встреча,
То ли путь предстоит
Долгий.

Мне червонной бы чуть
Масти –
Пережить свой настрой
Серый.
Погадай, нагадай
Счастье...
А я буду в него
Верить...

Лидия
Богова

СЦЕНА, ЗАНАВЕС, АКТЁРЫ – НАЧИНАЕТСЯ ИГРА!

*Выход наш и опасная наша игра
для напрасного слова во имя добра*

Владимир Рецептер

Театр – искусство хрупкое, сиюминутное. Кончился спектакль, и ничего уже нет. словно ветер прошумел в листве. Может быть, поэтому многие актёры серьёзно относятся к юбилеям, словно хотят в минутах торжества найти подтверждение пережитому на подмостках.

Как известно, юбилеи бывают шумные, тожественные, с подарками от властей и сильных мира сего, с громкими признаниями в любви, перечислением заслуг. Такие юбилеи обычно становятся событиями в городе. В Саратове событиями были юбилейные вечера в театре юного зрителя, посвящённые творчеству Зои Георгиевны Спириной, Юрия Петровича Киселёва. ТЮЗ эпохи Киселёва – явление уникальное, до сих пор помню волнение, которое оставляли спектакли того времени – мудрые, вселяющие надежду и веру, что так нужны в детстве. Юрий Петрович был настоящий педагог, убеждённый: чем больше добра получит ребёнок в детстве, тем более подготовленным встретит трудности, когда повзрослеет. А каких актёров он собрал! Олег Балакин, Алексей Быстряков, Владимир Краснов, Ирина Афанасьева, Юрий Ошеров, Светлана Лаврентьева, Григорий Цинман... Настоящая коллекция талантов, индивидуальностей, целый мир культуры и знаний.

«ЭТО БЫЛО НЕДАВНО. ЭТО БЫЛО ДАВНО...»

А потом был театр взрослый. Театр взрослых вопросов, серьёзных проблем. Сегодня, когда так много видела, когда есть с чем сравнивать, убеждена: на сцену Театра имени Карла Маркса во времена моей юности выходили подлинные мастера своего дела. И не забыть Ливию Шутову в «Барабанщице», А. Салынского – Германа Келлера в горьковском «Егоре Булычёве», Юрия Какорова и Владимира Седова в «Затейнике» В. Розова, Юрия Сагьянца в «Трехгрошовой опере» Б. Брехта. Позднее труппу театра пополнили Людмила Зорина,

Людмила Гришина, Григорий Ардаков, Олег Янковский, Александр Михайлов, которые работали на удивление органично в окружении именитых и народных Валентины Ермаковой, Георгия Сальникова, Якова Янина, Сергея Бржевского. Сегодня эти имена у театралов на слуху, они стали уже историей.

Но в театре всегда есть актёры, имена которых редко встретишь среди исполнителей главных ролей. И юбилеи у них, как правило, скромные. Но, как заметил мой знакомый, трагедия не перестаёт быть трагедией, если она коснётся не множества людей, а отдельного человека. Так, тихо, в кругу близких людей отметила 55-летие творческой деятельности актриса Саратовского театра имени И. А. Слонова Вера Григорьевна Феоктистова.

«ТАК НАЧИНАЮТ. ГОДА В ДВА ОТ МАМКИ РВУТСЯ В ТЬМУ МЕЛОДИЙ»

Мне всегда интересны люди, связавшие судьбу с одним театром. Думаю, их жизнь становится историей не только театра, но и города, нескольких поколений его жителей. И хотя биография этих актёров укладывается в несколько строк, такая жизнь создаёт объём и своеобразие культурного пространства, живое свидетельство прошлого и настоящего. И так, Вера Григорьевна Феоктистова. Родилась в Саратове, занималась в театральной студии Дворца пионеров у знаменитой Наталии Иосифовны Сухостав. Закончив восемь классов, поступила в театральное училище на курс заслуженного артиста России Андрея Германовича Василевского. А по окончании, в 1964 году, была принята в труппу Саратовского драматического театра. Вот и все главные события жизни. Дальше – личное.

Все актёры похожи друг на друга – профессия корректирует природу. Но в поколениях отличия заметны. С годами всё более симпатизирую старикам. Есть в них безыскусность, наивность, романтическая влюблённость в театр. Театр был их хлебом, дыханием, жизнью, что внушало ощущение достоинства и нужности профессии. Они до конца дней своих умели учиться, ценили жизнь, восхищались талантом, красотой, коллег выделяли не по количеству сыгранных ролей, рассказывали в первую очередь о тех, в ком были юмор, розыгрыш, добрые дела – словом, как в басне: важна не длина её, а мудрость содержания.

Юность Верочки Феоктистовой (а так её называют многие до сих пор, может быть, за маленький рост и лучезарность дарования) совпала со временем студийного движения, расцвета театральной школы, с экспериментами, хорошими учителями. Движение к новизне послужило тогда для многих штурмовавших бастионы театральных подмостков прочным основанием. Она пришла в театр вместе со своими друзьями – Людмилой Зориной и Олегом Янковским, но, в отличие от них, бенефисных ролей ей не предлагали. Помню, как школьницами бегали смотреть по несколько раз спектакль «Сто четыре страницы про любовь», но запомнились не только главные героини Анатолия Бугреева и Людмилы Зориной, но и подружка героини по имени Мышка, которую играла Вера Феоктистова. Когда в театре запоминаются исполнители второстепенных и эпизодических ролей? Уверена, когда не лезут на передний план, когда они прекрасно чувствуют себя и на втором, сохраняя достоинство и скромность, когда, не ожидая главных ролей, актёр способен совершенствовать мастерство на текущем репертуаре. Вера Феоктистова умела это делать. Поэтому и нет в ней так часто встречающегося в актёрах несоответствия желаний и возможностей. Работая в окружении мастеров, она была равной среди равных, ощущала себя как часть целого и способна была в этом целом существовать как часть.

В те времена так жили в театре многие, потому что это было время культуры, сохранённой в каждой значительной личности. Нельзя было не встать, когда

входили старики. Нельзя было интересоваться только собой, не болеть за судьбу своего Дома. И почему-то единовластие тогда было без распушенности, самодурства и капризов, появившихся позже. Просвещённая, основанная на опыте, вкусе, таланте, «монархия» оказывалась на пользу, а не во вред театру и почти никогда не ударяла по талантливым людям. Да и спектакли той поры создавались ради радости существования, откуда человек черпал силы и надежду.

Она не ждала, просто работала, играла много, упорно, трудолюбиво, безоглядно училась в актёрском деле смелости, умению выходить за рамки обыденности. С её появлением на сцену Саратовского театра драмы пришёл целый отряд мальчишек, девчонок, детей разных времён и стран, удивительных сказочных персонажей, у каждого из которых была своя интонация. Казалось, роли вырастали из самой актрисы, из наблюдений, чувствований жизни. Разные гримы, костюмы, походка, пластика. В той киноленте сюжетов и персонажей помню героя спектакля «Вовка на планете Ялмез» Вадима Коростылёва. Порывистый, нетерпеливый мальчишка, озабоченный решением нескончаемого проблем, был словно из детства самой актрисы. Он искренно и непосредственно любил сказки, даже побывал в Тридевятиом царстве, а потом восторженно занялся дрессировкой собаки, перестал учить уроки и отправился в космическое путешествие на планету, похожую на Землю (Ялмез наоборот). Вот там после всех приключений и «чудес» вернувшийся Вовка понял, что необходимо учиться. Словом, сказка далёкого прошлого.

Но актриса и сегодня способна на полном серьёзе озадачиться и включиться в проблемы, которые человек проживает в детстве, юности. Наблюдать, как она общается с детьми, – это отдельный спектакль.

Замечали, какое мощное игровое начало присутствует в детях? Они могут часами находиться в мире, где участие взрослых совершенно необязательно. Играя, дети не только развлекают себя, в игре они формируются как личности, поэтому там всё по-серьёзному. Данный процесс без фантазии и воображения невозможен. Но с возрастом эти качества исчезают, у многих навсегда, и актёр, начиная диалог с ребёнком, обязан каждый раз будить уснувшую фантазию и уставшее воображение. Вере Григорьевне не нужно настраиваться на волну детства, она сохранила в себе чудесный дар лёгкости, открытости, какую-то неусложнённость душевного настроения. Юный зритель чувствует это безошибочно.

Держать внимание ребёнка только информацией трудно. Ты должен быть ему интересен, вызвать доверие с первых фраз. И тогда соучастие аудитории даст актёру необходимую свободу импровизации. Помню, как мой пятилетний сын смотрел «Кота в сапогах», где, конечно же, в красных ботфортах, со шлягой, в широкополой шляпе, непременными усами, по сцене носилась, сражалась, кувыркалась Верочка Феоктистова. Сын был знаком с тётёй Верой и во время спектакля заметил: «Мама, это не кот, это кошка!» Я попыталась объяснить, мол, это молодой кот, котёнок, когда не поймёшь, кто это – кошка или кот... Но в сцене, когда Кот поймал мышь, и на бегу у него слетела шляпа, сын, ошутимо ударив меня по коленке, на весь зал торжествующе произнёс: «Я говорил: кошка!» И ни слова о том, что кошка – тётя Вера, лицо которой находилось так близко, что не узнать её было невозможно. В калейдоскопе тех зайцев, лисичек, слоников, котов, черепах, разных детишек я тогда подумала: вот он – удел актрисы-трагистки во взрослом театре.

Знаю, чем талантливее актёр, тем неувереннее он чувствует себя в начале пути и обострённей, нервней реагирует на причуды судьбы, готов проявить чудеса отваги и одержимости, почувствовав доверие со стороны режиссёра. А роли, как все знаем, в театре распределяет режиссёр, от него зависит, даст он актёру шанс на исповедь или нет. Шанс даётся многим, редко, кто не упускает его. Верочка не пропустила. Из всего спектакля «Спутники» по военной

повести Веры Пановой я запомнила её героиню с единственным монологом, которая словно подкошенная рухнула от слов предательства любимого человека и застыла с немым вопросом: «За что?» Этот взгляд нельзя скопировать, взгляд, когда актёр «играет, ничего не играя». Спустя полвека я позвонила актрисе и спросила, не помнит ли она имя персонажа, ответ прозвучал мгновенно: Лена Огородникова. Значит, всё не случайно. Она помнит спектакль, определивший дальнейшую судьбу, а я, зритель, помню актрису, которая была от меня на расстоянии вытянутой руки, и помню её глаза, в которых жили беда, несчастье, судьба... Такое забыть нельзя.

Совсем не значит, что после той удачи всё резко поменялось – главных ролей она по-прежнему не получала. Но её внутренняя готовность к творчеству всё чаще была востребована, а волнующая сущность любой её роли приносила в спектакль объём и цельность. Весёлая, совсем не чопорная, талантливо и благодарно проживающая каждое мгновение на сцене, она закрепила за собой по праву звание мастера эпизода. Порой клокотала яркость, пугало опасное озорство, но магия конкретного видения покоряла и скептиков. Однажды на вопрос студента, что нужно актёру, чтобы стать мастером эпизода, я ответила не сразу. Задумалась, вспомнила одну из любимых актрис – Любовь Соколову (её невозможно было поймать на вранье) и пришла к выводу: мастерами эпизода становятся актёры, у которых иммунитет от халтуры. Иммунитет, как известно, – право природы. И Вера Феокистова – актриса природного профессионализма. Этого ни купить, ни приобрести. Как справедливо заметил Горький, «десять человек работают краснодеревщиками, но лишь один из них краснодеревщиком рождён». Да, с годами все актёры так или иначе обрастают проверенными приёмами воздействия, которые одни именуют мастерством, другие – штампами. Но у одного актёра штампов восемьдесят, у другого можно пересчитать по пальцам одной руки. Словом, профессионализм бывает творческий, а бывает ремесленный. В творческих людях я чаще замечаю победный свет смеха в глазах.

«КРЕСТЬЯНСКУЮ РЕЧЬ МОЖНО ПЕРЕДАТЬ БЕЗ ГРАММАТИЧЕСКИХ ОШИБОК»

Лучшие стороны дарования актрисы: легко взятая характерность, эмоциональная точность, способность через комическое и природу юмора найти путь к душе человека, дать объяснение. Понимание характера у неё возникает от непосредственной и сердечной увлечённости, веры в реальность происходящего. А реальность – это живой человек. Для актёра мир роли состоит из ощущений, наблюдений – всего того, что может понадобиться для игры. Вера Григорьевна имеет редкий вкус к детали, к подробности в костюме, которую так обживёт, что сделает собственностью персонажа. Её знания и суждения конкретные, земные, понятные всем. Комизм рождается на стыке лукавой иронии и сметливого ума. И хороший режиссёр не может пройти мимо её хитрой наблюдательности и любопытства к жизни.

Помню, как постановщик прозы Фёдора Абрамова с вниманием отнёсся к её подсказке. Актёр никак не мог убедительно произнести какие-то слова, говорящие о любви к жене. Наблюдавшая репетицию Вера Григорьевна сказала: «А пусть он кружку с горячим чаем разольёт по нескольким стаканам, чтобы жене было легче пить глотками». Действительно, трогательная сцена получилась. И слова были не нужны. Она никогда не позволяет себе остаться на сцене спокойной, расчётливой, холодной, не боится показаться кому-то старомодной, не стремится выглядеть лучше и моложе своих лет. Поэтому её невозможно копировать и сравнивать. Персонажи её обычные, а вот люди

необыкновенные. Помню Авдотью Васильевну в спектакле «Светит, да не греет», жену землевладельца, которая своей опекой усмирила насмерть все желания и порывы любимого мужа. Беззлобно, даже сочувствуя, создала тип вселенской дуры, которая могла стать несчастьем для любого мужчины, кто поддался её заботе. При этом Авдотья Васильевна – человек весёлый, озорной, и актриса играла с добродушием, в образной природе А. Н. Островского, где не было сегодняшней злости и заморочек. И невольно вспоминается её умение на лету схватывать способ говорения, точность воспроизведения живой разговорной речи персонажа. Не думаю, что Вера Григорьевна теоретизировала о своеобразии авторского стиля – в ней это живёт на уровне мощной интуиции.

Да и театр тогда был Театром слова, который сегодня во многом растерял эти позиции, что пагубно, ибо одним из условий сохранения народа как нации является сбережение языка. Театр в данном процессе играет первостепенную роль. Основа драматического искусства – это слово. С его потерей, заменой слова обнажёнными, невымытыми, некрасивыми телами и прочими «радостями жизни» приостановлено движение русского театра. Впрочем, может быть, слово просто устало в наши дни и перестало доходить до души. В те времена значение произнесённого текста со сцены осознавалось, а зрителем запоминалось. Помню певучесть, нарядность речи упомянутой Авдотьи Васильевны, которая была убеждена, что она-то и вещает неоспоримые истины.

И совсем иное явление – Маня-большая в спектакле «Жили-были мать и дочь» по произведениям Фёдора Абрамова, пожалуй, лучшем спектакле Александра Дзекуна. «Лёгкая, в пиджачонке с чужого плеча, в мятых матерчатых штанах в белую полоску, женского – только платок белый на голове да платье поверх штанов», Маня-большая впорхнула на сцену – и жизнь ожила. Поначалу она производила впечатление деревенской дурочки. Но вот у неё «запылал левый глаз зелёным угарным огнём – верная примета, что где-то уже подзаправилась», и – полилась речь, в оборотах которой послышалась смачность, забористость. Когда в речи старинный диалект и жаргонный оборот существуют в единстве, слово часто становится афоризмом, уходит в народ. И как важно исполнителю в такой роли удержаться от нажима, раскрашивания! Не всем под силу, казалось бы, простой закон сцены: оставайся верным слову автора!

Как тут не вспомнить настоящий маленький шедевр Веры Феокистовой – полковницу Софью Петровну Фарпухину в «Дядюшкином сне» Ф. М. Достоевского! Две сцены, два нескончаемых монолога вызывали непрменные аплодисменты. Маленькая, живая, острая на язычок, кладезь новостей уездного Мордасова, по словам писателя, она и «двух секунд не могла пробыть в покое», была «живой газетой», вносящей необходимый адреналин в стоячее болото обитателей. Цепкий взгляд Фарпухиной безошибочно улавливал отношение к себе, поэтому, входя в комнату, она не ждала приглашения присесть. Вместо ридикюля у неё на руке висела маленькая скамеечка, которую она ставила в центре комнаты, и, воссев, начинала нескончаемый репортаж. Остановить, прервать было невозможно: перспектива речи, когда одно перетекает в другое – и так до бесконечности – завораживала. «Бесценная» Софья Петровна только сама могла внезапно замолкнуть, когда вспоминала тех, кого не успела осчастливить своим присутствием: «Quelle horreur! Весь город об этом кричит. Анна Николаевна непременно хочет оставить князя обедать, а потом и совсем. Это она вам в пику делает, mon ange. Я к ней на двор в щёлочку заглянула. Такая там суетня: обед готовят, ножами стучат... за шампанским послали. Спешите, спешите и перехватите его на дороге... Он ваш гость, а не её! Чтoб над вами смеялась эта пройдоха, эта каверзница, эта сопля! Да она подошвы моей не стоит, хоть и прокурорша! Я сама полковница! Я в благородном пансионе мадам Жарни воспитывалась... тьфу! Mais adieu, mon ange! У меня свои сани, а то бы я с вами вместе поехала...» Ходячая газета

исчезала, а Марья Александровна затрепетала от волнения, совет полковницы был ясен и практичен. Медлить было некогда.

Удивительные открытия делает актёр, когда верен автору. Не шаржирует, не педалирует, не «подминает» комментариями и вставными словечками, а точно в оборотах речи раскрывает психологию персонажа. Кстати, во многом растерянная культура в театре. Меж тем, только явившись перед великой литературой чистым, открытым, не отягощённым понятиями и представлениями, целиком доверившись СЛОВУ, можно раскрыть жанр произведения, когда комизм, фарс, водевиль, трагедия существуют как целое, а в персонаже весёлое простодушие внезапно обернётся трагифарсом. Порой кажется, что актриса способна оправдать собой всё. Вступая в режиссёрский избыточный спектакль, в поток выдумок, подчас замечательных, а нередко и дурновкусных, она находит простые и глубокие обоснования тому, что, кажется, и объяснить нельзя.

Помню, как в спектакле «Священные чудовища» по пьесе Жана Кокто режиссёр ввёл персонажа из зала, странного зрителя, который комментирует происходящее на сцене и помогает раскрыть смысл пьесы о лицедеях, чей дар священный и ужасный одновременно. Актриса, назначенная на эту роль, возмутилась, мол, я ещё не выжила из ума, чтобы играть сумасшедших старух. А Вера Григорьевна согласилась, объяснив просто: «А мне интересно. Это тоже люди, они живут рядом с нами». Думаю, странных людей, которые живут в своём замкнутом пространстве, встречали многие. Обычно, мы шарахаемся от них, боимся их нарядов, вопросов и желания вступить в диалог.

Однажды на гастролях, где никто саратовских актёров не знал, Вера Григорьевна начала свою роль в фойе. С мягкой деликатностью она интересовалась, почему тот или другой человек пришёл в театр, какой спектакль они ждут, знают ли они артистов, которые сегодня играют? Замечу, несмотря на своеобразный внешний вид, ей отвечали, некоторые весьма подробно. Кто-то пропустил мимо ушей признание, что она – мама главной героини, потом «мама» начала беспокоиться о прозвучавших звонках, после второго поспешила в зал и села в первый ряд. Конечно, пришли те, у кого были билеты на эти места, после препирательств «инцидент» уладили, но когда начался спектакль, «мама из зала» не успокоилась и начала комментировать происходящее на сцене. Странного зрителя кто-то пытался урезонить, кто-то начал заступаться и подыгрывать. Кинувшаяся на помощь билетёр оказалась бессильна, в зал незаметно прокрался директор местного театра и начал тихо уговаривать даму выйти из зала. Разговаривал он с ней как с пациентом известного учреждения. Посему на предложение директора пройти к нему в кабинет персонаж Веры Григорьевны как отрезала: «Я и в молодости по кабинетам не ходила!» В это время со сцены раздался спасительный возглас: «Мамочка приехала!» – и под хохот зала её буквально на руках воссоединили с героями пьесы. Замечу, не все оценили импровизацию актрисы. Билетёр раздражённо буркнула режиссёру спектакля: «Предупреждать надо!», директор, обидевшись, несколько дней избегал общения с руководством Саратовского театра.

Ну что ж, мы теряем не только игровое начало, с которым родились, но и способность над собой посмеяться. А я тогда поняла, что импровизационное самочувствие приходит к актёрам, когда они роль буквально «вынашивают», а потом публично «рожают». Для меня Вера Феокистова – одна из немногих актрис, о работе которых нельзя сказать «это плохо», их можно принимать или не принимать, но у них даже ошибки и неудачи представляют интерес. Но вкус ей никогда не изменял. А вкус как соотнесение смысла дела и средств выражения редко встречается не только у провинциальных, но и у столичных людей. Он даётся не как абсолютный слух, а вырабатывается годами. И важно, любя своё дело, любя театр, не путать в нём хорошее с плохим. Это только кажется

простым. На самом деле тут важны чутьё, опыт и мужество. Да, мужество. Потому что плохое в театре очень соблазнительно. И цена таких уступок – ради ролей, благ – не искупаема. Меня восхищает лёгкость, с которой она говорит о пропущенных ролях, где не чувствовала интереса творчества. Это убеждение не сулит лёгкого пути, но такой выбор талантливого человека всегда обогащает.

ЧЕГО НЕ ВЕДАЮТ ТЕАТРАЛЬНЫЕ КУЛИСЫ

Вере Григорьевне Феокистовой исполнилось 75! Юбилейная дата пришла во времена, когда поиск смысла на сцене стал не главным в жизни театра. Наш театр, увлечённый резкими формальными исканиями, которые часто выдаёт за открытия, становится равнодушен к категориям вкуса, культуры, меры. Коммерческий успех сегодня для многих важнее художественного результата. И в этой сумятице мнений, суждений мне дороже всего в актрисе сохранившиеся аскетизм и жертвенность существования. Она не живёт воспоминаниями, но к сегодняшним мнимым ценностям и подменам равнодушна, цинизм как жизненная философия обошёл её стороной. Знает себе цену, открыта миру с его бедами и несчастьями, готова учиться, воспринимать и осваивать новые задачи. Её, как и всех нас, не обходят стороной трагедии, сложности, разочарования. И, конечно, с возрастом болезни приходят, да и плохое настроение посещает, и вкус горечи неудач ей тоже знаком. Но отзывчивость на чужую горесть сохранила, умение восхищаться друзьями, откликаться на талант многие познали на себе. А для этого надо быть не только профессионалом, мастером, но и человеком с горячим сердцем. В театре за полвека профессиональной работы она приобрела настоящую творческую репутацию, сделалась живым знаком качества. Есть сегодня актрисы более нервные, утончённые, психологически более сложные. Но великому множеству людей по душе её консервативное, не скрывающее связей с традицией, содержательное искусство. Не случайно же Олег Павлович Табаков, посмотревший несколько лет назад спектакль в саратовском театре по «Мёртвым душам» Н. В. Гоголя, на мой вопрос: «Спектакль интересный?» – пожал плечами и добавил: «Коробочка славная! Это была Верочка Феокистова?» – «Да!» И глаза улыбнулись.

В её поступках живёт подсознательная идея постоянства жизни и природы, поэтому считает непозволительным «жить с угрюмым выражением лица», отягощая своими проблемами окружающих – кстати, драгоценное качество, которого не хватает многим милым и хорошим людям. Одарённая талантом общения, Вера Григорьевна умеет дружить и долгие годы не терять друзей. Люблю слушать её забавные рассказы, где колкое словцо сильнее всех умных речей, а ум у неё лишён злости, смуты, зависти. Она никогда не поддастся коллективному психозу, всегда будет нетерпима к барству, претенциозности, в работе по-прежнему не послушный исполнитель: никаких предложений не примет, пока не «примерит на себя». И по-прежнему верит в единственный гений – труд, ежедневный, будничный, который начисто лишён всезнайства и провинциального самодовольства. Это тоже искусство – сохранить в своей профессии «смысл общего, что дороже собственного престижа».

Вера Григорьевна слишком самостоятельная и сильная личность, чтобы её поучать. Но чувство долга, которое никогда её не покидало за полвека творческой жизни, право, требует ответной реакции. И театр ей остался должен. Имея в труппе такую ценность, не должен ли он что-то делать, планировать, выстраивать специально под актрису, которая не умеет ни требовать, ни просить? Ведь не так много в труппе саратовского театра сегодня художников, у которых одна жизнь, одна судьба и – один театр...

Дмитрий
ЕРМАКОВ

Очарованный жизнью странник

Киляков В. Посылка из Америки. — М.: ИПО «У Никитских ворот», 2019. — 552 с. 500 экз.

В моих руках солидный, в пятьсот с лишним страниц том — сборник рассказов и повестей «Посылка из Америки» (издательство «У Никитских ворот»). Отличное издание, которому можно только позавидовать или порадоваться. Радуюсь! И за автора — Василия Килякова, и за читателей...

Хотел говорить только о книге, но не получается...

Мы уже давно заочно знакомы с Василием. Обратив внимание на него посоветовал мне литературный критик Вячеслав Лютый, а рекомендация Лютого для меня значима. Я связался с Василием, и вскоре в скромной газете «Литературный маяк» появилась подборка его дневниковых записей (что прислал, то я с удовольствием и опубликовал). Потом ещё были публикации... Такие записи — жанр особый, интересный, по ним (этим записям) сразу было видно, что Василий Киляков умеет и дать моментальную и точную бытовую зарисовку, и поставить философский вопрос, и попытаться решить его, да просто — высказать мысль. И, надо сказать, мысли его близки мне. Вот, например: *«Бесконечно большая вселенная и ничтожно малая соринка на земле — всё касается друг друга, всё проникает друг в друга, и соприкосновение это происходит только в одном: в способности человека к молитве и созерцанию. А это — молитва и созерцание — подлинно тяжёлый труд...»* (Созерцание — труд, это я понимаю и принимаю.)

И всё это он пишет замечательным русским языком. Но дневниковые записи — это всё-таки взгляд автора на мир с определённой, авторской точки зрения, ограниченной рамками жанра — страницами дневника. Художественная же проза — это весь мир, увиденный и глазами писателя, и глазами его героев.

И вот наконец я прочитал и рассказы, и повести, и эссе, и очерки, и даже интервью Василия Килякова — всему нашлось

место в этой книге, видимо, подводящей итог на определённом этапе. Кое-что нашёл и в вездесущем интернете.

Читаю интервью Василия Васильевича, и вижу, откуда что берётся: от человека с богатой и трудной судьбой (и при этом замечательного устного рассказчика) — деда, от деревенского детства, от школы в провинциальном городе, от хорошего учителя литературы, от книг... От России, от судьбы её, которая становится и судьбой каждого русского — не каждый только это чувствует и понимает. Киляков чувствует, оттого он и пишет...

И теперь уже к книге...

Василий Киляков — неторопливый, внимательный и талантливый повествователь. Он рассказывает простые истории жизни: «жили-были», «а потом», «а затем»... И проплывает перед внутренним взором читателя чья-то жизнь.

Если в дневниковых записях (по стилю, по мысли, по мировоззрению), как мне показалось, Василий Киляков близок к нашему современнику Владимиру Крупину, то в его рассказах и повестях увиделся мне гораздо более отдалённый творческий предшественник — Николай Лесков. Та же неторопливость, тщательность выделки, череда характеров, лиц, ситуаций («Очарованный старник», «Левша», «Тупейный художник», «Запечатлённый ангел» и т.д.).

Лесков при всей сложности своей жизни, судьбы, творчества был именно очарован сложностью и красотой Божьего мира и, прежде всего, человека как высшего творения в этом мире...

И интонация Василия Килякова — это именно интонация очарованного жизнью странника, познающего мир и рассказывающего об этом таким же, как он, неторопливым слушателям-читателям.

Конечно, нельзя сводить всё творчество Василия Килякова к «похожести» на Лескова или тем более следованию по его пути.

У Василия Килякова путь свой, взгляд свой, да ведь и время своё – «наше».

Вот, например, рассказ «Капитал». Это же «Очарованный странник наоборот». Очаровал Фому Кукина не мир Божий, а капитал, деньги. До того очаровал, что и муки он за этот капитал терпит, и на смерть готов (и свою, и чужую)... Рассказ страшный по своей беспощадности – гибнет Фома от копыта лошади, хотя всю жизнь был лошадиником, и остаётся от него на свете сын – Пашка-Полчеловека (он-то на самом деле и виноват в гибели отца).

Только и надежда, что молитва, которую, единственную, помнит от прабабки другой герой этого рассказа. Но ведь это надежда, которая не умирает даже последней...

Такие рассказы, как «Неугомонный», «Товарищи» – это рассказы о столкновении живого, ещё по-детски наивного деревенского мира с миром города, железа, душевного холода...

В «Стегнее и Варьке» рассказ переплетается с легендой, сказкой. И это уже не книжная традиция, это традиция устного рассказа.

Раньше мужики, ходившие из деревень в отход (на работу в город) или, позже, на лесозаготовки, специально брали с собой человека, обычно старика, который вечерами рассказывал сказки, легенды, истории из жизни, что-то на ходу придумывал, прибаутку подпускал. Вот таким «сказочником» становится в некоторых рассказах и Василий Киляков (как и герой его рассказа «Балагур»).

И так, страница за страницей проплывают образы, лица, судьбы: новорусские чиновники и просто русские сидельцы, палачи и жертвы, мужики и бабы... Народ.

Задержусь ещё на заглавном рассказе – «Посылка из Америки». Герой едет дождливым осенним днём на мотоцикле в родную деревню, по пути останавливается, чтобы согреться и обсохнуть в доме знакомой одинокой старухи. Она показывает семейные фотографии на стене... «Я слушал и думал: как странно, что мы все, особенно в городах, потеряли эту традицию – красный угол с образами, хоть маленький, но иконостас, где главенствует Спас. Под ним – Божья Мать... А что же было рядом с красным углом, вправо и влево по стене? Родители, умершие и почитаемые «из рода в род», как сказано в литии по умершим... Нет сомнения, что мы молимся за нашу родню тут, а они «оттуда» благословляют нас...»

Старуха тем временем рассказывает о необычной судьбе «своего Мити»,

от которого у неё три дочери и сын... Ушёл на фронт, а оказался в далёкой Америке, и даже присылал оттуда письма, а однажды и посылку с дешёвой ерундой. Но она хранит и присланный им настенный коврик, и ящик из-под посылки, а в ящике письма от него – и с фронта, и из Америки... И последнее письмо мужа уже из больницы... И ведь ей даже неважно, почему, как он оказался в Америке (наверное, после немецкого плена). Когда герой уходил, старуха заставила его надеть тёплые сухие носки, передала поклон его бабке – подружке ещё с молодости...

Приведу большую, но необходимую для понимания жизненной и творческой позиции Василия Килякова цитату: «Я ехал уже затемно и всё думал о бабке Марфе, о себе. Думал об этих полях непаханных с колками берёз... Что в них, в этих берёзах? Отчего так живуча в сердце эта тоска по родине, да такая, что на чужбине человек забывает ностальгией и даже гибнет. Страдает, не видя эти горизонты. Есть какая-то особенная торжественная грусть в этой серединной Руси, тоска обречённого, влекомого промыслом русского по своему голгофскому пути <...> И песни такие же: долгие, грустные, чаще – острожные. И пытался я вспомнить весёлые песни – никак не мог <...> Русский народ – едва ли не весь и едва ли не каждый из нас – идёт, неся свой крест.

Бабушке своей я передал привет от Марфы.

– <...> И носки подарила? Ну, и я в долгу у неё не останусь, я ей отомщу...

Это её «отомщу», против обычного понимания, вызвало у меня не смех, а печаль, едва не со слезой. Такой-то жалостью пролилось в сердце к земле нашей бесприютной, ко всем людям, жившим до нас и живущим с нами. И долго ещё глядел я с крыльца на поля, на косогор, на горизонт в дожде... На эту скудную и дорогую сердцу русскую голгофу...»

Вот эта печать, жалость, сопереживание и проживание «русской голгофы» и есть суть творчества Василия Килякова. И эта жалость (любовь) отзывается в сердце читателя.

Но вернусь к книге. Повесть «Родное пепелище» – горькое повествование о том, как вытесняются с родной земли её хозяева... Уходил Антон Волчихин в армию из одной страны, вернулся в другую, в которой убивается русская деревня, орудут по деревням банды «собирателей» икон, нет работы и даже хлеба... До конца борются за жизнь и своё достоинство отец и сын Волчихины. Да, они вынуждены

оставить родную деревню, но они ищут работу, не опускаются на дно новой жизни... И всё же последним исходом стало для Серафима («огненного») – сожжение собственного дома и, так случилось, – само-сожжение... Так, языками пламени испокон веков уходила на небо Русь, не сдаваясь врагу...

Следующая повесть «Последние» – как врачующая повязка на обожжённую душу читателя. Последние деревенские старики и старухи – хранители векового лада – герои её. И если Василий Киляков написал о них, то я верю, что они всё же не стали последними. А иначе не устоял бы этот мир.

«Благочестивому читателю» – эссе, видимо, сложившееся из дневниковых записей. Здесь и рассуждения над книгой «Луг духовный» блаженного Иоанна Мосха, и размышления о дне сегодняшнем, о творчестве, о политике, о том, говоря словами Шукшина, «что с нами происходит»...

«Что с нами происходит?» – задавал вопрос в начале семидесятых прошлого века Василий Макарович. В наше время это произошло – торжествующий хам, бездуховность – вот что присходит... И об этом тоже рассуждает Василий Киляков в эссе «И охладеет в людях любовь...», имеющем подзаголовок: «Размышления над рассказами В. М. Шукшина вдали от демонстрации «Оккупай» и памятника Абаю-Ибрагиму Кунанбаеву».

Признаюсь, у меня есть эссе с подзаголовком: «После прочтения рассказа Василия Белова»; есть и попытка «беседы» с Шукшиным – письменного разговора с ним. То есть мне близка и интересна такая форма – размышления о творчестве любимого и уважаемого писателя. И я, как Василий Киляков, в поисках правды не пойду к «оккупаям-абаям», я лучше возьму с полки книгу Шукшина, Белова или Абрамова – тех писателей, которые уже много поняли в русской жизни и указали пути по ней... Вот Киляков пишет: «... Василий Макарович Шукшин – это и есть Школа. Школа с большой буквы. И никакими усилиями русскоязычных не погасить величия этой школы: чтобы принадлежать к ней – нужно иметь достоинство...»

Василий Киляков, безусловно, принадлежит к Школе Василия Шукшина.

И следующее эссе «Душа-чашушка» ещё раз подтверждает его принадлежность к этой Школе. Через чашушку – выражение народного характера – вся история страны от Ленина до Ельцина и авторское рассуждение об этой истории.

За эссе следует интервью, взятое у Василия Килякова Ириной Гречаник.

Вот такое необычное построение книги. Не буду отнимать у читателя возможность самому прочитать это интервью, в котором Василий Киляков раскрывает природу своего творчества, высказывает свой взгляд на мир, на то же творчество. Приведу лишь его последние слова: «*Время как «млат», который, «дробя стекло, куёт булат»*. И всё же надо делать выводы, надо знать, что без опыта и выводов мы безоружны. Надо собрать стекло, переплавить. Это стекло – наша память и опыт. Переплавить и вылить в форму, в потир, в светлую причастную чашу. Мы должны научиться прощать, держаться вместе и помнить то бурное море – озеро Галилейское, которое переплывали апостолы. Море бушевало, а Христос спал. Спал, но не отсутствовал.

Надо ввериться Его воле, грести и держать кормило. «*Делай, что должно, и пусть будет, что будет*» – это про нас. Все мы плывём в одной лодке, под одним парусом, хотим мы этого или нет. Всё будет, впереди ещё много тревог и радостей».

Но интервью не заканчивает книгу. За ним следуют два очерка – ещё одна грань таланта Василия Килякова. «Худая жизнь» – бедовая судьба женщины, потерявшей на чеченской войне сына и взявшей на себя право и власть вершить суд – не справедливый, не правый, но вынужденный.

И очерк-воспоминание «Возвращение снега», посвящённый памяти замечательного русского писателя Глеба Горышина. Да, так и бывает – почти случайные и внешне незначительные встречи с «большими» людьми (духовно большими) со временем тоже «вырастают», наполняются внутренней значимостью. Вот так «вырос» и этот очерк.

А заканчивается эта большая книга маленькой, на полторы страницы философской зарисовкой – размышления автора над листом бумаги – молитвой: «*...Просил бы Его всей его милостью и благодатью – помогать мне тем одним, чтобы оставаться мне наедине с собою, со своими мыслями и чувствами... Я просил бы Его обратить в вечное вот этот предрассветный час, уходящую ввысь луну и этот миг, это мгновение, которым заканчиваю я эти строки. Я просил бы Его не то что обратиться в вечное, а хотя бы продлить мне время творчества – муки моей и радости...»*

И мне хочется встать на молитву рядом с автором этих слов, замечательным русским писателем, странником, очарованным Божьим миром – Василием Киляковым, от которого с надеждой жду новых мыслей, новых строчек, новых книг.

К 100-ЛЕТИЮ МУЗЕЯ-УСАДЬБЫ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

**Татьяна
КОНКИНА**

Рисунок А. Заславского
«Н. Г. Чернышевский. 1880-е годы».
Саратов, 1953 г.

ДОМ, СТАВШИЙ МУЗЕЕМ

Как дома становятся музеями? Чаще всего это происходит с домами, в которых родился, жил или просто бывал тот, о ком его современники хотят сохранить память

Такие музеи есть и в Саратове. Первым из них стал дом, в котором 24 (12) июля 1828 года родился и многие годы жил Николай Чернышевский, будущий выдающийся мыслитель, «страстотерпец», как называли его современники, оценивая трагичность выпавшей на долю судьбы.

Этот дом на пересечении тогда улиц Б. Сергиевской и Гимназической (ныне – Чернышевского и Некрасова), построенный в 1826 году, принадлежал Николаю Гавриловичу недолго. В 1861 году умер отец Гавриил Иванович Чернышевский, единственный сын унаследовал дом. А уже 4 марта 1864 года женой Николая Гавриловича Ольгой Сократовной и А. Н. Пыпиным была оформлена «купчая крепость» по продаже ему дома Чернышевских. Такой шаг был необходим для спасения дома от передачи в государственную собственность. Именно так должно было случиться после «гражданской казни» над «государственным преступником» Н. Г. Чернышевским, совершённой 19 мая 1864 года на Мытнинской площади Петербурга.

Двоюродный брат Николая Гавриловича А. Н. Пыпин спас дом от такой участи... Из его письма сестре Варваре Николаевне от 4 июля 1878 года: *«Милая Варенька! Обращаюсь к тебе... по предмету, о котором раз мы с тобой говорили, именно – по поводу дома. Дело в том, что я желал бы передать его детям Н. Г. Мой взгляд на этот*

-
- Татьяна Степановна Конкина родилась в 1956 году во Франкфурте-на-Одере (Германия). В 1979 году окончила филологический факультет СГУ им. Н. Г. Чернышевского. С 1980 года работает в музее-усадьбе Н. Г. Чернышевского, в настоящее время является хранителем фонда редкой книги.

предмет я тебе отчасти сообщал, и ты, без сомнения, поймёшь вполне мои мысли. Во-первых, относительно прежней его покупки. Мною было разным образом столько выдано денег, что, говоря формально, вся его стоимость мною и Серёжей¹ выплачена. Но я никогда не думал оставить его за собой и теперь желал бы устроить это дело. Поводы к этому разные. Из сыновей один уже совершеннолетний и может быть юридическим лицом. Для меня лично было бы некоторым нравственным удовлетворением – передать детям Н. Г. его сбережённую старую собственность. Если это известие придёт к нему и доставит ему хоть какое-нибудь приятное чувство, это было бы для меня большой радостью...»

10 марта 1879 года была оформлена «Дарственная запись», совершённая А. Н. Пыпиным на передачу бывшего дома Н. Г. Чернышевского его детям. 14 апреля того же года по дарственной на дом были «введены в общее владение малолетний сын титулярного советника Михаила и кандидат С.-Петербургского университета Александр Николаевич Чернышевский». А Михаил Николаевич, с детства собиравший и хранивший реликвии, связанные с отцом, стал инициатором создания в этом доме музея.

В фондовых коллекциях хранятся разнообразные свидетельства о первых шагах по сохранению мест, связанных с Н. Г. Чернышевским на родине писателя в Саратове. Среди них газеты. 2 марта 1908 года местная газета «Саратовский Листок» публикует открытое письмо гласным Думы Саратова от М. Н. Чернышевского, жившего в то время в Петербурге. В нём выражена глубокая обеспокоенность судьбой дома Никольского в Саратове – последний адрес Чернышевского в родном городе, где он жил несколько последних месяцев и умер в октябре 1889 года.

«Письмо гласным Думы.

Один из великих русских умов – Николай Гаврилович Чернышевский – родился, долго жил, наконец умер в Саратове.

Нечего распространяться о его заслугах, о его значении для народа, для русской литературы. Наша обязанность – хранить память о нём.

Гг. гласные! Дом, где жил Чернышевский, недавно продан за бесценок в частные руки, и эти руки уже заготавливают материал для перестройки.

«Праха Цезаря идёт на замазку стен». Вместо музея имени Чернышевского здесь, говорят, будет конюшня для рысаков.

Еще не поздно. Вы, гг. гласные, ещё можете перекупить этот дом и устроить здесь то, чего заслуживает писатель, которым должна гордиться наша родина.

То или другое, что-нибудь необходимо сделать.

Мих. Чернышевский²»

Обращение Михаила Николаевича было оставлено без внимания. Но мысль об увековечении памяти отца в родном городе была осознана и впервые выражена через газету.

¹ Сергей Николаевич Пыпин – брат Александра Николаевича.

² Сохранены орфография и синтаксис подлинника.

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ

Иркутская газета «Голос Сибири» в номере от 20 сентября 1911 года вновь обращается к этой проблеме и пишет о необходимости «открытия чего-либо достойного в память вилюйского страстотерца». А двумя годами ранее газета «Русское Слово» писала: «Есть и в самом Петербурге уголок, где священной чтится память писателя-мученика». Это о «Памятном уголке Чернышевского» в Пушкинском доме Академии Наук – своеобразном «мини-музее», размещённом Михаилом Николаевичем в одном шкафу.

«Уголок Чернышевского» был открыт к 20-й годовщине со дня смерти писателя. Фотографии, сделанные известным фотографом Петербурга А. О. Дранковым³, запечатлели этот «шкаф-музей» и его создателя Михаила Николаевича Чернышевского. Фотоснимки Дранкова хранятся в коллекции Пушкинского дома. В фондах музея Чернышевского в Саратове – фотографии М. Н. Чернышевского, сделанные им с оригинала⁴. На обороте оригинальных фотографий подробные описания впервые выставленных Михаилом Николаевичем раритетов, внизу – круглый штамп: «А. О. Дранков, СПб., Николаевская, 12. Телеф. 73–32».

Интересно прочитать эти надписи, сделанные в далёком 1909 году. Что же было выставлено в этом шкафу? Читаем надпись на обороте первой фотографии: «К 20-летию со дня смерти Н. Г. Чернышевского. Музей-шкаф имени Н. Г. Чернышевского (в Императорской Академии Наук) с вещами, рукописями, книгами и др. вещами, пожертвованными сыном покойного, М. Н. Чернышевским (стоит у шкафа)». На обороте второй фотографии перечислены вещи, находившиеся при Чернышевском в ссылке: «1. Чайная чашка; 2. Баночка из-под кольд крем, заменявшая Н. Г. чернильницу; 3. Альбом с автографами Некрасова и др. известных писателей; 4. Бокль с комментариями на полях Н. Г.; 5. Шахматы и др.». На третьей – лежащие на нижней полке шкафа личные вещи: «1. Подвенечные перчатки Н. Г. и его супруги; 2. Ложка (была в Сибири с 1864 по 1883 гг. и сточилась о стенки горшка, из которого ел Н. Г.); 3. Бумажник; 4. Портсигар с папиросоми; 5. Веер; 6. Прядь волос Н. Г., и т. д.»

Нина Михайловна⁵ позднее вспоминала: «В октябре 1912 года отец мой повёз нас... в Академию Наук «познакомиться с «Уголком Чернышевского» и альбомом бабушки Ольги Сократовны». Из высокого старинного книжного шкафа, принадлежавшего Николаю Гавриловичу, был извлечён этот альбом в чёрном футляре».

Выставка в Академии Наук, вероятно, была закрыта в начале 1918 года в связи с открывшейся возможностью устроить полноценный музей на родине писателя. Опыт, приобретённый Михаилом Николаевичем в результате устройства «музея-шкафа» в Пушкинском доме Академии Наук, оказался своевременным и бесценным, позволил основателю музея с первых практических шагов

³ Александр Осипович Дранков (30 января 1880–3 января 1949) – фотограф, кинооператор, продюсер, один из пионеров российского кинематографа, колоритнейшая фигура столетнего дореволюционного бомонда. Сенсационным успехом Дранкова в документалистике становится первая киносъёмка Льва Николаевича Толстого (1908). Дранков не пропускал ни одного значительного события.

⁴ М. Н. Чернышевский увлекался фотографией, достиг в этом больших успехов. Его фотоработы с успехом участвовали в российских и международных конкурсах. В 1893 году он становится членом отдела «Фотография и её применение» Императорского Русского Технического общества, а с 1897 – Русского Фотографического общества в Петербурге.

⁵ Нина Михайловна Чернышевская (1896–1975) – дочь Михаила Николаевича. Детство и юность её прошли в Петрограде, где она окончила гимназию с золотой медалью, училась на Высших женских Петербургских (Петроградских) Бестужевских курсах (1916–1918), в Саратовском университете (1918–1921).

по осуществлению своей мечты иметь представление о конечной цели задуманного. Сыну писателя довелось оказаться в центре событий, связанных с зарождением и реализацией грандиозной идеи создания специального пушкиноведческого центра, которая была напрямую связана с появлением в России литературно-мемориальных музеев. «Шкаф-выставка Н.Г. Чернышевского» была одной из первых в только что организованном Пушкинском доме при Академии Наук и стала прообразом будущего музея писателя в Саратове.

Что собою представлял Пушкинский Дом в 1909 году? Он был основан в мае 1905 года после долгих, не одно десятилетие длившихся разговоров об увековечении памяти погибшего поэта. Ближайшей предпосылкой стала Пушкинская выставка, посвящённая 100-летию поэта, открытая в мае 1899 года в Большом конференц-зале Академии Наук. Организатор и устроитель выставки – Б. А. Модзалевский, один из будущих основателей Пушкинского Дома. Собраны многочисленные материалы о Пушкине. Это было первое столь представительное и богатое собрание реликвий, посвящённых поэту. *«Получилась яркая и красочная картина жизни и деятельности Пушкина»*, – писал очевидец и будущий хранитель Пушкинского Дома М. Д. Беляев. Тогда и возникло желание у устроителей выставки сохранить все экспонаты в одном месте. Но сделать тогда это не удалось, предметы вновь разошлись по владельцам: ещё не сложилось окончательное осознание способа сохранения Пушкинского наследия. Образованный в 1905 году Пушкинский Дом до 1913-го не имел собственного помещения.

Михаил Николаевич следил за этими событиями. Об этом свидетельствуют его личные книги со штампами-экслибрисами. Среди них «Временник Пушкинского Дома. 1913» – первое научное издание учреждения, а также отдельный оттиск из «Временника Пушкинского Дома 1914 года» со статьёй Б. А. Модзалевского «Из переписки И. А. Гончарова. С приложением снимков с портрета, автографа и визитной карточки». На верхней обложке – дарственная надпись Модзалевского: *«Глубокоуважаемой Вере Александровне Ляцкой от издателя»*. Вера Александровна Пыпина-Ляцкая – троюродная сестра Михаила Чернышевского, художник, мемуарист; активно участвовала в создании музеев Чернышевского в Саратове, Пушкина – на Мойке, 12.

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И ПУШКИН

Чернышевский и Пушкин, конечно, никогда не встречались. Но удивительным образом их пути постоянно пересекаются. Первая их «встреча» произошла на страницах журнала «Современник», когда в 1854 году здесь опубликовал свои первые статьи Чернышевский. И вошёл в историю литературы как ведущий сотрудник, соредaktor этого журнала, основанного в 1836 году А. С. Пушкиным. Благодаря направлению, которое смог придать изданию Чернышевский, «Современник» становится самым читаемым в России. В 1859 году редактору журнала наконец-то дано разрешение на открытие нового раздела «Политика», о нём в своё время так мечтал поэт – основатель издания. Политические материалы готовил Н. Г. Чернышевский.

Связь обнаруживается и в процессе увековечения их памяти. В лоне Пушкинского Дома, основанного при Академии Наук для сохранения материалов о Пушкине и других выдающихся отечественных литераторах, была организована первая выставка, посвящённая Чернышевскому. Здесь сформировалось представление Михаила Николаевича о будущем музее памяти отца. Здесь же в 1913 году после предоставления Академией Наук Пушкинскому

Дому трёх небольших залов и вестибюля впервые разместились раритеты Пушкина. И это был своего рода первоначальный вариант Литературного музея⁶. Мемориализация А. С. Пушкина и Н. Г. Чернышевского начиналась в одном и том же пространстве – в Пушкинском Доме.

Делалось это исключительно энтузиастами. Голодные, в неотопляемых помещениях добровольные сотрудники работали, спасая русскую культуру. 25 февраля 1917 года, когда политическая забастовка охватила весь Петроград, а Россия стояла накануне второй буржуазно-демократической революции, Б. А. Модзалевский писал: *«Смешно будет дальнему нашему потомку, если письмо это дойдёт до него; в Питере волнения, забастовка трамваев, по улицам патрули и казаки, толпы рабочих и манифестантов, нет хлеба, все злые и мрачные, а я «пою» о Пушкинском Доме! Вот, скажут, чудак-то был или сумасшедший, или маниак... Мне и самому совестно, да любовь к захватившей меня идее берёт верх даже над не совсем сытым желудком»*.

В условиях чудовищного голода окажется и М. Н. Чернышевский в Саратове, тоже одержимый идеей созидания музея. Зимой, когда дом невозможно было согреть, температура в комнатах была близкой к нулю, он продолжал работать. И ни один предмет из раритетов не оказался в печи...

ОХРАННАЯ ГРАМОТА НА ДОМ В САРАТОВЕ

В результате размышлений о судьбе наследия и увековечения памяти отца Михаил Николаевич принимает решение о передаче городу дома, в котором родился Н. Г. Чернышевский. Газеты «Одесский Листок», «Голос Минувшего» в июньских номерах 1916 года сообщают о внесении в Саратовскую городскую Думу предложения приобрести дом Чернышевского. Однако вновь, как и в случае с домом Никольского, предложение было оставлено Думой без внимания, об этом пишет «Саратовский Вестник» 2 августа 1916 года.

Стремление М. Н. Чернышевского передать дом городу было настолько актуальной и обсуждаемой темой, что в печати появлялись публикации, в которых желаемое выдавалось за действительное. Так, в газете «Русское Слово» от 21 января 1917 года сообщается, что сын Н. Г. Чернышевского приехал в Саратов по вопросу покупки городом дома. Михаил Николаевич оставил комментарий на паспарту этой вырезки: *«Едва ли достоверное известие, т.к. я сижу в это время дома и нигде не выезжал»*.

На вырезке такого же содержания из «Одесского Листка» его же помета: *«Лежу больной»*.

В «Саратовском Вестнике» от 18 марта 1917 года находим информацию о том, что *«в воскресенье, 19 марта, в 11 ч. утра в здании Радищевского музея состоится организационное собрание литературно-художественного содружества «Многоугольник». Будет обсуждаться вопрос о приобретении дома Н. Г. Чернышевского и об основании в нём постоянных собраний саратовских тружеников печати»*. Обозначена цель создаваемого общества – увековечение памяти Н. Г. Чернышевского, учреждение музея его имени, постановка памятника ему и организация литературных сил для изучения его трудов.

Десятью днями позднее, в конце марта 1917 года, на страницах газет появится сообщение, что Дума Саратова признаёт нужным приобрести в собственность

⁶ В первом выпуске «Временника Пушкинского Дома 1913», изданном в 1914 году, представлены великолепные фотографии этой экспозиции.

города дом, где родился и жил Н. Г. Чернышевский, на доме прибить медную доску с соответствующей надписью.

И вот наконец наступило 26 марта 1918 года – дата, с которой начинается созидание будущего музея. Исполнилась давняя мечта Михаила Николаевича – на саратовский дом семьи, в котором родился Николай Гаврилович Чернышевский, была выдана «Охранная грамота», подписанная наркомом просвещения А. В. Луначарским.

«Дом великого русского писателя Николая Гавриловича Чернышевского, находящийся в городе Саратове, как представляющий громадный исторический интерес, находится под покровительством Рабочего и Крестьянского Правительства и не подлежит никаким занятиям и реквизициям и не может быть перестраиваем без особого на то разрешения Совета Народных Комиссаров», – говорится в ней.

«Охранная грамота» послужила началом музеефикации и всей территории, прилегавшей к дому. Были сохранены другие постройки: флигель жены Ольги Сократовны, дом Пыпиных. Таким образом, именем Н. Г. Чернышевского удалось сохранить сегодня единственную на территории Саратова усадьбу 19 века.

Заботы об устройстве музея требовали постоянного присутствия Михаила Николаевича в Саратове. Переезду способствовали и революционные события в стране, возникли непреодолимые сложности с организацией быта семьи в Петрограде. Решение принято: перебраться в Саратов. В 1918 году семья переехала. В записных книжках дочери Нины сохранилось стихотворение, написанное под впечатлением от увиденного в старом доме и воспоминаний, нахлынувших на неё:

*Брожу по комнатам усталая
Под чёрным шёлковым платком,
И словно сказка небывалая
За мною входит в старый дом. 1⁷*

*Мне снятся образа старинные
В их потемневшем серебре
И птицы райские невинные
На удивительном ковре. 2*

*Рукою тонкой разрисованный 3
В цветах вознёсся потолок
Над девочкою избалованной,
Упрямо севшей в уголок. 4*

*Мелькают кринолины пышные
В лучах закатного огня,
И речи девичьи неслышные
Чуть-чуть доходят до меня. 5*

*Но я молчу, мечтою скована,
Боюсь спугнуть игру теней
И, прошлым нежно околдована,
Брожу всё тише, всё грустней.*

⁷ Пометы сделаны Ниной Михайловной в 1958 году для комментария. Воспроизведено в соответствии с подлинником.

*Дорога, в дали уходящая,
К окну приковывает взгляд. 6
«Там жизнь большая, настоящая,
Оттуда нет пути назад!» 7*

*В окно летят снежинки сонные,
Но сердце, сердце под платком
Уже трепещет, просветлённое,
Своим надломленным крылом! 8*

В декабре 1958 года Нина Михайловна, в ту пору уже директор одного из известнейших литературно-мемориальных музеев страны, ставшего центром по изучению Чернышевского, вновь обратилась к этому тексту и составила «Примечания к стихотворению «Брожу по комнатам усталая...». Интереснейший комментарий через 40 лет жизни в заботах о музее, в трудах по изучению и публикации наследия, судьбы её деда Н. Г. Чернышевского:

«1. Старый дом – наш дом, где родился Н. Г. Чернышевский. Мы приехали, чтобы устраивать музей в этом доме.

2. Квартира Чернышевских была когда-то украшена иконами, а в синей комнате был на полу ковёр с райскими птицами.

3–4. В той же комнате был потолок расписан венком и букетами цветов. На них любила любоваться Катя Пыпина, приехавшая в этот дом пятилетней девочкой. Её прогоняли старшие, она приносила свою скамеечку и ставила в уголок за кресло с высокой спинкой и оттуда, никем не видимая, слушала разговоры старших. По словам моего отца, Катенька была, как и другие младшие дети Пыпиных, более избалована, чем старшие.

5. Старшие сёстры Пыпиных в это время /конец 50-х гг./ ходили в кринолинах. Это были Евгения и Полина, мечтавшие уехать из старого дома в Петербург. Туда и увёз их Николай Гаврилович. Они стали учиться, посещали университет, слушали лекции, жили у Чернышевских.

6. Как и этих девушек, меня манило к себе будущее и в нём какое-то большое и дорогое дело.

7. Как и им, мне виделась в открывшейся неведомой дороге новая и настоящая жизнь.

8. Сердце, перенесшее две измены и разочаровавшееся в личном счастье, приняло радостный путь служения общественному долгу, только-только ещё намечавшемуся в первые годы Октябрьской революции, потом это всё больше и больше росло и развивалось, претворившись в дело компартии.

Так родился в старом доме мой многолетний жизненный путь. 1958. Декабрь»

«МУЗЕЙ ИМЕНИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Крошечная, еле читаемая вырезка из «Известий В. Ц. И. К.» от 26 октября 1918 года. Всего три строки... Обозначена рубрика: «Народное просвещение», и название сообщения: «Музей имени Н. Г. Чернышевского».

Сообщается о переводе «Саратовскому Совдепу 50000 р. на превращение дома Н. Г. Чернышевского в музей его имени⁸».

⁸ Орфография подлинника.

На этом же паспорту рядом ещё одна публикация. Немного большая по объёму. Одна из саратовских газет 29 октября 1918 года писала: «По сообщению «Известий В. Ц. И. К.», нашему Совдепу переводится 50 тысяч рублей на превращение домика Н. Г. Чернышевского, находящегося на углу Большой Сергиевской улицы и Князевского взвоза (ошибочно, Гимназической улицы. – Т. К.), в музей его имени».

Октябрь 1918 года – значимая дата в истории музея. «Охранная грамота» начала действовать: запланированы первые реальные дела по созданию музея в Саратове. А дом семьи Чернышевских в это время уже воспринимается в Саратове, стране как музей писателя.

Однако главный документ, заложивший музей, – Постановление Совета Народных Комиссаров, подписанный председателем Совета Народных Комиссаров В. Ульяновым (Лениным), управляющим делами В. Бонч-Бруевичем, секретарём Л. Фотиевой 25 сентября 1920 года. Это день, когда дом Чернышевского стал музеем, и началась его официальная история.

Картину далёкого прошлого музея дополняет статья, опубликованная М. Н. Чернышевским в журнале науки и искусства «Культура». Издавался в Саратове в голодном 1922 году Губернским отделом союза работников просвещения и искусств. Вышло всего три номера. На его страницах запечатлена культурная жизнь Саратова того времени, которая, несмотря ни на что, всё же была; сообщается, в том числе, и о работе музеев...

В первом номере опубликована статья «Дом-музей Чернышевского». В 1922 году музей в Саратове уже основан, но первая экспозиция была только в планах. Предполагалось занять пять из семи комнат дома. Михаил Николаевич

Н. М. Чернышевская, март 1925 г.

называет их «музеями». Как же строилась работа без постоянной экспозиции? Возможно ли это?

Ответ на эти вопросы в статье. Михаил Николаевич рассказывает о доме, недавно ставшем музеем. Звучит голос человека, мечтавшего об «уголке, который бы дышал памятью об отце». Перечислены предметы, ставшие первыми, и до сих пор они среди самых ценных экспонатов музея. Многие из них выставлялись в «Уголке Чернышевского» в Пушкинском Доме. «1. Письменный стол, шкаф и кресло Н. Г. Чернышевского; 2. Стол и кресло Г. И. Чернышевского; 3. Различные издания сочинений Чернышевского; 4. Книги из библиотеки Чернышевского; 5. Книги о Чернышевском; 6. Журнальные и газетные статьи о Чернышевском за 40 лет; 7. Библиография о Чернышевском с 1854 года по настоящий день; 8. Вещи-реликвии Николая Гавриловича, Ольги Сократовны и Гавриила Ивановича Чернышевских⁹», и многое другое. *«Весь этот богатый материал хранится пока в шкафах и ящиках и не может быть выставлен на обозрение для широкой публики из-за невозможности пока развернуть музей подобающим образом. Поэтому заведующий музеем М. Н. Чернышевский просит всех, серьёзно интересующихся памятью его отца, сообщать ему заблаговременно о желании посетить музей. По выбору дня и часа все вещи будут разложены в удобном для рассмотрения порядке, причём будут даны и необходимые справки и объяснения. «...» Музей открыт по предварительному соглашению с М. Н. Чернышевским ежедневно с 11 до 3 ч, а летом до 8 вечера»,* – уточняет Михаил Николаевич.

Было и так, как рассказывает газета «Саратовские Известия» от 19 января 1922 года. Музей Н. Г. Чернышевского посетили красноармейцы-курсанты 3-й Саратовской школы железнодорожных техников. Экскурсию проводил М. Н. Чернышевский. После посещения курсанты решили провести в музее электричество, устроить в школе вечер имени Чернышевского...

В те первые годы было сделано очень многое. Кроме сохранённой коллекции раритетов, Михаил Николаевич разработал первый план предполагаемой экспозиции, к сожалению, им не реализованный. После скоростной смерти отца в мае 1924 года Нина Михайловна продолжила работу по созданию музея. В 1927 году была открыта первая стационарная экспозиция. Главной работой всей жизни, без которой не могла быть осуществлена и задача музея по всестороннему осмыслению личности писателя, она считала создание «Летописи жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского»¹⁰. Этот труд Нины Михайловны появился в годы, когда не существовало никаких библиографических пособий по изучению выдающегося мыслителя.

Нина Михайловна Чернышевская оказалась в числе бывших слушательниц Санкт-Петербургских (Петроградских) высших женских (Бестужевских) курсов, которым выпало принять на себя труд по созданию в России литературно-мемориальных музеев¹¹. Энтузиастки, увлечённые выбранным путём, они стали высокопрофессиональными специалистами в музейной сфере. Основной этап этой деятельности пришёлся на сложный период в развитии отечественного музейного строительства в 1920–1950-е годы.

⁹ Ольга Сократовна – жена Н. Г., Гавриил Иванович – отец Н. Г.

¹⁰ Первое издание вышло в 1933 году, второе – в 1953-м.

¹¹ Большинство из них состояли в родстве с писателями. Другие были серьёзно увлечены творчеством литературных деятелей. Бывшие бестужевки – энтузиасты музейного дела, не имели специального образования. Среди них кроме Нины Михайловны Чернышевской были Софья Владимировна Короленко (1886–1957), Вера Сергеевна Любимова (Дороватовская) (1888–1955), Нина Николаевна Грин (1894–1970), Маргарита Фёдоровна Николаева (1873–1957).

Сегодня Музей-усадьба Н. Г. Чернышевского, благодаря надёжному фундаменту, заложенному потомками Николая Гавриловича Чернышевского – сыном Михаилом Николаевичем, внучкой Ниной Михайловной, – современный литературно-мемориальный комплекс, в котором на основе научных разработок и обширных фондовых коллекций гармонично представлены многогранные аспекты связей Н. Г. Чернышевского с его эпохой и современностью. В музее сейчас открыты три экспозиции, в каждой присутствуют предметы мемориального значения, конечно, не в равной степени, но они обязательно есть. В этом – концептуальная преемственность экспозиций, созданных в разное время.

Дом Н. Г. Чернышевского в 21 веке продолжает жить, а музей, основанный 25 сентября 1920 года, развиваться.

Музей-усадьба Н.Г. Чернышевского

К 100-ЛЕТИЮ МУЗЕЯ-УСАДЬБЫ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

**Ирина
СЕМЁНОВА**

ИСТОРИЯ В «МОМЕНТАЛЬНОМ СРЕЗЕ», ИЛИ НЕ ТОЛЬКО КНИГИ ИМЕЮТ СВОЮ СУДЬБУ

2020-й – юбилейный год для единственного в России и в мире музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского. За столетие своего существования музей несколько раз менял название и статус, но имел неизменную цель: показать масштаб личности Николая Гавриловича, рассказать о его влиянии на современное ему и последующие поколения, поведать о взаимосвязях Н. Г. Чернышевского с родным городом – Саратовом. Эта программа определяет особенность мемориального музея: для его собрания, которое сейчас насчитывает около 50 тысяч экспонатов, отбираются предметы «эпохи Чернышевского» не потому, что они внешне эффектные, или мастерски сделанные, или имеют невероятную сохранность (всё это учитывается, но – во вторую очередь). А в первую очередь ценятся вещи с «биографией» (она называется музейной легендой). Бесценными, конечно, являются экспонаты мемориальные, обладающие легендой, которая непосредственно связывает их с той личностью, которой посвящён музей.

К мемориям (так для краткости будем называть мемориальные предметы) относятся, например, книги из личной библиотеки, прижизненные фотопортреты и т.п., но наибольшее внимание посетителей неизменно привлекает вещественная коллекция мемориальных предметов. Однако порой экскурсант, увидевший в мемориальном музее обычные на вид бытовые предметы, разочарованно восклицает: «Да я лучше сделаю!». Да, сложно современному неподготовленному посетителю, в жизни буквально погружённому в мир копий, осознать достоинство подлинника.

-
- Ирина Викторовна Семёнова родилась в 1960 году в Саратове. В 1985 году окончила исторический факультет Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Работала в научно-исследовательской лаборатории сорговых культур СХИ, в НИИ геологии СГУ, в Саратовском областном музее краеведения, в Энгельском краеведческом музее. С 2008 года является научным сотрудником МУК «Музей-усадьба Н. Г. Чернышевского». Автор 40 публикаций в научных и научно-популярных изданиях.

Но именно музей призван объяснить и растолковать, как подлинные мемории через бытовой контекст передают психологическую ауру личности, оставившей след в истории, обнаруживают тонкие повороты человеческих отношений.

Историко-культурная ценность предмета определяется при изучении провенанса – истории бытования вещи. Всё, что удалось узнать о «биографии» старинной вещи, излагается в так называемой музейной легенде. Она составляется по документам, запечатлевшим историю жизни человека, память о котором важно передать следующим поколениям: переписке, деловым бумагам, фотографиям, рисункам разных лет, всевозможным инскриптам (памятным и дарственным) и т.п. Семейные легенды и иные формы устных воспоминаний тоже учитываются. И лишь тогда, когда удаётся узнать судьбу предмета, в будущем экспонате проступает скрытая тайна – волнующая и притягательная.

Есть ли такие мемории в коллекции музея-усадьбы Н.Г. Чернышевского? Для примера возьмём медную доску, находящуюся на экспозиции¹, с музейным номером и шифром МНГЧ ОФ 37. Она прямоугольная, размером 10x17,5 см, имеет четыре шурупа и по углам полукруглые вырезы: так удобнее, если её неоднократно снимают и прикрепляют на новом месте – углы не погнутся. На доске надпись в две строки углублёнными буквами с чёрным заполнением. Гравировка сверху имитирует надпись от руки, тонкими линиями, с наклоном: «*Николай Гавриловичъ*»; снизу печатными буквами полужирным прямым шрифтом: «**Чернышевский**». Это – медная доска с парадной двери. Табличку такой формы удобно снимать, съезжая с квартиры, а переезды были в жизни Николая Гавриловича частым явлением в петербургский период жизни. Обращает на себя внимание предельный лаконизм надписи: не указаны ни чин, ни род занятий Чернышевского. Какой вывод можно сделать? Психологическая установка владельца – не придавать значения официальной карьере и ни своё, ни чужое время не тратить ни на что лишнее.

История этой доски с парадной кратко пересказана в рукописи Нины Михайловны Чернышевской «Литературные друзья и знакомые отца» и в «Летописи жизни и деятельности Н.Г. Чернышевского», опубликованной на основе её же кандидатской диссертации. Дополним рассказ внучки великого демократа. На первом этаже дома № 108/4 Г.А. Есауловой по Большой Московской улице «литератором отставным титулярным советником Николаем Чернышевским» снята была 20 мая 1861 года квартира № 4. Она состояла из 6 комнат, снята была на два года «сроком считая с 1 сентября 1861 года по 1 сентября 1863 года» и находилась в том районе города, который ныне называют «Петербург Достоевского».

В то время многие звонили в эту квартиру и открывали её дверь. «Принимать во всякое время» приказано было соредкторов журнала «Современник» И.И. Панаева и Н.А. Некрасова, из сотрудников – любимого товарища по «критическому цеху» Н.А. Добролюбова и некоторых других лиц, которых правительство считало «неблагонадёжными»². В Н.Г. Чернышевском, о котором, по выражению современницы, «говорила чуть не вся Россия», власти увидели «коновода юношей» (то есть

¹ Демченко А. А. Дом-музей Н. Г. Чернышевского. Путеводитель. Под редакцией Н. М. Чернышевской. Саратов, Приволж. кн. изд., 1969. С. 75

² Звенья. М., 1950. № 8.

смутьянов); с 24 октября 1861 года учреждена была слежка за квартирой³. Подкуплен был дворник, а также кухарка, служившая у Чернышевских, и через неё III отделение политического сыска получило в своё распоряжение черновые бумаги из корзины в кабинете Николая Гавриловича. Однако ничего подозрительного жандармам обнаружить не удавалось.

Лучшие писатели эпохи обратились к Н. Г. Чернышевскому, признавая его выдающимся критиком. 6 февраля 1862 года Николаю Гавриловичу доставлен был первый номер журнала «Ясная Поляна» с письмом А. Н. Толстого. Там содержалась просьба отрецензировать в «Современнике» присланный педагогический журнал; рецензия была написана. В мае того же года около пяти часов пополудни надпись на доске парадной двери читал автор «Преступления и наказания». Ф. М. Достоевский прежде никогда не бывал дома у ведущего критика журнала «Современник». Поводом для этого внезапного визита стала прокламация «К молодому поколению», подброшенная 14 мая к дверям квартиры Фёдора Михайловича. Воззвание с призывом: «В топоры!» в раскалённой атмосфере начавшихся в России реформ возмутило писателя. Он поторопился выразить свои чувства радушному хозяину, но знаменитый публицист возразил: «*Неужели Вы предполагаете, что я солидарен с ними, и думаете, что я мог участвовать в составлении этой бумажки?*»⁴.

Кто же были «нигилисты» – распространители прокламаций, о которых говорили два корифея русской литературы за дверью квартиры на Большой Московской? Отметим Александра Никифоровича Моригеровского, поскольку судьба его была причастна к музейному экспонату, о котором мы ведём рассказ. Это был педагог, лично известный Н. Г. Чернышевскому. Уроженец Тульской губернии, он в 1860 году преподавал русский язык и литературу в Технологическом институте в Петербурге (тогда это было, по сути, ещё училище)⁵. Педагог полностью разделял идею Н. Г. Чернышевского: «*Лучше не развиваться человеку, нежели развиваться без влияния мысли об общественных делах...*»⁶

По данным властей, А. Н. Моригеровский распространял среди воспитанников листы прокламации «Великорусс» № 1, вышедшей 30 июня 1861 года, наряду с «Колоколом» и «Будущностью» – запрещёнными газетами политических эмигрантов А. И. Герцена и П. В. Долгорукова. Это послужило поводом для начала институтских беспорядков. Среди учащихся Технологического института, испытавших особое влияние «возмутительных идей» нового учителя, был известный впоследствии участник «хождения в народ», а позднее «нечаевец» Пётр Михайлович Сажин⁷. Александр Никифорович был уволен с места работы, но в целом судьба его сложилась гораздо более благополучно, чем у Н. Г. Чернышевского.

³ Дело Н. Г. Чернышевского. Сборник документов. Подготовка текста, вводная статья и комментарии И. В. Пороха. Саратов, Приволжское книжное издательство, 1968. С. 15

⁴ Демченко А. Н. Г. Чернышевский. Научная биография (1859–1889), М., РОССПЭН, 2019 (Humanitas). С. 163; 189–190.

⁵ Сажин В. Н. Александр Моригеровский – общественный деятель и издатель (по новым материалам) // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века. Сборник научных трудов. Вып. 2. Из истории демократической и научной книги. Л., 1986. С. 10–22.

⁶ Чернышевский Н. Г. Русский человек на rendez-vous // Чернышевский Н. Г. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 3. Литературная критика. М.: Правда, Огонёк, 1974. С. 105.

⁷ Чернышевская Н. М. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М., ГИХЛ, 1953. С. 211, 234.

С именем Николая Гавриловича власти связывали «опасную» тенденцию журнала «Современник», отстаивавшего право общества обсуждать основы государственного устройства пореформенной России. Конечно, в подцензурном журнале обсуждение не могло вестись напрямую. Но Н. Г. Чернышевскому с помощью «эзопова языка» удавалось делать это, описывая, к примеру, события во Франции: «...французские абсолютные короли <...> устраивают целое государство таким образом, чтобы весь народ жил исключительно для содержания двора и придворной аристократии»⁸.

А. Н. Моригеровский был одним из тех современников Н. Г. Чернышевского, кто находился под «ядовитым влиянием» этой яркой личности. Оттого правительственные круги – это видно из доклада шефа жандармов В. А. Долгорукова императору Александру II – в составлении воззвания «Великорусс», а также «в участии составления прочих воззваний и в постоянном возбуждении враждебных чувств к правительству» подозревали «литератора Чернышевского».

В феврале 1862 года в своей квартире на Большой Московской Николай Гаврилович пишет статью «Письма без адреса». Блестящая публицистическая статья, в которой литературный критик, писатель и публицист размышлял, можно ли избежать «русского бунта», целиком оказалась перечёркнута красным карандашом цензора; издана лишь в 1874 году в Цюрихе при содействии К. Маркса. Единственно допустимой позицией для российского гражданина – даже в период кардинальных реформ – «царь-освободитель» Александр II считал нерассуждающее доверие к правительству; соответственно, за печатью признавалось лишь право поддерживать власти. В конфликте мировоззрений середины быть не могло, и, чтобы одержать победу, власти не остановились перед колоссальной несправедливостью, вызвавшей возмущение мыслящих людей России и европейских стран.

7 июля 1862 года после 2 часов пополудни дверь в «нехорошей» квартире № 4 распахнул жандармский полковник Ракеев; был произведён обыск, который был вызван перехватом русской полицией письма, адресованного Н. А. Серно-Соловьевичу, с припиской А. И. Герцена, в которой упоминалось имя Н. Г. Чернышевского⁹. В результате обыска был изъят как подозрительный шифрованный саратовский дневник 1853 года – «Дневник моих отношений с той, которая теперь составляет моё счастье», отражающий развитие романтических отношений Николая Гавриловича и его – на тот момент – невесты Ольги Сократовны Васильевой¹⁰.

Убедительных улик против Н. Г. Чернышевского собрать не удалось. Тем не менее дверь петербургской квартиры навсегда закрылась за литератором. Он был заключён в Алексеевский равелин Петропавловской крепости, где в ожидании суда написал знаменитый роман «Что делать?», распространявший в русском обществе идеи эмансипации женщин, социализма, проповедовавший новый идеал супружеских отношений и бескорыстие как новую

⁸ Чернышевский Н. Г. Г. Чичерин как публицист // Чернышевский Н. Г. Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Мысль, 1986. С. 657.

⁹ Дело Н. Г. Чернышевского. Сборник документов. Подготовка текста, вводная статья и комментарии И. В. Пороха. Саратов, Приволжское книжное издательство, 1968. С. 25, 61–62.

¹⁰ Демченко А. А. Н. Г. Чернышевский. Научная биография. Часть третья. 1859–1864. Саратов, изд-во Сарат. ун-та, 1992. С. 40, 284.

мораль¹¹. Опубликованный Н. А. Некрасовым в журнале «Современник» роман принёс мужественному писателю неслыханную популярность (и ужесточение наказания, конечно).

30 апреля 1864 года полиции стало известно содержание анонимного письма, предназначенного для Н. Г. Чернышевского, заключённого в камере № 12. Неизвестная корреспондентка, мать семейства, передавала Николаю Гавриловичу *«благословение за всех мужчин и женщин»*, уверяла в сочувствии к нему лучших людей, потому что его убеждения – *«их убеждения, их правила, их судьба»*. При помощи сличения почерков агентами III отделения было установлено, что это письмо написано *«женою учителя Моригеровского (уволненного из Технологического училища)»*. За Моригеровскую, проживающей на Конногвардейском бульваре, было усилено наблюдение¹².

Публикация *«неслыханного романа»*, по оплошности дозволенного цензурой, стала для правительства последним поводом, чтобы на закрытом судебном заседании заклеить дерзкого литератора как *«государственно-преступника»*. Это ещё больше усилило его популярность. Когда 4 мая 1864 года Н. Г. Чернышевского в закрытой карете доставили в сенат для слушания окончательного приговора, к этому зданию явились некоторые из разделявших его идеи, среди которых были супруги Моригеровские.

19 мая в 8.45 утра на Мытнинской площади в Петербурге состоялась церемония гражданской казни Н. Г. Чернышевского. По донесению жандармского полковника, чтобы видеть Николая Гавриловича, собралось от двух до двух с половиной тысяч человек. По воспоминаниям врача-очевидца А. В. Венского, много было литературной братии и женщин, то есть сочувствующих не менее четырёхсот человек¹³.

Из письма к сыну Н. Г. Чернышевского Михаилу известно, что его мать Ольга Сократовна, Моригеровский и его супруга провожали пешком осуждённого, когда Николая Гавриловича везли на место гражданской казни¹⁴. Письмо, правда, позднее, но его информацию можно проверить, сопоставив с воспоминаниями М. П. Сажина. Студенту-технологу запомнилось, что рядом с его товарищами на Мытнинской площади стояли хорошо знакомые писатели: С. В. Максимов, П. И. Якушкин и А. Н. Моригеровский – журналист *«Русского слова»*¹⁵.

Итак, Александр Никифорович, без сомнения, присутствовал на гражданской казни в числе сочувствующих. По возвращении на Большую Московскую жена Н. Г. Чернышевского, уезжающая в Саратов, разрешила супругам Моригеровским взять на память доску с парадной двери последней петербургской квартиры *«литературного Прометей»*, как назвал его Г. В. Плеханов. Обратим внимание: как только великого демократа приговаривают к каторге, появляется новый взгляд на связанную с ним предметную среду. Ещё и речи не может быть о создании музея – а уже началось превращение обычной бытовой вещи в музейную ценность, которая хранит

¹¹ Н. Г. Чернышевский: pro et contra. Сост., вступ. статья, коммент. А. А. Демченко. СПб., РХГА, 2008. С. 45, 98, 461.

¹² Чернышевская Н. М. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М., ГИХЛ, 1953. С. 328.

¹³ Короленко В. Г. Гражданская казнь Чернышевского // Собрание сочинений в десяти томах. Т. 8. М.: Гослитиздат, 1954.

¹⁴ Чернышевская Н. М. Н. Г. Чернышевский в моей жизни. Саратов, Приволжское книжное издательство, 1985. С. 52–53.

¹⁵ Воспоминания М. П. Сажина (Арман Росс) // http://www.dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/109525/Сажин (дата доступа 15.01.2012 г.).

информацию о переломном моменте в судьбе исторической личности большого масштаба, о её современниках – последователях и единомышленниках.

Вслед за гражданской казнью последовали каторга и ссылка в Сибирь, не словившие, однако, дух Николая Гавриловича. Жестокая расправа окончательно подняла на недосягаемую высоту в русских революционных кружках и образ негибаемого писателя, и авторитет идей, которыми проникнут был его роман «Что делать?». Как высказался впоследствии поэт и религиозный философ Владимир Сергеевич Соловьёв, «...уважать исповедничество идеи и жертву ценою жизни обязательно для всякого». Неслучайно поэтому у народников сложился «культ Чернышевского».

Ординарная медная доска с дверей последней петербургской квартиры почитаемого писателя стала обладать ценностью реликвии. А. Н. Моригеровский, «литератор из круга В. Г. Короленко», стал в 1870-е годы владельцем одной из типографий в столице Российской империи¹⁶ и хранителем предмета с драматической «биографией». Позднее Александр Никифорович передал меморию человеку, которому тоже дорого было имя великого демократа, Марии Петровне Воскресенской, сопроводив рассказом о том, как реликвия к нему попала.

Марию Петровну поистине можно считать «новым человеком» в том смысле, какой вкладывал в это понятие Н. Г. Чернышевский. Повторив путь героини романа «Что делать?» Веры Павловны к получению высшего образования, М. П. Воскресенская в 1881 году окончила в столице женские курсы при Военно-медицинской академии и приехала в г. Череповец, где почти 30 лет трудилась в земской больнице с такой отдачей, что вскоре после смерти М. П. Воскресенской больнице было присвоено её имя. Профессиональная деятельность Марии Петровны представляла собой подвиг человеколюбия: она скончалась в 1909 году от жестокой простуды, полученной, когда добиралась к больному в село¹⁷.

До самой своей смерти М. П. Воскресенская не расставалась с реликвией, полученной от Моригеровских, но незадолго до кончины успела передать главную свою ценность Ивану Павловичу Александрову, преподававшему с 1885 году математику и физику в Череповецком Александровском училище. Решающее значение для Марии Петровны имел один факт из биографии этого преподавателя, по которому она определила в нём единомышленника. В 1879 году, когда И. П. Александров был студентом первого курса Петербургского университета, устроена была сходка учащихся «для выражения негодования Цитовичу за его пасквильную брошюрку», направленную против романа «Что делать?»¹⁸.

Новый владелец мемории, человек широко образованный, окончивший Санкт-Петербургский университет со степенью кандидата, в 1908 году занял пост директора Череповецкого Александровского училища. И. П. Александров

¹⁶ Сажин В. Н. Александр Моригеровский – общественный деятель и издатель (по новым материалам) // Книжное дело в России во второй половине XIX–начале XX века. Сборник научных трудов. Вып. 2. Из истории демократической и научной книги. Л., 1986. С. 10–22.

¹⁷ Федяева А. В. Врач Мария Петровна Воскресенская по: <http://admin.cherlib.ru/files/141621112011Fediaeva.pdf> (дата доступа 22.01.2012 г.).

¹⁸ Чернышевская Н. М. Н. Г. Чернышевский в моей жизни. Саратов, Приволжское книжное издательство, 1985. С. 53.

был опытный педагог, оставивший добрый след в истории училища, а ещё – настоящий русский интеллигент¹⁹.

Узнав, что младший сын Чернышевского, Михаил Николаевич, собирает реликвии, связанные с именем своего отца, *«имея в виду устройство музея»*, Иван Павлович 14 ноября 1909 года написал ему письмо, а в 1910 году сам приехал в Петербург и подарил дорогой для него предмет Михаилу Николаевичу²⁰.

Для М. Н. Чернышевского собирание материалов об отце стало пропуском в среду профессионалов в области музейной работы, «дверью» в музейную профессию. После переезда из Петрограда в Саратов сын Н. Г. Чернышевского сумел добиться открытия первого литературно-мемориального музея в городе. Случилось это 25 сентября 1920 года, когда был опубликован декрет Совета народных комиссаров от 17 сентября того же года, объявлявший дом Чернышевских в Саратове национальным достоянием²¹. Началось создание музея в тяжелейших условиях ещё не закончившейся Гражданской войны. Первый заведующий, Михаил Николаевич Чернышевский, сразу же передал в фонды ряд реликвий, среди которых была и медная доска с парадной двери квартиры отца. В сохранении её мемориальной ценности большую роль сыграла дочь М. Н. Чернышевского Нина Михайловна Чернышевская-Быстрова, которая на протяжении полувека возглавляла музей, сохраняя и разбирая материалы семейных архивов, записывая семейные предания.

Как известно, профиль Дома-музея Н. Г. Чернышевского и его значение в годы советской власти определялись тем, что писатель-гражданин отводил литературе место *«учебника жизни»*, и этот постулат, закреплённый в школьной программе, прочно вошёл в менталитет широких слоев населения. Авторитет имени Николая Гавриловича Чернышевского и, соответственно, музея-усадыбы тогда был чрезвычайно высок. Но наступило время культурного пересмотра, встал вопрос: музей Н. Г. Чернышевского – это только некий политический феномен или он – явление культуры с собственным потенциалом жизнеспособности? Актуальны ли для современного российского общества коллекции музея-усадыбы Н. Г. Чернышевского и те ценности, которые они отражают? В этой ситуации тщательное изучение фондовых коллекций музея приобрело первостепенное значение. Стало понятно, что обыкновенный предмет быта порой позволяет провести глубокую «шурфовку» целого исторического пласта! И что неслучайно выстраивается целая цепочка поколений, дороживших идеалами Н. Г. Чернышевского и оттого – мемориями, связанными с его именем и его биографией.

Ныне медная доска с парадной двери последней столичной квартиры Н. Г. Чернышевского находится в музее на постоянной экспозиции *«Отечества достойный сын»* и, чудится, немо вопрошает каждого: что такое – быть гражданином? В чём состоит гражданский долг? В России – да и не только у нас – эти вопросы, похоже, никогда не устареют...

¹⁹ История Череповца 1885 по: <http://www.subscribe.ru/archive/country.nwest.rev/200881/14150906.html> (дата доступа 15.01.2012 г.).

²⁰ Чернышевская Н. М. Литературные друзья и знакомые отца. Рукопись. Л. 23 // МНГЧ ОФ 9161.

²¹ Чернышевская Н. М. Н. Г. Чернышевский в моей жизни. Саратов, Приволжское книжное издательство, 1985. С. 52, 82.

*Рисунок А. Заславского «Дом-музей Н. Г. Чернышевского».
Саратов, нач. 1950-х гг.*

Журнал «Волга–XXI век» зарегистрирован МПТР РФ,
свидетельство ПИ № 77-16080 от 6 августа 2003 года.

Учредители: Министерство информации и печати Саратовской области, Саратовское региональное
отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России».

Издатель: ГАУ СМИ СО «Регион 64».

Директор – Владислав Степанов.

Редакция:

Главный редактор – Елизавета Данилова.

Дизайн и вёрстка – Лилия Баранова.

Корректор – Елена Березина.

Подписано в печать 27 августа 2020 года.

Дата выхода в свет 31 августа 2020 года.

Журнал отпечатан в ООО «Амирит».

Адрес типографии: г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.

Заказ № 41/27080

Цена свободная.

Почтовый адрес: 410005, г. Саратов, а/я 3535.

Адрес редакции: г. Саратов, ул. Соборная, 42.

Тел. (факс): (845-2) 28-63-49.

E-mail: lizamart@yandex.ru

Сайт: www.g-64.ru/volga

Подписной индекс 14320

При перепечатке ссылка на издание обязательна.

Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своём решении.

Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 15,60.

Бумага типографская. Печать цифровая.

Тираж свободный.

© ГАУ СМИ СО «Регион 64», 2020.

© «Волга–XXI век», 2020.

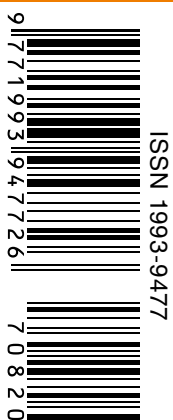
Летний вечер в музее.
«Ночь музеев»,
2014 г.
Фото Ю. И. Полякова

М. Н. Чернышевский
в Академии Наук.
1916 г.
Автоснимок

Акварель. Дом Чернышевских. 1885–1889 гг.
Художник В. А. Пыпина

ISSN 1993-9477

9 771993 1947726 7 0 8 2 0